

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 4

**Москва
2010**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 4

**Москва
2010**

Б 042(02)1

В четвертом выпуске сборника, подготовленного в Центре истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, публикуются материалы, которые отражают различные аспекты истории народов Кавказа, Прибалтики, Украины, Казахстана, Европейской части России в XVI–XX вв. Кроме исследователей из столичных научных центров, представлены работы историков из Владикавказа, Кургана, Днепропетровска, Принстона. В центре внимания авторов находятся следующие вопросы: организация управления регионами, присоединенными к России, и адаптация различных народов к пребыванию в составе Российского государства; закономерности политического и этнодемографического развития народов; особенности культурного развития; реконструкция этнических и политических процессов по письменным, этнографическим и фольклорным источникам.

Редколлегия:

д-р ист. наук М.Б.Булгаков, канд. ист. наук А.М.Марчуков
д-р ист. наук В.В.Трепавлов (*ответственный редактор*)

Рецензенты:

д-р ист. наук Н.М.Рогожин, д-р ист. наук Г.А.Санин

ISBN 978-5-8055-0225-6

© Институт российской истории
РАН, 2010 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В четвертом выпуске сборника публикуются материалы, которые отражают различные аспекты истории народов Кавказа, Прибалтики, Украины, Казахстана, Европейской части России в XVI–XX вв. Кроме исследователей из столичных научных центров, представлены работы историков из Владикавказа, Кургана, Днепропетровска, Принстона.

В центре внимания авторов находятся следующие вопросы:

– организация управления регионами, присоединенными к России, и адаптация различных народов к пребыванию в составе Российского государства (статьи д.и.н. Н.Е.Бекмахановой и д.и.н. Н.Б.Нарбаева о казахском суде биев, д.и.н. Д.И.Исмаил-Заде об организации управления Кавказом в составе Российской империи, д.и.н. Э.П.Федосовой о тех же аспектах в отношении Прибалтики, к.и.н. Д.Н.Маслюженко и к.и.н. Е.А.Рябининой о жизни сибирско-татарской знати в России XVI в.);

– закономерности политического и этнодемографического развития народов (статьи д.и.н. Н.Ф.Бугая о современном положении российских цыган, к.и.н. А.В.Михайлюка об особенностях этнического самосознания украинских крестьян в начале XX в.);

– особенности культурного развития (статьи к.и.н. А.А.Хамицаевой о внедрении христианства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв., Л.Максименкова о культурной политике в отношении немцев Поволжья в 1930-х годах);

– реконструкция этнических и политических процессов по фольклорным источникам (статьи д.и.н. В.В.Трепавлова о структуре ханства калмыцкого эпического героя Джангара, А.В.Шумкина о загадочном кавказском народе маджары).

Д.и.н. М.Б.Булгаков подготовил к печати документы XVI и XVII вв., отражающие отношения российских властей с народами Севера. Д.и.н. Д.Ю.Арапов публикует материалы,

отражающие замысел советского руководства создать единый орган по управлению мусульманской конфессией в СССР (1946 г.).

Редколлегия сборника приглашает к сотрудничеству коллег из исследовательских центров России и других стран. Надеемся, что публикуемые в этом выпуске материалы окажутся полезными и познавательными для специалистов и всех, кто интересуется историей нашего многонационального государства.

МАДЖАРЫ В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

При изучении фольклора народов Северного Кавказа можно столкнуться с преданиями о легендарном народе «маджары», с которыми связано одно из основных этногенетических преданий осетин-дигорцев и балкарцев. В данной статье мы попытаемся наметить пути для поиска ответа на следующие вопросы: действительно ли в этом регионе в средние века обитал народ «маджары» и правомерно ли его отождествление с венграми (мадьярами).

Одним из первых, кто изложил текст предания о маджарах, считается служивший на Кавказе подполковник русской службы Л.Штедер. Как мы можем судить, изучив запись Штедера, зафиксированные им устные предания достаточно подробны, но этнографы впоследствии зафиксировали более интересные для нас версии¹. Также изучением и изложением упомянутого предания занимались такие известные исследователи, как Г.Ю.Клапрот, И.Ф.Бларамберг, Я.К.Бешше, А.М.Шёгрэн, К.Кох, К.И.Красницкий, П.А.Головинский, В.Б.Пфафф, Н.Ф.Дубровин, В.Ф.Миллер, М.М.Ковалевский, Н.Н.Харузин, Н.П.Тульчинский, Б.А.Ланге, М.С.Туганов, М.К.Абаев, В.Н.Кудашев, У.Д.Ездиев; отдельные аспекты легенды затронули в своем творчестве Ш.Б.Ногмов, К.Ф.Сталь, К.Ф.Ган, А.Абрамович, Б.К.Далгат, В.А.Потто, П.С.Уварова, В.Линден, С.О.Шахмурзаев, О.М.Отаров². Необходимо упомянуть и современных авторов, занимавшихся исследованием предания о маджарах, — Ф.Х.Гутнова, Х.Х.Малкондуева и В.М.Батчаева, а также осетинскую историческую песню об Айдаруке Кабанове, записанную в XX веке и посвященную тому же преданию³.

Прежде чем приступить к изложению и подробному разбору предания, нужно упомянуть и географическую точку расселения маджар, по словам баксанского князя Мурзакула Урусбиева, «господствовавших... над краями от Кумы до Каспийского моря и в северной и западной частях Кавказа вплоть до побережья Черного моря»⁴. Локализация маджар на Куме совпадает с известным по средневековым и новым источникам золотоордынским городом Маджар. Собственно, историография рассматриваемой проблемы насчитывает уже около 290 лет с тех пор, как один из первых европейцев, обративших внимание на развалины Маджара, офицер российской службы венгр Ш.Туркай, обозначил проблему присутствия «маджар» (под этим названием в средние века на Востоке были известны венгры-мадьяры) на Кавказе. Данный вопрос был им поднят в письме из Астрахани в 1725 г.⁵

Другой европейский офицер на российской службе, полковник И.Г.Гербер (вероятно, знакомый с Ш.Туркай по службе), в 1728 г. писал о развалинах города Маджара: «Магиары, или лучше сказать маджары жили в степи к северу над черкесскими горами... Нет никакого сомнения, что маджары... основали Венгерское королевство, ибо венгерцы называют сами себя маджарами, да и турки и поляки их так именуют»⁶.

Вслед за ним такую же точку зрения принял В.Н.Татищев, который обратился к тюркоязычным информаторам и обнаружил следующее: «Имя Маджары какого языка и что значит, я изведать не смог, но что оный был жилищем тех угров, то уверяет: Турки и татары сей град именуют Старые, а Венгрию – Новые Маджары»⁷.

Догадка Ш.Туркай получила определенную популярность в научных кругах XVIII–XIX вв. В частности И.Э.Фишер посвятил Маджару § 16 своей диссертации «О происхождении венгров», где подтвердил, что азиатские народы действительно называют венгров маджарами. В итоге он пришел к следующему выводу: «Что касается вышеупомянутого города

Маджар, лично я не стал бы оспаривать, что это название было дано ему из-за маджаров. Но какими же доводами доказывается, что либо маджары не венгры, либо тот город был основан маджарами? Вероятно, что они силой оружия захватили этот город, который, как я догадываюсь, был некогда возведен персами и имел другое название, и по праву победы изменили его название»⁸.

А.Ф.Бюшинг в ответ на размышления И.Э.Фишера написал статью, в которой впервые была дана попытка обзора сведений средневековых источников, касающихся маджаров. Вывод Бюшинга: «Маджары доходили и до страны, где находится Маджар. Это доказывается и именем города, и войною, которую маджары или венгры вели с персами»⁹.

Д.А.Рицци-Заннони на опубликованной им карте северной части Османской империи пометил Маджар следующим замечанием: «Разрушенный город маджаров, откуда родом венгры»¹⁰.

Значительный интерес представляют мнения участников «академической» экспедиции 1768–1774 гг., среди которых особой оригинальностью отличается точка зрения Г.С.Гмелина. Посетив развалины Маджара в 1772 г. и подчеркнув, что слишком несведущ в средневековой истории, Гмелин заключает: «Вероятно, здесь жило скифское племя, носившее имя маджар, и интересно знать: не потомки ли их кавказский народ, именно ингуши»¹¹.

И.А.Гильденштедт, осмотрев руины города в 1773 г., пришел к выводу о его принадлежности мусульманам (как он считает, ногайцам). Исходя из этого, он пишет: «Современные маджары, или венгерцы, теряют таким образом право, которое им предоставлялось, на эти развалины; вероятно их уже раньше прогнали татары, если, с другой стороны правда, что они жили в этой местности»¹².

П.С.Паллас, побывавший на городище значительно позже своих товарищей по экспедиции, также связал Маджары

с мусульманами — возможно, татарского происхождения, и отметил, что «если судить только по традиционному названию Маджар, данному этому месту, то оно, возможно, было раньше местопребыванием венгров или куманов». Он также обратил внимание на Маджарское озеро и на другие «маджарские» развалины вблизи от Зеленчука¹³.

Крайне противоречиво высказался Я.Рейнеггс. Он считал, что город был основан монголами (и приводит пару народных этимологий названия города). Однако в другом месте, пересказывая дагестанскую хронику «Дербенд-наме», он написал, что «жители Маджара, уставшие от беспрестанных войн, в которые они были втянуты Хаканом Дешт-и Кыпчака, покинули это место и переселились в западном направлении со всеми своими пожитками и собственностью» (явно намекая на венгров)¹⁴.

Заслуживают упоминания воспоминания генерала С.А.Тучкова, который также не обошел «маджарскую» проблему вниманием: «Однако венгры и поныне на природном языке не называют себя не венграми, ни хунгурами, но мажар. На Кавказской же линии между Кизляром и Моздоком есть селение, называемое Мажары». Далее Тучков приводит ту этимологию, которая впоследствии в искаженном виде была признана Г.Ю.Клапротом и приобрела широкое признание, и сам же ее отвергает: «Скажу только, что все доказывает, что венгры, гунгары или угры имели там древнее свое жительство»¹⁵.

Г.Ю.Клапрот был первым, кто предпринял попытку обзора историографии проблемы и последовательной критики этой гипотезы. На основании данных архитектуры, эпиграфики и собранного им на городище нумизматического материала он пришел к выводу, «что Маджар был городом, построенным и населенным кыпчакскими татарами», и «ни в коем случае это название не может намекать на венгров, или мадьяр»¹⁶.

Однако гипотеза после этого не потеряла свою популярность. И.А.Фесслер использовал упоминания Маджара на

Куме в «Истории угров» для своей реконструкции движения венгров в Европу¹⁷.

Н.М.Карамзин упоминает Маджары, как «город торговый (на реке Куме, в Кавказской Губернии), где, как вероятно, обитали некогда Угры, изгнанные Печенегами из Лебедии». Кроме того Карамзин вводит в научный оборот важные для решения проблемы сведения Г. де Рубрука о венграх¹⁸. Г.Ю.Клапрот не смог остаться в стороне от полемики и возразил Карамзину, что венгры двинулись из Лебедии на запад через Киев¹⁹.

В 1829 г. сочинение Г.Ю.Клапрота, как ни странно, не только не остановило, а только побудило венгерского исследователя Я.К.Бешше совершить экспедицию на Кавказ в поисках следов венгров. Бешше собрал богатую информацию и пришел к твердому убеждению, что местность у Кумы была местопребыванием его соплеменников не только в прошлом, но их потомки обитали в горах и в его время²⁰.

А. де Жерандо счел необходимым опубликовать выдержки из «Путешествия» Я.К.Бешше в качестве приложения к собственному «Историческому сочинению о происхождении венгров». Взгляды Бешше он, видимо, полностью разделял²¹.

В Венгрии примерно в это же время появляется посвященная проблеме связей венгров с Маджаром на реке Куме работа Й.Эрнеи, в которой освещена история зарождения концепции²².

Один из первых историков Золотой Орды, Й. фон Хаммер-Пургшталь, судя по всему, придерживался примерно одинаковой точки зрения с А.Ф.Бюшингом и Н.М.Карамзиным. Он был уверен, что «город Маджар, на Куме... так же, как замок Маджаров в арабском Ираке, получил название от венгров, которые ушли из Лебедии на юг против Персии»²³.

А.П.Берже также недвусмысленно выразил свою точку зрения. В комментариях к «Истории адыгейского народа» он пишет: «Маджарами или мадиарами называют себя венгры, которые под этим же именем известны и у восточных пи-

сателей. На Кавказе, на р. Куме, видны развалины, называемые Маджарами»²⁴.

Во время Четвертого археологического съезда П.Д.Шестаков прочитал доклад, посвященный городу Маджару. Зачитав мнения ряда ученых по «маджарской» проблеме и сведения некоторых исторических источников (Шестаков даже придерживался мнения, что свидетельство о пребывании маджар между Волгой и Доном содержатся якобы уже в сочинении арабского географа начала X века Ибн-Дастан!), он в заключение сказал: «Едва ли подлежит сомнению, что в прекрасной местности на берегах Кумы, в этом древнем славном городе, развалины которого теперь, к сожалению, сравниваются с землей, жили маджары, мадьяры, угры, нынешние венгры, что они воевали с персами и татарами»²⁵.

Взгляд Ф.К.Бруна был уже достаточно традиционным. Между прочим, он сообщает, что «следы пребывания Савартиасфалов на северной стороне Кавказа, именно при Куме, поныне сохранились в развалинах большого, красивого города Маджар Ибн-Баттуты и Абульфеды, Моджжъ-горы современных им русских летописцев». Сведения о пребывании маджар на Кавказе он пытался отыскать в крайне противоречивом отрывке из сочинения арабского географа XI века ал-Бекри²⁶.

В конце XIX столетия «маджарская» гипотеза обрела нового последовательного критика в лице К.Я.Грота. Будучи под сильным влиянием концепций Г.Ю.Клапрота, К.Я.Грот безоговорочно принял фантастическую этимологию названия Маджар, предложенную Клапротом. Маджар на Куме он считал основанным «каким-то племенем Монгольской орды» и далее развивал свою мысль следующим образом: «Однако сближение этого города с именем мадьяр не имеет другого основания, как только подобие звуков. Подобие же это следует считать совершенно случайным, и ни о каком действительном соотношении между мадьярами и г. Маджаром не может быть и речи». Именно К.Я.Грот впервые разработал реконструкцию венгерского пути на запад. И в его реконст-

рукцию пребывание венгров на Куме не вписывалось. Он критикует тех авторов, которые отстаивали эту концепцию, считая, что она особенно популярна среди сторонников «турецкого» происхождения мадьяр. К числу своих основных оппонентов он относил венгерских историков Л.Залаи и М.Хорвата и автора «Этнографии Австрийской монархии» К.Чернига²⁷. Поскольку разработки К.Я.Грота пользуются заслуженным признанием и до сих пор, можно утверждать, что именно благодаря его критике «маджарская» гипотеза превратилась из популярной научной теории в малоизвестную концепцию.

Впрочем, Кавказ еще посетили экспедиции М.Дечи (1884 г.), Ф.Гауча и Е.Зичи (1895 г.), основной задачей которых было доказать пребывание венгров в этом регионе²⁸.

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона зафиксировала крайнюю непопулярность венгерской гипотезы на момент ее издания. Статья «Маджары» гласит: «В конце прошлого и начале текущего столетий господствовало мнение, основанное на простом созвучии названий, что М. были жилищем венгров (мадьяр)»; однако автор другой статьи той же энциклопедии, ссылаясь на П.Д.Шестакова, — наоборот, считает что «маджары — племя, жившее близ устьев Волги, на берегу р. Кумы» непреложный исторический факт²⁹.

Уже В.А.Потто относился к «маджарской» тематике с глубоким скепсисом, и, рассказывая об экспедиции Я.К. Бешше, относил добытые им этнографические данные на счет мнительности венгра (впрочем, он никак не аргументировал свою точку зрения и, по-видимому, считал научную критику гипотезы, «разгромленной» К.Я.Гротом, излишней)³⁰.

Следует отметить, что большинство авторов, занимавшихся записями предания о «маджарах», видимо, были либо незнакомы с гипотезой Ш.Туркаи, либо не воспринимали ее всерьез (исключение составляют лишь Л.Штедер и опиравшиеся на него И.Ф.Бларамберг и К.Кох). К.Ф.Ган также придерживался «маджарской» гипотезы.

В XX веке данная тематика стала непопулярной, и ее разработка сосредоточилась почти исключительно в Венгрии. В 1904 г. на этом вопросе остановился Б.Мункачи. Он объяснял соседством венгров с аланами на Кавказе осетинские заимствования в венгерском языке³¹. Однако эта лексика совсем не обязательно должна быть заимствована именно на Кавказе. Л.Бендефи посвятил «маджарской» проблеме специальную монографию «Прародина венгров на Кавказе» и впоследствии опубликовал важные для ее решения документы из архива Ватикана³². Значительное внимание уделил проблеме И.Эрдели. Он считал, что исходный пункт поисков следов древних венгров на Кавказе (у Меотиды) – это предание о родоначальниках венгров братьях Гуноре и Могоре³³. Таким образом, этому преданию он придает значение достоверного исторического свидетельства, несмотря на то, что оно имеет очевидный сюжетный источник в раннесредневековой латинской литературе – легенду о происхождении хуннов, изложенную Иорданом. Предание базируется на сближении хуннов и венгров (хунугуров), часто встречающемся у средневековых латиноязычных авторов³⁴.

В отечественной науке концепция связи Маджар с венграми была поддержана В.П.Шушариным. Согласно его мнению: «Ясно, что этот топоним – след пребывания группы восточных венгров в иноязычной среде»³⁵. Довольно своеобразную работу написал В.П.Кобычев, который пытался связать с венграми довольно обширный круг топонимов Кавказа³⁶. Последняя известная автору публикация по данной проблеме принадлежит В.А.Кузнецову. Он указал на ряд предметов венгерского происхождения, найденных на Кавказе и датируемых VIII–XII вв. Однако он упускает из виду, что эти предметы разбросаны по слишком обширной территории и не образуют единого археологического комплекса, следовательно, могут быть скорее всего предметами импорта алано-венгерской торговли. На свидетельство Масуди о существовании такой торговли он сам же и ссылается³⁷.

Если авторы XVIII в. интересовались лишь принципиальным установлением связи между Маджаром и венграми, подчас пытаясь увязать противоречивые археологические и исторические факты (их смущала явная принадлежность развалин Маджара татарам), то начиная со следующего столетия для большинства исследователей характерно было обращение к свидетельству Константина Багрянородного о родстве с венграми савартов, ушедших к пределам Персии³⁸. Даже указание М.И.Артамонова, что Константин Багрянородный «смешал мадьяр с савирами»³⁹, не заставило современных сторонников «маджарской» гипотезы отказаться от попытки объяснить присутствие маджар на реке Куме движением савиров на юг, несмотря на то, что существование государства савиров в Азербайджане в общем-то никак не объясняет возможного присутствия маджар на реке Куме.

Маджары в источниках золотоордынского периода

Существуют ли исторические свидетельства того, что в средние века венгры обитали «от Кумы до Каспийского моря и в северной и западной частях Кавказа вплоть до побережья Черного моря»?⁴⁰ В 1253 г. французский дипломат Гильом де Рубрук, покидая ставку монгольского царевича Сартака на правом берегу нижней Волги и направляясь в кочевье его отца Бату, сообщил следующее: «А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно русские, венгры и аланы, рабы их, число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи»⁴¹.

Египетский автор конца XIII – начала XIV в. ал-Омари дополняет сообщение Рубрука: «Хотя они (монголы. – А.Ш.) одержали верх над ратями черкесов, русских, маджаров и асов, но эти народы похищают детей и продают их купцам»⁴². В своем изложении ал-Омари еще дважды упоминает Маджар: «границы этого государства со стороны Джейхуна: Хорезм, Сыгнак, Судак, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Умук, Булгар, области Сибир и Ибир, Башкырды и Чулыман»⁴³. Как можно заметить, ал-Омари специально подчеркнул, что речь идет именно о городе Маджар, а не об области обитания народа вообще, как далее у него же: «с севера страны Хифджах, то есть племени кыпчаков и страны славян, черкесов, русских, маджар и соседних с ними различных народов, населяющих север»⁴⁴. Город Маджар – грамматическая конструкция *идафа арабия*, или *status constructus*, – это и название города и в то же время обозначение того, что это город маджаров*.

Логическое продолжение ал-Омари дают хронисты Рукн ад-Дин Бейбарс и ан-Нувейри: «В 707 г. от Токты, царя татарского, пришли известия о том, что он отомстил генуэзским франкам, которые находятся в Крыму, в Кафе и в Северных областях, за дела, которые о них рассказывают, как-то: за овладение татарскими детьми, за отсылку их в эти края и за разные другие вещи»⁴⁵.

Соединив все три текста (Рубрук, ал-Омари, Бейбарс), можно представить следующую картину расселения маджар во второй половине XIII – начале XIV в. Маджары (венгры) обитали на реке Куме, разбойничали в междуречье Волги и Дона, крали детей татар и продавали их в Крыму генуэзцам,

* В изданном Тизенгаузеном тексте сочинения аль-Омари народ маджары пишется через две буквы алиф и с определенным артиклем *الماجار* а город через один алиф и без артикля *ماجرا*. Но как можно убедиться, артикль используется аль-Омари вообще крайне непоследовательно. В частности, в упомянутом списке все названия городов и областей стоят без артикля, хотя далее есть случаи употребления тех же самых названий с артиклем. *ماجرا* и *ماجرا* – обычные разночтения названия и города и народа в арабских текстах.

пока хан Токта не пресек незаконную торговлю карательными мерами в 1308 г. Именно на монетном чекане этого хана впервые появляется название города Маджар⁴⁶.

В 1329 г. папа римский Иоанн XXII направил письмо князю восточных венгров Йеретамиру, в котором венгры вновь упомянуты вместе с аланами: «Jeretamir, et Universis Christianis Ungaris, Malchavtis as Alanis»⁴⁷. Далее в документе говорится о городе Кум Маджаре (именно под таким названием Маджар фигурирует в сочинениях арабских авторов Абу-л-Фиды и ал-Калкашанди): «In Cummageria duo loca»⁴⁸. Очевидно тут определение «Кумский» по отношению к городу несет особую семантическую нагрузку — чтобы дифференцировать именно Маджар на реке Куме (а не какой-либо другой), в связи с общей многочисленностью одноименного народа, и соответственно носящих его имя топонимов (ср. список городов Аквилонского викариата из Ватиканских документов⁴⁹).

В русской «Книге Большому Чертежу» по отношению к городу Маджар употреблено выражение близкое тому, что использовал ал-Омари: «...и реку Куму, а по ней Можаров Юрт... А по реке Куме, с правые стороны, 7 мечетей татарских Можаров Юрт, да мечеть на другой стороне Кумы Арак-Кешень»⁵⁰. Юрт означает на тюркских языках «дом», таким образом, Можаров Юрт — «дом маджаров», где арабское слово «город» заменено тюркским «дом».

Подобная практика наименования города по населяющей его народности в золотоордынской практике не единична. Таким же образом получил свое имя город Мохши — по населяющей его мордве-мокше⁵¹. Итак, письменные источники дают вполне очевидные свидетельства о проживании венгров на Куме в XIII—XIV вв.

Маджары в топонимах и предметной номенклатуре Кавказа

Поздняя традиция также зафиксировала весьма любопытные для разрешения исследуемой проблемы названия.

Так, Г.Ю.Клапрот ознакомился с традицией тюркоязычных жителей Северного Кавказа и обнаружил следующее: «Имя бассианов, которое не включает в себя карачаевцев, произошло от главного среди них рода... Их старики рассказывают, что в давние времена они обитали в степях Кума близ Дона, но когда точно, сказать они не могут. Их столица, которая как говорят, была очень величественна, называлась Кирк Маджаром, что на их языке означает “Сорок каменных строений” или “Сорок четырехколесных телег”, следуя двойному толкованию, что может быть применено к Маджару. Они утверждают, что руины Маджара, все еще сохраняющиеся, являются остатками этого города»⁵². То же название упоминает Г.Н.Прозрителев, отметив, что «все эти развалины народ называет почему-то “кирками”»⁵³.

В другом месте Г.Ю.Клапрот уточняет: «Здесь, как и в турецком языке, “кирк” означает не только “сорок”, но и является числом, указывающим на огромное множество»⁵⁴. Кроме того, он пишет, что слово *маджар* синонимично *таштан*, и слово *машар* в значении телега тут «выглядит абсолютно неприменимым. Ни в коем случае это название не может намекать на венгров, или мадьяр»⁵⁵.

Клапрот писал о местном населении, что «они уже были проинформированы своими предшественниками и путешественниками, что здесь вероятно жили и венгры; а один полковник незадолго до моего посещения Маджара подтвердил им это предположение»⁵⁶. Таким образом, он считал местные легенды о венграх привнесенными из внешнего источника.

На самом же деле в том, что касается каменного здания, он был введен в заблуждение русским словом «мажары» (старое кладбище) из тюркского *мазар*⁵⁷ (развалины Маджара выделялись своим мусульманским некрополем с каменными мавзолеями, которые на тюркских языках назывались мазарами).

Как таковая, этимология Клапрота является слегка искаженной версией того объяснения, которое чуть раньше приводил С.А.Тучков: «Слово мажар есть татарское и значит

молитвенное место или кладбище»⁵⁸. Ошибка Клапрота перешла в другие издания — сочинения Я.Потоцкого, И.Ф.Бларамберга, энциклопедию Брокгауза и Ефрона⁵⁹ и т.д.

Что касается слова *маджар* в значении «телега», то М.Р.Фасмер этимологизировал его от этнонима маджар, означающего «венгр»⁶⁰. Если внимательно посмотреть на ареал распространения этого термина, то обнаружим слово «мажар» в лексиконе донских казаков, в крымско-татарском, караимском, карачаево-балкарском, кумыкском, ногайском и калмыцком языках, т.е. в местности, расположенной вокруг города Маджара на Куме. Причем в калмыцком языке находим его в форме *mad÷ar tergñ*, а в кумыкском *маджар арба*, т.е. «маджарская телега»⁶¹. Становится ясно, что термин в значении «телега» вторичен по отношению к городу или скорее народу его населявшему.

Какой же смысл содержит в себе сочетание Кирк Маджар? Ближайшую аналогию можно найти в Польше, где существовала деревня Сорок Татар, основанная литовскими татарами⁶². И там, и тут мы имеем дело с поселением, основанным среди этнически чуждого населения. Значение получается примерно такое: «[место, где живет] огромное множество татар (маджар)».

Если смотреть на карту рассматриваемого региона, то можно прийти к выводу о том, что топонимы и гидронимы с названием *маджар* в нем широко распространены. Помимо комплекса из трех городищ — Улу (Большой) Маджар, Кичи (Малый) Маджар и Боргон Маджар на реке Куме, П.С.Паллас, Г.Ю.Клапрот и Ф.Дюбуа де Монпере обнаружили развалины другого городища, также известные как «дома маджаров», но уже исключительно из черкесской традиции (по адыгски Маджар-уна). Они локализуют эти руины у подножия гор чуть севернее истоков Большого Инджика (Зеленчука), или же «миную Марухский перевал, уже на весьма большой высоте, к долине Малого Зеленчука»⁶³.

Н.Семенов утверждал, что «ногайцы... почему-то полагают, что Джулат Манджурия»⁶⁴. Тут его этнографические

изыскания перекликаются с переводом «Дербенд-наме», выполненным М.Алихановым-Аварским, где «Уллу-Маджар и Кичи-Маджар называются теперь Джулад и Татар»⁶⁵. Сходным образом перевел тот же самый отрывок из «Дербенд-наме» А.Бакиханов: «Улумаджар, названный впоследствии Татартоп, а ныне это минарет в Малой Кабарде»⁶⁶. Очевидно, здесь имеет место неправильное понимание текста переводчиками – в переводе Г.М.-Р.Оразаева эти города просто перечислены рядом⁶⁷. Тем не менее, непонятно, считали ли ногайцы Джулат Маджаром в силу знакомства с искаженным текстом сочинения Мухаммеда Аваби Акташи, или же, наоборот, текст был переведен неверно оттого, что в XIX в. среди жителей Дагестана существовало ходячее представление о Джулате и Татартупе как о Маджарии? В.Н.Татищев также как будто приписывал Татартуп и Джулат маджарам⁶⁸. Возможно, и он был знаком с искаженной версией Дербенд-наме?

С.М.Броневский Азовское море называет «Мажурским»⁶⁹. Недалеко от Кумы также известно Маджарское озеро (Маджар Су). Путь из Царицына на Северный Кавказ (пролежавший в направлении на Маджарское городище на реке Куме) еще в XVIII в. назывался «Маджарский тракт». А 19 апреля 1793 г. было учреждено Моздокско-Можарское викариатство с кафедрой в Моздоке⁷⁰. В ярлыке, выданном золотоордынским ханом Улуг-Мухаммедом братьям Туглубаю и Хызру, упомянута местность Маджар, причисляемая к Керченскому элю⁷¹.

Вероятно, распространение маджарской номенклатуры на весьма обширной территории говорит как о присутствии в те времена «маджар» на Северном Кавказе, так и о существовании в золотоордынской административной системе Маджарского вилайета с центром на реке Куме, охватывавшего значительную часть Северного Кавказа. Именно в этом смысле Джулат мог считаться «Манджурией» (очевидно, что

Манджурия Н.Семенова и Мажурское море С.М.Броневского – это искаженное Маджар). Видимо, это название было очень архаичным и как наименование улуса употреблялось персидскими авторами XV – первой половины XVI в.⁷² Авторы XVI–XVII вв. упоминают только «страны черкесов и асов», или «черкесский вилает» и «юрт черкесов»⁷³. Это могло быть вызвано занятием региона Кабардой после падения Большой Орды. Тем не менее, в местной номенклатуре старое название долго сохранялось, отсюда, вероятно, появились «Мажурское море», упоминание Можар в названии Моздокского викариата и т.д.

Обширная местная топонимическая и предметная номенклатура как будто недвусмысленно говорит в пользу присутствия в Средневековье на берегах реки Кумы некой этнической группы, носившей имя маджар.

Маджары в историко-генеалогических преданиях

Чтобы получить полную картину тех представлений, которые на Кавказе связывались с маджарами, необходимо исследовать легенду о двух братьях, Басе и Бадице. Для ознакомления с преданием о братьях-маджарах наиболее важны версии балкарских князей Хаджи Шаханова, Эльмурзы и Мисоста Абаевых, записи Л.Штедера, Я.К.Бешше, А.М.Шёгрена, К.И.Красницкого, П.А.Головинского, В.Ф.Миллера, Н.П.Тулчинского, М.С.Туганова и У.Д.Ездиева (а также некоторые архивные документы)⁷⁴. «Маджарское» предание можно условно разбить на три части, которые композиционно являются самостоятельными историями:

1. Своеобразная преамбула, в которой рассказывается о происхождении двух «братьев-маджар».

2. Рассказ о том, как братья приходят в ущелье реки Урух, где происходит их ссора. Младший брат нанимается на

службу к дигорцам и становится основателем рода дигорских алдаров-бадият*.

3. Рассказ о приходе в горы балкарцев, утверждении в княжении над ними Мысаки и о приходе вслед за ним в Балкарию старшего из двух братьев, который становится основателем рода балкарских таубиев-басиат**.

Первая часть известна из рассказов князей Мурзакула Урусбиева и Хаджи Шаханова, записанных Я.К.Бешше и Н.Н.Харузиным соответственно (запись Харузина в полном объеме была опубликована В.Ф.Миллером)⁷⁵, хотя намеки на существование такого повествования содержатся и в других записях легенды. У стамбульского падишаха была дочь Алемелия, которую он спрятал на острове Мраморного моря, оберегая ее невинность, но она все равно зачала ребенка от солнечных лучей. Разгневанный отец сажает ее на корабль вместе с прислужницами и отпускает в открытое море. Корабль прибывает ветром к берегу Черного моря, где ее находит и берет в жены охотившийся там «маджарский хан» Тума-Мариен. Он делает зачатого от солнечных лучей Чингиз-хана своим наследником, а Алемелия родит ему еще двух сыновей, Баса и Бадила, которые после смерти отца вступают в борьбу с Чингиз-ханом за власть (в рассказе Эльмурзы Абаева их враг – дядя со стороны отца). В результате им приходится выселиться.

Именно этот эпизод легенды зафиксирован в записях И.Ф.Бларамберга и К.Коха, заимствованных ими из книги Г.Ю.Клапрота. «Эти бадийаты, или бадийцы, происходят от мадьяр, от которых они откололись, когда этот район был разорен ордами Чингис-хана»⁷⁶, «пока венгры из Маджар на Куме не были изгнаны Чингис-ханом». Ф.Х.Гутнов нашел в одной из редакций сказания сведения, что Бадил появился в

* Алдар – в Осетии представитель княжеского сословия. Бадията – арвадалта, т.е. несколько фамилий дигорских алдаров, правивших в Тапан-Дигории и Уаллагкоме и объединенных общим происхождением.

** Таубий – в Балкарии представитель высшего сословия, буквально «горский князь». Басиата – арвадалта балкарских таубиев.

Дигории при втором поколении после татаро-монгольского нашествия⁷⁷. Наконец, Ш.Б.Ногмов пишет про «остатки маджаров, бежавших с берегов Кумы на Урал от завоеваний Ховарезмийского хана»⁷⁸. Эти записи рассказывают не о реальных событиях, а представляют собой эпизод из легенды о вражде Чингиз-хана со своей родней. В рассказе Шаханова Чингиз-хан не изгоняет братьев, а становится их прадедом через деда Барак-хана и отца Джанбек-хана (видимо, в версии, отмеченной Ф.Х.Гутновым, схема похожая).

Это предисловие основной легенды является своеобразным синтезом двух сюжетов. Во-первых, родословия реального Чингис-хана и истории его предка Добун-Мергена, который является прототипом Тума-Мариена⁷⁹. Во-вторых, фольклорного рассказа о непорочном зачатии, отдаленным прообразом которого является легенда о Данае и Персее (однако тут деду ничего не угрожает со стороны внука – утерян древнегреческий мотив убийства деда своим потомком)⁸⁰. Более полная редакция этой истории известна по татарскому историко-фольклорному сочинению «Дафтар-и Чингиз-наме»⁸¹. В легенде Бас и Бадил занимают то место, которое в «Дафтар-и Чингиз-наме» отведено младшим сыновьям Тумаул-Маргана и Аламалым – Бильгутаю и Буденатаю. Сюжет полностью заимствован из фольклора тюркоязычных предков балкарцев. Очевидно, идея соединить родословие Чингис-хана с историей двух братьев базируется на фонетическом сходстве. Их имена в осетинской форме, известной балкарцам, Басиат и Бадинат созвучны именам Бильгутаю и Буденатая.

В версии Касая Кубатиева по записи А.М.Шёгрена «их предки еще раньше ушли из Константинополя или Крыма к немцам»⁸². У М.К.Абаева также «два брата Басиат и Бадилят прибыли на Кавказ из Венгрии (по другому преданию – Крыма)»⁸³. Объяснение упоминанию Крыма находим, ознакомившись с версией Шаханова, по которой отец братьев, Тума-Мариен, жил в Крыму. Этот факт представляет инте-

рес ввиду того, что Крым, видимо, также появился в версии предания под влиянием фольклора тюрок Северного Кавказа (карачаевцы и кумыки-брагунцы, по собственным легендам, – выходцы из Крыма и никак не связаны с маджарами).

Братья уходят от маджар и отправляются с дружиной в Дигорию. Бас, как старший, едет на коне, а Бадил – на муле. Подъезжая к дигорскому аулу, младший брат уговаривает старшего уступить ему коня и пересесть на мула. Из-за этого дигорцы, приняв Бадила за старшего, так как он ехал на коне, оказали ему почет, которым был обделен Бас, и это послужило поводом к раздору между ними. У братьев были фитильные ружья, о которых дигорцы до того времени не имели никакого понятия. Дигорский князь Айдарук Кабанов нанял Бадила охранять стада дигорцев и защищать их огнестрельным оружием от враждебных соседей. В вознаграждение за это жители дали ему небольшой земельный надел и платили сначала по мере зерна, а потом по барану с дыма. Когда Бадил умер, его потомки «приватизировали» княжеские права. У Бадила было семь сыновей, от которых произошли фамилии бадилят: Кубатиевы, Тугановы, Караджаевы, Бетуевы, Кабановы, Чегемовы и Абисаловы⁸⁴.

Сюжет о коне и муле передают Л.Штедер, князя Абаевы и Н.П.Тульчинский⁸⁵. Сюжетная линия, видимо, заключается в «обмане» старшего брата младшим и краже младшим старшинства. Некую параллель демонстрирует библейская история про Исава и Иакова, которые также становятся основателями двух соседних народов – эдомцев и израильтян, но тут судьей старшинства выступает не отец, а народное собрание – нагиш (Быт. 27: 1–42). У Н.П.Тульчинского старшим братом является Бадил, и соответственно весь порядок повествования зеркально противоположен (видимо в рассказе Хаджи Шаханова тот же порядок, таким образом, как будто балкарцы имеют полученное обманом старшинство перед дигорцами).

Резко выделяется из записей предания редакция, зафиксированная Комиссией по разбору сословных прав, которая явно носит рационалистический характер. В этой редакции брата «покорив жителей гор от истоков Хуламского Черека до истоков Сангуты-дон, покоренную землю разделили между собой, причем Бадиль взял Дигорию, а Бассият — Балкарию»⁸⁶. На этом заканчивается чисто фольклорная часть легенды («близнечный миф») и начинаются предания, носящие ярко выраженную социальную подоплеку.

Л.Штедер и В.Ф.Миллер сообщают об участке земли, под названием «поле Бадила», который показывали в их время (согласно первому, у дороги в Гарниске, а по версии второго, близ аула Махческа)⁸⁷. Ничего невероятного в истории наделения Бадила землей на первый взгляд нет, но Ф.Х.Гутнов в XX в. не нашел такого поля в указанном месте, зато обнаружил участки земли с аналогичным названием рядом с другими дигорскими аулами, из чего становится ясным их фольклорный характер⁸⁸.

В чем же подоплека истории с участком земли? Безусловно, поле Бадила — это земельный надел, выдаваемый уздену* алдаром (необходимое условие его вхождения в общество в качестве полноправного члена). Надо учесть, что, как сообщает П.А.Головинский, в своей версии легенды бадильяты представляли своего предка Бадила основателем дигорского общества⁸⁹. В исторических условиях, сложившихся во времена Л.Штедера и В.Ф.Миллера, сюжет с земельным наделом был ответом народа на аристократическую версию легенды: рассказывая о земельном наделе Бадила, дигорцы как бы хотели сказать, что предок алдаров был когда-то среди них простым узденем.

Подобную же роль играет сюжет с наймом Бадила охранять дигорские стада. Тут имеет место мотив службы героя дигорцам (причем в песне об Айдаруке Кабанове и в записи

* Узден — на Кавказе член военно-служилого сословия.

У.Д.Ездиева назван символический срок 7 лет⁹⁰). В награду за нее он получает от дигорцев привилегии алдара – выплату ему натуральной подати. По этой же причине в большинстве версий предания, записанных в Дигории, близнечный миф отходит на второй план или вовсе отсутствует. Лишь Л.Штедер в наиболее ранней версии (записанной в 1781 г.) сообщает сюжет с конем и мулом, но ему, судя по всему, было неизвестно, ни то, что второй брат основал род балкарских князей, ни даже его имя.

В записи 1835 г., сделанной А.М.Шёгреном, мотив родства князей Балкарии и Дигории присутствует (второго брата, основателя рода басаиата зовут при этом Tjisikte), но источником Шегрена был глава бадият Касай Кубатиев⁹¹. В более поздних записях К.Красницкого, П.А.Головинского и В.Ф.Миллера второй брат отсутствует⁹². Он появляется лишь в редакции М.С.Туганова (одного из бадият)⁹³. В ситуации, когда бадияты чуть не были свергнуты в 1781 г., а тем более во время длительного земельного спора между ними и остальными сословиями, возникшего после того, как администрация князя Воронцова в 1837 г. наделила бадият (особенно Тугановых) обширной земельной собственностью, для представителей низших классов были совсем неактуальны воспоминания об аристократической связи бадият с соседями⁹⁴. После решения земельной проблемы принципиальность существования второго брата или умолчания о нем потеряла свое значение.

Предки балкарцев приходят в горы от маджар. Они вступают в противоборство с местными жителями-таулу (т.е. горцами). Затем из земли маджар (или же из владений брагунских князей Таймазовых) в те же места переселяется Мысака. Сначала он поселяется отдельно от балкарцев на равнине при Тереке в урочище Кошка-Тау. Он помогает балкарцам покорить туземцев и захватывает власть. Затем Мысака снова отправляется к маджарам и приводит оттуда с собою своего князя, Баса, при котором Мысака в Маджарии состоял узденем. Однако Мысака не хочет оставаться на новой

родине узденем при Басе, а потому при въезде в Балкар, в теснине Джилги-Тар, берет с Баса клятву, что оба они будут князьями. Туземцы становятся *джасакчи* (данниками) у Мысаковых и платят им натуральную подать. Бас, поселившись в Балкаре, оставляет потомство: сыновей Абая и Темрюка. У сына Абая Алибека рождается сын Кучук, родоначальник фамилий таубиев Абаевых и Кучуковых. Один сын Темрюка (Таукан) становится родоначальником таубиев Шахановых и Джанхотовых, а второй (Тазирит) – Айдебуловых (Биевых)⁹⁵.

Хаджи Шаханов по-другому представлял себе генеалогию басаит: у Баса был сын Хабиж, отец Абая. Таукан и Тазирит, по его мнению, были сыновьями Абая от первой жены, а Алибек (родоначальник Кучуковых, Амирхановых и Боташевых) и Кансау (предок Абаевых) – от других жен⁹⁶.

Третий сюжет знаком нам в рассказах Эльмурзы и Мисоста Абаевых и в сильно сокращенной по сравнению с ними редакции Хаджи Шаханова. Несложно убедиться в том, что первые два рассказа восходят к общему протографу – видимо, родовой истории князей Абаевых. Разница в том, что в более поздней версии заметна сравнительно большая фольклоризация мотивов, логическая связь некоторых событий утеряна и находит объяснение в более ранней версии.

Согласно легенде, местное население (горцы), были завоеваны пришельцами и превращены в податное сословие. Туземцы также известны в легенде под названием *сауту*, что, видимо, является балкарской передачей осетинского *саута* («черные»). Возможно, осетинское название туземного населения также указывает на социальную нишу, занятую ими в балкарском обществе, – «черного» (простого) народа. Предание насчитывает три волны переселенцев. Первая, собственно, и получила название балкарцев. Эльмурза Абаев приводит народную этимологию от слов *бар-кал* (иди-оставайся), которая подчеркивает то, что балкарцы – пришельцы на новых местах⁹⁷. У Мисоста Абаева появляется

герой-эпоним Малкар, давший свое имя обществу⁹⁸. Предводитель второй волны Мысака получает княжеский сан от балкарцев в более ранней версии за покорение туземцев, а в более поздней отравляет сыновей Малкара и женится на их сестре, завладев, таким образом, всем их имуществом⁹⁹. В версии Эльмурзы Абаева более отчетливо видны реалии феодальных времен.

Как видим, легенда рассказывает об основании балкарского горного общества и происхождении дигорских алдаров — бадиятов (дигорское общество уже существовало, и до Бадила им управлял местный князь Айдарук Кабанов). Именно такую интерпретацию дал этим событиям кабардинский писатель Ш.Б.Ногмов: «Хотя остатки маджаров, бежавших с берегов Кумы на Урал от завоеваний Ховарезмийского хана, ушли в Нагорный Дагестан, где они носят название *андийцев*, а другая часть у дигорцев, наших близких соседей, составляет дворянское сословие; но по преданиям известно, что некоторые из маджар соединились с нашими предками»¹⁰⁰.

В документе, поданном начальнику Кавказской линии, он более подробно рассказывает о последней упомянутой им части маджар: «Входящие в состав народов, обитающие в Большой Кабарде, некоторые называются Малкарцами, а другие Балкарами, а эти племена составились из остатка Болгарских народов, и между ними находится несколько из Мажарского племени, и они до учреждения в Кабарде крепостей платили дань кабардинцам, но никогда не были с ними единого племени и разделяются на общества Балкарское, Чегемское, Хуламское и Безенгиевское»¹⁰¹.

Х.Х.Малкондуев отмечает, что в Балкарии вплоть до 1970-х годов употребительно было выражение «Сен не дукъум мажарлыса?», т.е. «Какой фамилии ты маджар?». Последняя словесная формулировка очень показательна в плане того, что с маджарами ассоциировались именно какие-то *тукъумы* (фамилии).

Характерно, что осетинские, балкарские и кабардинские информаторы при передаче предания на русский язык слово маджар толковали как этноним и обычно переводили словом «венгр». Так перевели «маджар» на русский язык и балкарские князья Абаевы и дигорский алдар Касай Кубатиев (прямые потомки братьев Баса и Бадила)¹⁰². Последний сообщил А.М.Шёгрёну «что фамилия Бадигата действительно происходила из Маджар... Их предки еще раньше ушли из Константинополя или Крыма к немцам, в страну, где они находились некоторый период и где до сих пор есть их люди, как, впрочем, и в Маджаре»¹⁰³. Под немцами здесь подразумевается, видимо, население Австрийской империи (Кубатиев уже познакомился уже к тому времени с «немцем» Я.К.Бешше).

Исключение составляет рассказ Х.Шаханова, в котором Маджар даже не назван по имени, и ему отведено лишь место перевалочного пункта в переселении двух братьев из Крыма. Из общей массы записей легенды выделяется также мнение ряда бадилят, считавших, что «маджарцами именовались высшие сословия у аверов»¹⁰⁴. Что касается маджар, бежавших на Урал (в сочинении Ногмова), то в них нетрудно узнать народ «югра» русских источников. В современном карачаево-балкарском языке слово *маджар* до сих пор означает венгерский (наряду с новым обозначением венгров *мадьяр*, привнесенном в язык в советское время)¹⁰⁵. Такое же значение оно имеет в кабардино-черкесском языке. Собственно, этот термин старше вышеуказанных языков и впервые появился в арабской географической литературе X в., а оттуда попал сначала в персидский, а затем в тюркские, монгольский и другие восточные языки.

Таким образом, беглое изучение генеалогических преданий ряда княжеских фамилий осетин и балкарцев указывает на то, что их представители считали «маджаров» своими предками.

Проблема «маджарского» оружия

Важной деталью легенды о братьях-маджарах является упоминание о фитильных ружьях. В частности, как пишет об этом князь М.К.Абаев, «у братьев этих были ружья»; «является воин по имени Басиат верхом на лошади и с огнестрельным оружием, о котором в то время горцы не имели понятия. Басиата сопровождали люди, которые ему прислуживали. Порох в его ружье воспламенялся, и раздавался выстрел, когда он подносил к дырочкам ствола ружья огонь (надо полагать, это было фитильное ружье)»¹⁰⁶. Миллер записал у дигорцев аналогичные сведения: «Бадила стал гостем у дигорцев. До него не знали ружья и пороха, а бились саадаком. Он принес с собой ружье и стал отбивать отгоняемый соседями дигорский скот. Своим ружьем он защищал дигорцев лучше, нежели они сами себя луками»¹⁰⁷.

Ф.Х.Гутнов считал это социальной легендой: алдары бьются огнестрельным оружием, а простой народ — холодным. Однако, как мы сейчас увидим, ситуация несколько сложнее.

В осетинском языке есть выражение *мадзайраг топн* — «маджарское ружье»¹⁰⁸. Аналогичное выражение (по любезному сообщению М.Д.Каракетова, опирающегося на данные этнографической экспедиции) существует в карачаево-балкарском языке — *маджар топ* или *маджар шкок*, употребляющееся в значении «хорошее ружье». Такое же выражение мы находим в кумыкском языке — *маджар тюбек* (в значении «меткое ружье»), в сравнительном словаре кавказских языков для ингушского, чеченского и даргинского, в табасаранском словаре, в лакском словаре А.Каяева, в дагестанской песне, частичный перевод которой дан в книге В.А.Потто: «...египетский меч с написанным приветствием пророку; крымская или можарская винтовка с голубым прикладом...»¹⁰⁹. Причем в этих языках слово *маджар* само по себе означает ружье — так же, как в случае с «маджарской

телегой», сократившейся в большинстве языков просто до слова *маджар*.

В указанных языках фигурирует и другое название для огнестрельного оружия – «крымское». В средние века Крым был основным поставщиком огнестрельного оружия на Кавказе. До присоединения Крыма к России Бахчисарай поставлял ежегодно 1000 ружейных стволов черкесам¹¹⁰. Но название «маджарское» для ружья, по-видимому, более древнее и отражает реальный исторический факт – появление огнестрельного оружия на Кавказе, принесенного братьями Басом и Бадилом – «маджарами».

В адыго-абхазских языках мы как будто бы не находим такого выражения для огнестрельного оружия, но, из «Истории адыгейского народа» Ш.Б.Ногмова узнаем, во-первых, что у кабардинцев существовала своя легенда о происхождении ружья, которое захватил у кумыков Ортано (основатель рода Ортановых); во-вторых, любопытную информацию о маджарах: «Не лишним будет исчислить здесь названия, под которыми были известны нашим предкам окружающие их народы: они называли... маджаров – гурт»¹¹¹. Итак, у кабардинцев, оказывается, маджары носили особое название *гурт*, под которым фигурируют в фольклоре. Правда, у В.А.Потто и С.М.Броневского находим информацию о «маджарских» саблях адыгов – но Броневский тут категорично утверждает, что это покупное венгерское оружие, а поскольку тот же Потто приводит сведения об имеющих хождение на Кавказе клинках с выгравированными изображениями гусар и латинскими надписями «*Vivat Husar!*», которые он атрибутирует как венгерские, то, видимо, в этом не приходится сомневаться¹¹².

Из наличия у народов Кавказа рассмотренной номенклатуры оружия следует вывод, что какие-то исторические события, легшие в основу предания о Басе и Бадиле (и введении ими в употребление огнестрельного оружия) в средние века, видимо, были широко известны народам всего Северного Кавказа.

Датировки событий

Когда происходили вышеуказанные события? Г.Ю.Клапрот указал вызывающую большие сомнения дату – второй век хиджры¹¹³, что в переводе на григорианский календарь соответствует 719–816 гг. Но опирался он при этом на сведения «Дербенд-наме», в котором при повествовании о войне между хазарами и арабским военачальником Масламой впервые упоминаются городища Улу-Маджар и Кичи-Маджар¹¹⁴. А само «Дербенд-наме» было написано в начале XVII в. и отражало географическую ситуацию на тот момент.

В примечаниях к сочинению И.Ф.Бларамберга (который практически без изменений переписал текст Г.Ю.Клапрота), законченному в 1833 г., содержится как будто более реальная дата: «По некоторым другим указаниям, это переселение произошло не более 460 лет тому назад»¹¹⁵. Та же дата фигурирует в статье К.Красницкого, вышедшей в 1865 г.: «Назад тому лет 500, как говорит народное предание»¹¹⁶. Эту дату, пересказывая статью Красницкого, скопировал Н.Ф.Дубровин, ею же воспользовался некий Д.А. – автор статьи «Об узденстве в Осетии»: «Баделиата... пришли они в Осетию приблизительно в XIV веке»¹¹⁷.

В рассказе Эльмурзы Абаева, записанном В.Ф.Миллером и М.М.Ковалевским, находим, что отец братьев жил «при Джамбек-хане маджарском», что как будто бы согласуется с приведенными выше датами (а Хаджи Шаханов даже превращает Джанибека в отца этих братьев)¹¹⁸. Хан Золотой Орды Джанибек действительно жил в XIV в., но эта легендарная деталь есть лишь апелляция к представлениям о «золотом веке» – с подобной же формулировки начинаются и родословные казахов, каракалпаков и т.д.

Попробуем проследить историю текстов и найти первоисточник этой даты. Сочинение И.Ф.Бларамберга 1833 г. – наиболее раннее из упомянутых источников. Однако датировка «не более 460 лет тому назад» выглядит очень стран-

но. Его труд сразу после завершения был засекречен. Единственный известный случай его использования – при написании труда Н.Ф.Дубровина в 1871 г. В работе Дубровина стоит вполне цельная и ясная дата. Возможно, примечание было внесено им в сочинение после ознакомления с трудом Бларамберга, и при этом сделана поправка на то, что само сочинение написано 40 лет назад.

Д.А., видимо, был знаком со статьей Красницкого, изданной, как и его собственная, во Владикавказе, но писал через значительный отрезок времени – поэтому и выбрал нейтральное выражение «в XIV веке». При этом исходная дата Красницкого попадает примерно на 1365 г., то есть всего на 8 лет позже смерти Джанибек-хана. Автор этих строк полагает, что столь точное совпадение вряд ли может быть случайным. Очевидно, информатором Красницкого был человек, не чуждый русской книжной учености XIX века. Ему было известно, что фольклор приурочивал легенду ко временам Джанибека, и оставалось лишь заглянуть в сочинение В.Н.Татищева или другого русского историка и узнать о смерти Джанибека в 1357 г.

О широком распространении этой фольклорной детали на Кавказе того времени говорит то, что и Ш.Б.Ногмов в своей «Истории» описывает золотоордынское владычество как время, когда «хан-Жанбек совершенно присвоил себе Жулаты»¹¹⁹. Позже баделяты утверждали, что событие это произошло 80 лет назад – не совсем понятно, откуда взялась эта дата¹²⁰. В записи У.Д.Ездиева Баделий пришел в Северную Осетию приблизительно в XVII–XVIII вв.¹²¹

Другую попытку датировки предпринял Л.И.Лавров. Он связывал надпись на так называемом Цховатском кресте с правящим родом Балкарии (басиата по-осетински, басиани по-грузински): «Спас цховатский, я, Квенипневели эристав Ризия, пожертвовал Цховатской пречистой Богоматери имение двух дымов в Зенубане с его горами и равнинами. Попал в плен в Басиане и выкупился твоими вещами. Пусть

никакой владетель не изменит». Поскольку надпись выполнена письмом мхедрули, судя по палеографии, в XIV–XV вв., как определил Е.С.Такайшвили, то и балкарское горное общество, по мнению Л.И.Лаврова, должно было существовать уже в это время¹²².

Имеет ли такая датировка под собой основание? Первым, кто попробовал дать научную датировку событий, был П.А.Головинский. В 1870 г. он подсчитал, что от Бадила до текущего времени прошло 10–11 поколений. Приняв на поколение в среднем отрезок времени в 25 лет, он отнес время жизни Бадила к концу XVI столетия¹²³. Вслед за ним М.М.Ковалевский исследовал генеалогии горских таубиев и дигорских бадилят и пришел к выводу, что и те, и другие «начинаются всего-навсего с 16-го века»¹²⁴.

Рассмотрим генеалогию некоторых ветвей баделят по книге Ф.Х.Гутнова¹²⁵ (см. приложение к настоящей статье): Бадил находится в первом поколении, а на 1859 г. в самых длинных ветвях насчитывалось до 10 поколений баделят. В седьмом поколении был некто Бахта Кубатиев, родившийся в 1796 г.; до него насчитывается шесть поколений его предков, включая Бадила. Возьмем разницу между годом рождения Бахта Кубатиева и 1500 годом (конец XV века) – 296 лет, и разделим на 6 поколений. Это означает, что в среднем на поколение приходится 49 лет и 4 месяца. Возможно, у Бадила были и поздние дети – скажем, в 60 лет. Но маловероятно, чтобы во всей ветви каждый из 6 мужчин заводил ребенка в 60 лет.

А ведь по легендам, дигорское общество уже существовало, балкарское же было основано незадолго до прихода братьев в горы: по преданию, до Бадила алдаром Дигории был Айдарук Кабанов, а до Баса таубием в Балкарии был Мысака. Чтобы его фамилия закрепилась за Балкарией в устах осетин и грузин, требуется, как минимум, следующее поколение его семьи (т.е. время жизни Абая и Темрюка, по Абаевской версии генеалогии басиат, или Хабижа – по Шахановской).

Вывод Лаврова о существовании в XIV–XV вв. горного общества Балкар представляется недостаточно убедительным. Дело в том, что Е.С.Такайшвили, опубликовавший надпись на Цховатском кресте, считал, что Басиан, который упомянут в надписи, — это местность Басиан в Грузии, в верховьях Аракса¹²⁶. Однако Л.И.Лаврову представлялось привлекательным видеть в этом Басиане Балкарию. В защиту своей идеи он приводил два аргумента: расстояние до Балкарии от земель Ксанского эриставства меньше, чем до Басиана в верховьях Аракса, и племена Северного Кавказа совершали набеги на Грузию (в одном из которых, по его мнению, и был захвачен в плен Ризия). Тем не менее Лавров сам тут же и отметил, что земли Ксанского эриставства не имеют прямого сообщения с долиной Черека, где находится Малкар, что ставит под сомнение убедительность его первого довода¹²⁷. Что касается формулы «Пусть никакой владелец не изменит», завершающей надпись, то она, как представляется автору этих строк, намекает на то, что Ризия Квенипевели был захвачен в плен в результате измены грузинских владетелей.

В.Б.Пфаф предпринял другую попытку научной датировки — исходя из изменения архитектуры кавказских башен, он считал, что Бадил не мог жить раньше XVI в.¹²⁸ Огнестрельное оружие получило распространение за пределами арабского Востока в конце XIV в. Но чтобы ружья появились на Северном Кавказе, понадобилось какое-то время.

Ш.Б.Ногмов рассказывает о первом знакомстве адыгов с огнестрельным оружием: по его информации, это произошло в правление кабардинского князя Темрюка Идарова. Во время похода кумыков и аварцев (согласно Ногмову, в нем участвовал уцмий Кайтага) на Кабарду кабардинцы и бесленевцы укрепились на высотах между реками Чегемом и Баксаном и заметили грохот и дым, поднимавшиеся с другой стороны Чегема, где находился неприятель. Кабардинцы послали лазутчика по имени Ортано, который добыл ружье,

состоявшее из ствола и ложа, но без замка. После поражения дагестанцев Ортано за свой подвиг был возведен в уздени¹²⁹.

У нас есть достаточно данных для того, чтобы датировать это сражение. Видимо в результате этих событий шамхалы отправили в 1559 г. посольство к Ивану Грозному с просьбой защитить их от черкесских князей. Царь, рассмотрев прошение, решил, что «сами шавкальские народы делают обиды черкесам»¹³⁰. Известно, что в 1556 г. погиб в газавате против черкесов Мухаммед, брат Будай-шамхала¹³¹. Можно предположить, что военная активность шамхальства на Западном Кавказе приходится на 1556 г. не случайно. В этом году русские войска захватывают Астрахань, а последний астраханский хан Дервиш-Али бежит в Азов, а оттуда в Мекку¹³². Шамхалы сразу же включились в борьбу за астраханское наследство. Приглашение кабардинского князя Кошкао Гиляхстанова расправиться с его политическими соперниками, видимо, было удачным предложением, чтобы пресечь растущее могущество Кабарды и утвердить свое влияние в регионе Центрального Кавказа. Это и вызвало кончившийся неудачно поход 1556 г., в котором погиб брат шамхала.

Если к 1556 г. кумыки уже были вооружены огнестрельным оружием, то это, скорее всего, объясняется близкими связями с Астраханью. В 1554 г. хан Ямгурчи бежал от наступающих русских сил в Тюмень, которая в это время принадлежала шамхалу (на дочери которого Ямгурчи был женат). Казаки, преследуя его, захватили ушкул, «и набаты царевы и пищали в нем были многие»¹³³. Надо полагать, события, описанные в «маджарской» легенде, происходили до 50-х годов XVI в.

С другой стороны, уже в начале XVII в., по свидетельствам очевидцев, «огненный бой» был широко распространен на Кавказе¹³⁴. Это отразилось в конструкции местных башен, а именно: в них появились бойницы, сконструированные специально под огнестрельное оружие. В том же веке фитильное оружие было окончательно вытеснено кремне-

вым. Доводы В.Б.Пфафа можно считать вполне убедительными.

Попробуем уточнить время событий. В легенде значительное место отведено взаимоотношениям «маджар» с Кабардой. Согласно Г.Ю.Клапроту, басыни из Маджар «ушли в Большую Кабарду, откуда впоследствии были изгнаны черкесами и, будучи разделенными на отдельные группы, вынуждены были устраивать свои жилища на самых высоких горах»¹³⁵. Б.К.Далгат писал: «Предание гласит, что предки нынешних балкарцев пришли сюда с Малки из Маджар, будучи теснимы многочисленными кабардинцами»¹³⁶. В.Ф.Миллер сходным образом описал время появления Басиата в горах¹³⁷. В записке, представленной сословной комиссии в конце 1860-х годов, балкарские князья сообщают об этих же событиях: «Горские племена с незапамятных времен, далеко еще до появления адыге, жили сначала в предгорьях, а когда явилось так называемое адыгейское сильное племя... оно заставило первых (горцев) удалиться в верховья разных ущелий для самостоятельного и дальнейшего существования»¹³⁸.

Время прихода балкарцев в горы, описанное в легенде, непосредственно предшествует передвижению кабардинцев на восток. До 1502 г. район Маджар контролировала Большая Орда — там находились просяные поля, которые татары регулярно засеивали и, опираясь на этот район, вели военные действия против черкесов¹³⁹. Значит, до этого времени Кабарда не могла добиться гегемонии в этом регионе. Если посмотреть на родословную, то уже внуки Бадела — сыновья Кубади Тенгизби и Смайли были женаты на дочерях кабардинских первостепенных узденей Куденетовых и Дзаниуковых (Женокowych)¹⁴⁰. Следовательно, сыновья Бадила жили в те времена, когда Кабарда уже начала господствовать на плоскости. Это имело место не ранее разгрома Большой Орды в 1502 г. и не позднее начала 1530-х годов, когда кабардинцы уже продвинулись на восток и были достаточно сильны, чтобы посадить на трон двух астраханских ханов (в

то время и астраханские ханы начали заключать браки с кабардинскими княжнами)¹⁴¹.

Однако, ключевым вопросом остается дата появления маджар в Кумских степях. В 1253 г. Рубрук пишет об их набегах к западу от Волги как о чем-то само собой разумеющемся (см. выше). За 18 лет до путешествия Рубрука, в 1235 г., несколько венгерских миссионеров (в том числе Юлиан) в поисках своих восточных собратьев (венгров) отправились из Тмутаракани на запад: «они в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов. Тут пришли они в страну, что называется Аланией». Венгров они нашли, лишь достигнув Волжской Болгарии «близ большой реки Этиль»¹⁴².

Но ситуация в то время была совсем другая: великий поход монгольской армии на запад начался лишь в следующем году. А на тот момент, как сообщают венгерские миссионеры, «те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств»¹⁴³. «Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщали словесно сами язычники-венгры»¹⁴⁴.

Чингис-хан после взятия Ургенча монголами отправил одного из своих военачальников Субетай-багатура в поход на одиннадцать народов, среди которых упоминаются и маджары¹⁴⁵. Смысл сообщения Юлиана следующий: 14 лет — это время, которое прошло с первого столкновения венгров с монголами Субетая до похода Бату на запад, решение о котором было принято на великом курултае, при избрании ханом Угедея. То есть Юлиан, проезжая эти места перед монгольской войной, нашел там лишь пустыню. Значит ли это, что маджары в эти места были заброшены из Среднего Поволжья монгольской войной?

Скорее всего, некая угорская этническая группа мигрировала из Поволжья в Кумские степи не ранее 1236 г. и после разгрома крымцами Большой Орды в 1502 г. переселилась в горы, где и смешалась с местным населением.

«Маджары» между осетинами и карачаевцами

На каком языке говорили маджары из Кумских степей? Ф.Х.Гутнов считал их группировкой равнинных алан, основываясь на находке с Маджарского городища (пряслице с надписью, выдержанной в нормах дигорского диалекта)¹⁴⁶. В.М.Батчаев и Х.Х.Малкондуев высказали предположение об их тюркском происхождении (мотивируя это существованием в государстве кочевых узбеков эля маджар)¹⁴⁷. Маджары, как уже говорилось выше, пришли с севера, захватили власть в дигорском горном обществе, отстранив со временем Айдарука Кабанова, и основали балкарское общество. До них на территории Балкарии жили туземцы-таулы, которых они обратили в своих данников-джасакчи. Кем были эти таулы? Г.Ю.Клапрот вслед за И.А.Гильденшtedтом и И.Г.Георги указал, что под названием таулы известны осетины и кисты¹⁴⁸. Словом *таулы* тюркские народы Северного Кавказа обозначали вообще всех горцев инородного происхождения (например, Хаджи Шаханов считал туземцев-таулу сванами). Впоследствии, видимо, в результате слияния с местным населением, тюркоязычные балкарцы стали употреблять этот термин в качестве самоназвания.

В 1743 г. кабардинские князья М.Атажукин, А.Гиляксанов и костековский князь А.Хамзин так охарактеризовали языковую ситуацию, сложившуюся в горах: «Третьей народ — харачай, живет в кубанских вершинах, имеет татарский язык... Пятый народ состоит в разных пяти волостях, а общего всему народу звания нет, из оных: 1. Волость Чегем... 2. Волость Безенге. 3. Волость Хулам. 4. Волость Хусырь. 5. Волость Млкаръ... а язык у них особый, они ж упот-

ребляют и татарский язык... Шестой народ — дюгор. Седьмой народ — сурдигор... язык имеют особый»¹⁴⁹. Выясняется, что карачаевцы на тот момент тюркоязычны, у дигорцев и стурдигорцев «особый язык», а в Балкарии распространено двуязычие.

Но Я.К.Бешше в 1829 г. передает слова упоминавшегося выше Касая Кубатиева, что «5 племен — дигорцы, балкары, хулиамы, бизинги и оруспиэ — являются истинными потомками мадьяр; эти 5 племен называются по имени своего вождя, но все вместе называются мадьярами; они известны, как таковые всем жителям Кавказа и даже русским... его соотечественники не знают, какой был их первоначальный язык, но все 5 племен пользуются одинаковым наречием, значительно отличающимся от языка других жителей Кавказа»¹⁵⁰.

Карачаевцы дали Я.К.Бешше ту же информацию: «Но еще больше меня поразили их заверения в том, что они все не принадлежат к племени древних мадьяр... Они сказали далее, что в трех днях пути от нашего лагеря есть пять деревень, или народностей, которые происходят от мадьярского корня: это Орусписе, Бизинги, Хулиам, Балкар и Дугур; что эти народности говорят на языке, совершенно отличающемся от языка других обитателей Кавказа»¹⁵¹.

С.А.Тучков также сообщил, что язык небольшого народа, обитающего у Эльбруса, «имеет некоторое сходство с осетинским»¹⁵².

Во время своей поездки в Балкарию в 1883 г. В.Ф.Миллер и М.М.Ковалевский нашли балкарцев уже абсолютно тюркоязычными, хотя и сделали заключение, что прежнее население было осетинским, о чем свидетельствует оставшаяся многочисленная осетинская топонимика и лексика, а также одинаковые этнонимы, под которыми известны другим народам Кавказа осетины и балкарцы¹⁵³.

Едва ли в 1829 г. информация об «одинаковом наречии», на котором говорят дигорцы и балкарцы, была актуальна. Но если принять во внимание преклонный возраст Касая Кубатиева на тот момент, то можно предполагать, что во

времена его молодости среди балкарцев действительно было распространено двуязычие. Настораживает только то, что карачаевцы, отрицая свою связь с маджарами, указали на «особый», общий с осетинами язык «потомков маджар». Касай Кубатиев же уточнил, что первоначальный язык маджар неизвестен. Впрочем, автор статьи «Об узденстве в Осетии», известный под инициалами Д.А., со своей стороны писал, что «Баделиата выходцы из недр Средней Азии... С течением времени они ассимилировались; стали говорить по-осетински, переняли нравы и обычаи осетин... Они даже начали приписывать себе осетинское происхождение, тогда как они происхождения татарского, на что указывают исторические данные о них, а также и их внешность»¹⁵⁴.

Оказывается, осетины в свою очередь указывали на чуждое происхождение маджар — на этот раз «татарского происхождения». Видимо, это связано не только с «монгольской» генеалогией братьев и их «родством» с Чингис-ханом, но и с тем, что осетины не знали тюркского языка, а карачаевцы — осетинского, но тем не менее у тех и у других маджары ассоциировались с этнически чуждым им населением. Поэтому карачаевцы давали отсылку к «особому языку потомков маджаров», а осетины — к их «татарскому происхождению». В рассказе Л.Штедера даже видно культурное противопоставление осетин и маджар: дигорцы смеются над одним из братьев, так как ездить на муле «приличествовало только маджарам»¹⁵⁵.

Хотя и есть свидетельства источников об употреблении дигорцами тюркского языка, в частности Рейнеггс сообщает, что «уйтигуры говорят на самом старом известном татарском наречии», однако такое свидетельство касается прежде всего стурдигорцев (подданных алдарской фамилии царгасатов)¹⁵⁶. Особых ассоциаций с бадилятами применение «татарского наречия» не вызывало. Тот же источник сообщает, что они говорят «на своем собственном осетинском наречии»¹⁵⁷.

Царевич Вахушти Багратиони также пишет об овсах, что «сносящиеся с Черкесией владеют черкесским и татарским-чагатайским», не делая, впрочем, акцента на Баделидзе (так

назвали баделят грузины)¹⁵⁸. Видимо, «самое старое известное татарское наречие» Рейнегтса это и есть чагатайский язык. Это замечание о «татарском-чагатайском» явно касается и Басиани, население которой он считает «более прочих овсов знатным» (в то же время, не выделяя их в отдельный народ). Вахушти (самый ранний из наших информаторов) в полном согласии с данными вышеизложенных источников считает население Балкарии XVIII в. осетинским.

В целом, отсылка Д.А. к «татарскому происхождению» бадилят не находит подтверждений в документах. На ранние отношения «маджар» и тюркоязычных жителей Центрального Кавказа скорее всего проливает свет следующий эпизод предания об основателе Карачая князе Карче, зафиксированного В.Я.Тепцовым: «Оставшиеся в долине Баксана горцы были потеснены какими-то европейцами с севера и переместились тоже на Кубань под защиту князя Карча. Кто были эти европейцы, карачаевцы доподлинно не знают: кто говорит — “англичане”, кто — “французы”, но только не русские. В истоках Малки и близ Хурзука на скалистых гребнях указывают развалины крепостей и башни, построенные именно этими европейцами... Европейцы, по преданиям, не долго хозяйничали здесь. Соседи карачаевцев, кабардинцы, живущие и ныне на севере от них, поднялись и под предводительством князя Кази прогнали европейцев в союзе с карачаевцами. Европейцы двинулись отсюда частью на север, частью на восток и неизвестно, куда скрылись. Долина Баксана снова занята была карачаевцами, и там утвердилась, долгое время спустя, фамилия князей Урусбиевых»¹⁵⁹.

В карачаевской легенде есть ряд параллелей с преданиями о маджарах. «Европейцы» приходят с севера, как и маджары из предания. В XIX в. маджары действительно ассоциировались у народов Кавказа с Европой. Например, у Касая Кубатиева в 1835 г. упоминание маджаров вызвало ассоциации с немцами. Карачаевцы связывали с «европейцами» развалины крепостей в истоках Малки. Но именно тем, что маджары обитали первоначально у реки Малки, объясняют

название Малкар Г.Ю.Клапрот и Б.К.Далгат. И.А.Гильденштедт в одном месте своего труда назвал Малку рекой Малкар, так же объяснял происхождения названия балкарского горского общества С.М.Бронеvский¹⁶⁰. Особый интерес представляет история Ш.Б.Ногмова: «По преданиям известно, что на берегу реки Малки существовал город Малкана или Балх»¹⁶¹. Вероятно город, о котором пишет Ногмов, и есть те самые развалины у истоков Малки. У местных жителей эти развалины вызывали какие-то ассоциации с «маджарскими» предками балкарцев.

Кроме того, кабардинцы прогоняют «европейцев» на восток. Те же Г.Ю.Клапрот и Б.К.Далгат подобную информацию сообщают о предках балкарцев из Маджар¹⁶². На первый взгляд, смутить может отождествление «европейцев» с англичанами или французами. Но еще А.Фонвиль при попытке рассказать кавказским горцам об одном из европейских народов в 1864 г. столкнулся со следующим курьезом: «Они никогда и не слыхали даже название этого народа и для них все те, кто не были ни турки, ни русские, были или англичане, или французы»¹⁶³. Следовательно, можно заключить, что в карачаевском предании речь идет скорее всего о маджарах. Как и А.Фонвиль, В.Я.Тепцов побывал в горах уже после Крымской войны. В мировоззрении малограмотной части горского населения того времени было более актуально упоминание англичан или французов, чем немцев или венгров.

Поскольку осетины были, очевидно, автохтонным населением Балкарии, можно предположить, что «маджары» за два с половиной века, прошедших со времен монгольского завоевания, уже частично ассимилировались среди татарского населения и пришли на территорию Балкарии, будучи носителями тюркского языка. Тем не менее информации о языке, на котором говорили маджары, в фольклоре нет. При переселении они застали там другую группу новых поселенцев. У карачаевцев, которые обитали в Баксанском ущелье на территории Балкарии, зафиксированы абсолютно ориги-

нальные этногенетические предания, что свидетельствует о миграции совершенно другой – исконно тюркоязычной группы населения в горы примерно в одно время с маджарами. В частности, то, что имена братьев Баса и Бадила известны балкарцам в осетинской патронимической форме Басиат и Бадинат (следовательно, балкарцам имена братьев стали известны от осетин), говорит о том, что первоначально они опирались именно на осетинское население (таулу).

Очевидно, что на территории Балкарии проходили сложные демографические и этнические процессы. Политическая история края была крайне запутанной. Попробуем реконструировать хотя бы общие вехи этнической истории Балкарии по данным диалектного материала.

На территории Балкарии распространены три диалекта: баксано-чегемский, схожий в общих чертах с карачаевским, малкарский, в котором звукам «Ч», «Ж» и «П» баксано-чегемского диалекта соответствуют «Ц», «З» и «Ф», и смешанный хуламо-бызынгиевский диалект, где встречаются оба признака. Еще В.Я.Тепцов пытался объяснить перестройку согласных звуков малкарского диалекта иноязычным воздействием (он считал источником воздействия кабардинский язык)¹⁶⁴. Н.А.Караулов вполне справедливо указал на дигорский диалект осетинского языка как на источник специфических особенностей малкарского говора¹⁶⁵. В.И.Абаев также считал, что эти особенности вызваны воздействием «дигорского» субстрата¹⁶⁶. Подобный переход Ч>Ц произошел также в караимском языке (его галицком диалекте), близкородственном балкарскому языку. В галицком диалекте – это результат приспособления к произносительному узусу славянских говоров¹⁶⁷. Иначе говоря, специфические особенности малкарского говора объясняются длительным сохранением двуязычия жителей Малкара. Видимо, тюркский язык был в этом обществе привнесён извне и стал доминировать сравнительно поздно.

Напротив, Баксанское ущелье было до конца XVII в. занято карачаевцами, и история шла в нем по моноэтническому сценарию. Похожая ситуация, очевидно, сложилась и в Чегеме. Лежащие между Малкаром и Чегемом небольшие общества Хулам и Бызынги были границей, до которой распространялось действие лингвистических процессов, вызванных «дигорским» субстратом.

Отчет французского консула в Крыму Ксаверию Главани, заверченный 20 января 1724 г., может также пролить свет на этнические границы, сложившиеся на Кавказе в то время. В нем перечислены зависимые от Кабарды горские общества: Чегем, Дюгер-Талкареки и Каракай¹⁶⁸. Нетрудно узнать в перечисленных обществах Дигорию, Чегем и Карачай, а вот слово Талкареки Е.Вейденбаум, опубликовавший русский перевод отчета Главани, не смог объяснить.

Можно предположить, что Главани использовал при составлении своего описания крымский документ на османском или чагатайском языке, где буквы Б и Т отличаются лишь диакритическими знаками и легко путаются. В таком случае Балкареки совпадает с осетинским названием балкарцев — балкайраг. В самом деле, Дигория и Балкария были объединены в начале XVIII в. одной правящей в них династией (происходившей якобы от Тума-Мариена) и, видимо, этнической общностью населения, среди которого преобладали дигорские элементы. Вероятно, об этом хорошо знали в Крыму, поэтому в своем отчете Главани объединил их, так же, как и абазинские племена Баг и Баракай, которые значатся у него как общество Эбаги-бараки¹⁶⁹. Общества Чегем и Карачай упомянуты в отчете совершенно независимо от Малкара¹⁷⁰.

Как представляется автору, остатки маджаров из степей Предкавказья мигрировали на Центральный Кавказ в то время, когда там столкнулись две этнические группы — ираноязычные аланы и мигрировавшие в горы татары Большой Орды. В этой ситуации им удалось захватить власть в неко-

торых уже существовавших или вновь возникших горных обществах (Дигории, Балкарии) и основать правящие кланы. В пределах подвластных им обществ эти фамилии маджарского происхождения распространяли легенды о «маджарском» происхождении народа этих обществ в целом. На самом же деле их вклад в процессы этногенеза народов Центрального Кавказа был скорее политическим и генеалогическим. Несмотря на определенную популярность «маджарской легенды», большая часть ирано- и тюркоязычного населения этого региона осознавала чуждое этническое происхождение «маджар». Это наводит на мысль, что отождествление «маджар», известных из кавказских генеалогических преданий, с угорскими народами имеет веские основания.

Данная статья ни в коем случае не может претендовать на полный обзор всех аспектов, связанных с рассмотренными выше событиями XIII–XVI вв. Это лишь попытка интерпретации данных фольклора, и тех отрывочных сведений, которые известны из письменных источников. Этих сведений достаточно, чтобы положительно разрешить проблему присутствия в Предкавказье во второй половине XIII – XV в. группы этнических венгров и проследить их участие в последующем этногенезе народов Северного Кавказа XVI в. К сожалению, пока мы не располагаем археологическими данными о таком присутствии. Необходимы целенаправленные поиски, в частности исследование материалов с Маджарского городища, чтобы внести ясность в этот вопрос.

¹ *Штедер Л.* Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940. С. 59, 60.

² *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. Нальчик, 2007. С. 160, 161; *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 239, 240, 308, 320; *Шёгрен А.М.* Путевые записки // Дарьял. Владикавказ, 2002. № 2. С. 221; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях

европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 249–250, 331–333; *Красницкий К.* Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // Кавказ. Тифлис, 1865. № 31; *Головинский П.А.* Осетины // Терские ведомости. Владикавказ, 1870. № 48; *Пфаф В.Б.* Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 85; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1, кн. 1. С. 354, 355; *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования. М., 2008. С. 215, 791, 839, 852, 853; *Его же.* Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1. С. 78–80; *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Майкоп, 2006. С. 173, 223, 226, 227; *Харузин Н.Н.* По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1888. Т. 6. С. 192; *Тулчинский Н.П.* Маленький фельетон // Казбек. Владикавказ, 1899. № 563; *Его же.* Предание о происхождении балкарских таубиев // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 279; *Ланге Б.А.* Балкария и балкарцы // Кавказ. Тифлис, 1903. № 283; *Туганов М.С.* Сказание о Бадели // Северная Осетия. Владикавказ, 1994. № 98. С. 3; *Абаев М.К.* Балкария. Исторический очерк // Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият. Нальчик, 2007. С. 141–143; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 157; *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 61; *Думанов Х.М.* Ногмов о происхождении балкарцев // Этнографический сборник. Нальчик, 1984. С. 95; *Битова Е.Г.* Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX века // Кавказский сборник. М., 2004. Т. 1 (33). С. 86; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа / составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 93; *Ган К.Ф.* По долинам Чорока, Уруха и Ардона // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. 29; *Далгат Б.К.* Поездка к Чегемским ледникам (Центральный Кавказ) // Казбек. Владикавказ, 1896. № 29; Путевые заметки графини Уваровой // Кавказ. М., 1904. Ч. 3. С. 115; *Потто В.А.* Кавказская война. М., 2007. Т. 5. С. 326, 335; *Линден В.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 261, 262; Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Нальчик, 2003. Т. 1. С. 33, 41, 96.

³ *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 6, 16–18, 65; *Его же.*

- Века и люди. Владикавказ, 2004. С. 71, 88, 89; *Батчаев В.М.* «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988. С. 160–180; *Его же.* Маджарцы: (к проблеме золотоордынского этапа этнической истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 86–99; *Малкондоев Х.Х.* К вопросу о самоназвании карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. С. 110–136; *Хамицаева Т.А.* Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 154.
- 4 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 331.
 - 5 *Jerney J.* A Kuma melléki. Magyar Városról. Tudománytar 2. Pest, 1843. P. 75, 76.
 - 6 *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль–октябрь. С. 316, 318.
 - 7 *Татищев В.Н.* История Российская. М., 2005. Т. 1. С. 338.
 - 8 *Fischeri I.E.* De origine Ungrorum // Quaestiones Petropolitanae. Gottingae, 1770. P. 32.
 - 9 *Lerche J.J.* Lebens- und Reise-Geschichte von ihm selbst beschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von Busching. Halle, 1791. S. 90. Статья впервые была опубликована в: Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. A.F. Busching. Hamburg, 1777. S. 533–536.
 - 10 *Rizzi-Zannoni G.A.* Carte de la partie septentrionale de l'empire Ottoman contenant la Crimée, la Moldavie, la Valachie, la Bulgarie, avec la nouvelle Russie, les gouvernement d'Astracan, et de Voronez, les Tatares, Cosaques & Venedig. Paris, 1774.
 - 11 *Gmelin S.G.* Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche. 4. Reise von Astrachan nach Zarizyn und von da durch die Kumanische Steppe über Mosdok zurück, imgleichen zweite persische Reise in den Jahren 1772. und 1773. bis im Fruhling 1775. SPb., 1784. Перевод цит. по: *Шестаков П.Д.* Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды Четвертого археологического съезда. Казань, 1884. С. 12.
 - 12 *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 291.
 - 13 *Pallas P.S.* Travels into the Southern Provinces of the Russian Empire, in the Years 1793 and 1794. L., 1802. Vol. 1. P. 305, 327, 328.

- 14 *Reineggs J.* Allgemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha; SPb., 1796. Bd. 1. S. 66, 78.
- 15 *Тучков С.А.* Записки, 1766–1808 // Кавказская война: истоки и начало. СПб., 2002. С. 503.
- 16 *Кланром Г.Ю.* Указ. соч. С. 76, 84.
- 17 *Fessler I.A.* Die Geschichten der Ungern und ihrer Landsassen. Bd. 1. Leipzig, 1815. S. 223–225.
- 18 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 112, 270.
- 19 *Соснина Е.Л.* Ян Потоцкий и его «Путешествие в астраханские и Кавказские степи». Пятигорск, 2003. С. 132.
- 20 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 331–333; Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 222.
- 21 *Gérando A. de.* Essai historique sur l'origine des hongrois. Paris, 1845. P. 15, 53, 129, 135–149.
- 22 *Jerney J.* Op. cit. P. 75, 76.
- 23 *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kip-tschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth, 1840. S. 290.
- 24 *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 61.
- 25 *Шестаков П.Д.* Указ. соч. С. 14.
- 26 *Брун Ф.К.* Черноморье. Одесса, 1880. Ч. 2. С. 329.
- 27 *Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881. С. 151, 169.
- 28 *Эрдели И.* Поиски следов древних венгров на Кавказе // IX Крупновские чтения. Элиста, 1979. С. 236; *Zichy J.* Kaukázusi és Középzásiai utazásai. Budapest: Rauschburg G., 1897. P. xxxv–xxxvi; *Гутнов Ф.Х.* Века и люди. С. 87.
- 29 *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., Т. 35. С. 942; Т. 38. С. 591.
- 30 *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 5. С. 326.
- 31 *Munkacsy B.* Alan hyelvetlekek szyrinssúnkben // Etnographia. Budapest, 1904. XV. 1–2 szam. P. 2.
- 32 *Bendefy Z.* A Magyarok kaukázusi őshazája, Jyeretyan orszaga. Budapest, 1942. P. 160. *Idem.* Sources concenant les Hongrois Orientaux aux archives du Vatican // Studia Archaeologica. Budapest, 1977. VI. P. 254–263.
- 33 *Эрдели И.* Указ. соч. С. 236.
- 34 *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов = Getica. 2 изд., испр. и доп. СПб., 1997. С. 84, 85.
- 35 *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров // Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 164, 165.
- 36 *Кобычев В.П.* Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // Кавказский этнографический сборник. М., 1989. Вып. 9. С. 10–36.

- 37 *Кузнецов В.А.* Были ли древние венгры на Кавказе? // Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания. Владикавказ, 2002. С. 205–218.
- 38 *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 159.
- 39 *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 349.
- 40 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. С. 331.
- 41 *Рубрук В.* Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253 // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 115.
- 42 *Тузенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 213.
- 43 Там же. С. 215.
- 44 Там же. С. 225.
- 45 Там же. С. 120, 162.
- 46 *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 87.
- 47 *Bendefy Z.* Sources concenant les Hongrois Orientaux aux archives du Vatican. P. 254.
- 48 *Ibid.* P. 258; *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник, 2001. М., 2002. С. 292.
- 49 *Брун Ф.К.* Указ. соч. С. 328.
- 50 Русско-чеченские отношения (вторая половина XVI – XVII в.). М., 1997. С. 109, 111; Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 50, 91.
- 51 *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 105, 106.
- 52 *Клапрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 160
- 53 *Прозрителев Г.Н.* Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 10.
- 54 *Клапрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 90.
- 55 Там же.
- 56 Там же. С. 98.
- 57 *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 557.
- 58 *Тучков С.А.* Указ. соч. С. 503.
- 59 *Соснина Е.Л.* Указ. соч. С. 131; *Бларамберг И.Ф.* Указ. соч. С. 308; *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 35. С. 942.
- 60 *Фасмер М.Р.* Указ. соч. С. 557.
- 61 Там же; Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989. С. 456; Этимологический словарь тюркских языков. М., 1997. С. 260.

- 62 *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 90, 133, 134.
- 63 *Pallas P.S.* Ор. cit. P. 328; *Кланрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 107; *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. Нальчик, 2002. Т. 1. С. 252.
- 64 *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 456.
- 65 Тарихи Дербенд-Наме. Махачкала, 2007. С. 41.
- 66 *Бакиханов А.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 44.
- 67 Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 18.
- 68 *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 338.
- 69 *Броневский С.М.* Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004. С. 301.
- 70 Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008. С. 326.
- 71 *Григорьев А.П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник, 2005. М., 2006. С. 121.
- 72 Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. С. 310, 363, 394, 406.
- 73 *Утемши-хаджи*. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 101; *Кононов А.Н.* «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 44.
- 74 *Штедер Л.* Указ. соч. С. 59, 60; *Шёгрен А.М.* Указ. соч. С. 221; Адьги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 331–333; *Красницкий К.* Указ. соч.; *Головинский П.А.* Указ. соч.; *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования. М., 2008. С. 791, 839, 852, 853; *Его же*. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1. С. 78–80; *Харузин Н.Н.* Указ. соч. С. 192; *Тульчинский Н.П.* Маленький фельетон; *Его же*. Предание о происхождении балкарских таубиев. С. 279; *Туганов М.С.* Указ. соч. С. 3; *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 141–143; *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. С. 6, 16–18.
- 75 Адьги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 331–333; *Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии. С. 78–80; *Харузин Н.Н.* Указ. соч. С. 192.
- 76 *Бларамберг И.Ф.* Указ. соч. С. 239; Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 250.
- 77 *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. С. 65.
- 78 *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 61.
- 79 Сокровенное сказание монголов. Рязань, 2009. С. 285–287; *Лубсан Данзан*. Алтан тобчи = «Золотое сказание». М., 1973. С. 53–55.

- ⁸⁰ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. М., 1993. С. 28.
- ⁸¹ Жизнь Джингиз-хана: татарская сказка // Сын отечества и Северный архив. СПб., 1835. С. 3–19.
- ⁸² *Шёгрен А.М.* Указ. соч. С. 221.
- ⁸³ *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 139.
- ⁸⁴ *Штедер Л.* Указ. соч. С. 59, 60; *Красницкий К.* Указ. соч.; *Головинский П.А.* Указ. соч.; *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 215, 791, 853; *Тульчинский Н.П.* Маленький фельетон; *Его же.* Предание о происхождении балкарских таубиев. С. 279. *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 143; *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. С. 6, 16–18.
- ⁸⁵ *Штедер Л.* Указ. соч. С. 60; *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 853; *Тульчинский Н.П.* Маленький фельетон; *Его же.* Предание о происхождении балкарских таубиев. С. 279; *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 143.
- ⁸⁶ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 96.
- ⁸⁷ *Штедер Л.* Указ. соч. С. 59; *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 791.
- ⁸⁸ *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. С. 74.
- ⁸⁹ *Головинский П.А.* Указ. соч.
- ⁹⁰ *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. С. 6.
- ⁹¹ *Шёгрен А.М.* Указ. соч. С. 221.
- ⁹² *Красницкий К.* Указ. соч.; *Головинский П.А.* Указ. соч.; *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 791.
- ⁹³ *Туганов М.С.* Указ. соч. С. 3.
- ⁹⁴ *Головинский П.А.* Указ. соч.; *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 240.
- ⁹⁵ *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 839, 840, 852, 853; *Его же.* Терская область. Археологические экскурсии. С. 79–80; *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 141–143.
- ⁹⁶ *Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии. С. 78–80; *Харузин Н.Н.* Указ. соч. С. 192.
- ⁹⁷ *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 839, 852.
- ⁹⁸ *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 141, 142.
- ⁹⁹ Там же. С. 142.
- ¹⁰⁰ *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 61.
- ¹⁰¹ *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 95; *Битова Е.Г.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁰² *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 139.
- ¹⁰³ *Шёгрен А.М.* Указ. соч. С. 221.
- ¹⁰⁴ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 41.

- ¹⁰⁵ Карачаево-балкарско-русский словарь. С. 456.
- ¹⁰⁶ *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 139.
- ¹⁰⁷ *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 215, 791.
- ¹⁰⁸ Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970. С. 285.
- ¹⁰⁹ Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003. С. 156, 157; Табасаранско-русский словарь. М., 2001. С. 221; *Каяев А.* Лакский язык и история. М., 2006. С. 247; *Потто В.А.* Указ. соч. М., 2007. Т. 2. С. 144.
- ¹¹⁰ Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю: материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2. С. 24.
- ¹¹¹ *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 62.
- ¹¹² *Потто В.А.* Указ. соч. М., 2007. Т. 4. С. 485, 488; *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 164.
- ¹¹³ *Клапрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 160.
- ¹¹⁴ Дагестанские исторические сочинения. С. 18; Тарихи Дербенд-Наме. С. 41.
- ¹¹⁵ *Бларамберг И.Ф.* Указ. соч. С. 320.
- ¹¹⁶ *Красницкий К.И.* Указ. соч.
- ¹¹⁷ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 354; *Д.А.* К вопросу об узденстве в Осетии // Казбек. Владикавказ, 1901. № 986.
- ¹¹⁸ *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 852.
- ¹¹⁹ *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 63.
- ¹²⁰ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 41.
- ¹²¹ *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. С. 6.
- ¹²² *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4. С. 77, 78.
- ¹²³ *Головинский П.А.* Указ. соч.
- ¹²⁴ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 50.
- ¹²⁵ *Гутнов Ф.Х.* Века и люди. С. 71, 88, 89.
- ¹²⁶ *Такайшвили Е.С.* Археологические путешествия, разыскания и заметки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915. Вып. 44. С. 105-106; *Вахушти Багратиони.* География Грузии. Тифлис, 1904. С. 150.
- ¹²⁷ *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 77, 78.
- ¹²⁸ *Пфаф В.Б.* Указ. соч. С. 85.
- ¹²⁹ *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 115–117.
- ¹³⁰ *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 279, 280.
- ¹³¹ *Каяев А.* Указ. соч. С. 123.
- ¹³² *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. С. 174.
- ¹³³ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись. С. 242.

- 134 Русско-чеченские отношения (вторая половина XVI – XVII в.). С. 46.
- 135 *Клапрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 160, 161.
- 136 *Далгат Б.К.* Указ. соч.
- 137 *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 853.
- 138 *Кудашев В.Н.* Указ. соч. С. 240, 241.
- 139 *Зайцев И.В.* Указ. соч. С. 206–208.
- 140 *Гутнов Ф.Х.* Века и люди. С. 88.
- 141 *Зайцев И.В.* Указ. соч. С. 115, 139, 158.
- 142 *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М., 1940. № 3. С. 78, 81.
- 143 Там же. С. 81.
- 144 Там же. С. 85.
- 145 Сокровенное сказание монголов. С. 433.
- 146 *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. С. 65.
- 147 *Батчаев В.М.* «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? С. 162, 167, 168; *Малкондуев Х.Х.* Указ. соч. С. 120, 121.
- 148 *Гильденштедт И.А.* Указ. соч. С. 228; *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2007. С. 162; *Клапрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 29.
- 149 Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 37.
- 150 Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 222.
- 151 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 330.
- 152 *Тучков С.А.* Указ. соч. С. 244.
- 153 *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты. Исследования. С. 852.
- 154 *Д.А.* Указ. соч.
- 155 *Штедер Л.* Указ. соч. С. 60.
- 156 Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 101.
- 157 Там же.
- 158 *Вахушти Багратиони.* Указ. соч. С. 138, 141.
- 159 *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 92, 93.
- 160 *Клапрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 161; *Далгат Б.К.* Указ. соч.; *Гильденштедт И.А.* Указ. соч. С. 49; *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 196.
- 161 *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 63.
- 162 *Клапрот Г.Ю.* Указ. соч. С. 160; *Далгат Б.К.* Указ. соч.

- ¹⁶³ *Фонвиль А.* Последний год войны Черкесии за независимость // Адыги (Черкесы). Нальчик, 1991. С. 364.
- ¹⁶⁴ *Тепцов В.Я.* Указ. соч. С. 199.
- ¹⁶⁵ *Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 133.
- ¹⁶⁶ *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 43, 47, 51.
- ¹⁶⁷ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 2002. С. 250.
- ¹⁶⁸ *Ксаверио Главани.* Описание Черкесии 1724 г. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. С. 155.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же.

**КРЫЛЬЯ БУМБЫ
(кочевые потестарные структуры
в эпической стране калмыков)**

Дуальная структура, т.е. разделение территории и населения государства на две части – обычно западную (правую) и восточную (левую) под названием «стороны», «крылья», «руки», – была весьма распространена в истории как кочевых скотоводов, так и оседлых земледельцев¹. Из нескольких версий происхождения данного института более предпочтительным представляется объяснение его генезиса из клановых фратрий. Однако в предгосударственных и раннегосударственных образованиях черты фратриальных конструкций сохранялись в чисто формальном виде, а управление населением осуществлялось часто без учета принадлежности к тому или иному роду-племени. Этот тезис подтверждается стройным административным устройством страны Бумбы – владений хана-богатыря Джангара, героя знаменитого одноименного калмыцкого эпоса.

Героический эпос, посвященный Джангару, давно изучается историками, фольклористами, лингвистами, этнологами, представителями прочих гуманитарных дисциплин. Сказания о правителе Бумбы и его верных соратниках служат исследователям основой для анализа особенностей развития устного народного творчества, языка, дописьменной истории ойратов и калмыков. В данной статье мы попробуем рассмотреть сведения эпоса о дуальной организации улуса. Разбор этой проблемы может оказаться интересным для историографии не только западно-монгольских этносов, но и кочевников в целом. Ведь структура Джангарова улуса принципиально не отличалась от устройства владений других ха-

нов — как в действительной истории, так и в героических эпосах монгольских и тюркских народов. Насколько мне известно, вопрос о двухчастном построении ханства Джангара не рассматривался в специальных работах. Впрочем, в литературе неоднократно отмечалась возможность успешного применения информации калмыцкого героического эпоса для реконструкции общественных отношений².

Все кочевники Бумбы — лишь подданные хана, а наместники-военачальники не расцениваются в качестве лидеров племен, входящих в улус. Территория улуса, таким образом, делится не на родовые и племенные кочевья, а на правое и левое крылья, а население соответственно на правый и левый отряды ополчения. Посмотрим, как выглядят эти крылья в Бумбе.

Описания их «личного состава» в разных песнях эпоса не совпадают. Одни и те же персонажи оказываются причисленными то к одному, то к другому крылу. Лишь ясновидец Алтан Чэджи неукоснительно предстает везде как «глава правой стороны», а богатырь Гюзян Гюмбе чаще всего трактуется в качестве лидера левой стороны (по крайней мере, в составе правого крыла он не фигурирует никогда). Что касается двух наиболее опытных, сильных и мужественных дружинников Джангара — Хонгора и Савара, то единообразия в их крыльевой атрибуции нет. Следует отметить, что перечни героев (придворных и дружинников), относящихся к правой и левой сторонам, содержатся в описаниях пиршественного церемониала, рассадки богатырей на ханском пиру-курултае по обе стороны от трона Джангара. Варианты рассадки таковы.

1. Правая сторона: Алтан Чэджи (главный), за ним Савар. Левая сторона: Хонгор (главный), за ним Гюзян Гюмбе, за ним Санал³.

2. Правая сторона (три тысячи богатырей): Алтан Чэджи (главный), за ним Хонгор. Левая сторона (три тысячи богатырей): Эркю Гюмбе (главный), за ним Савар⁴.

3. Правая сторона: Алтан Чэджи (главный), за ним Хонгор. Левая сторона: Гюзян Гюмбе (главный), за ним Савар⁵.

4. Правая сторона: Алтан Чэджи (главный), за ним Мункули, за ним Мангна, за ним Савар, за ним семнадцать богатырей. Левая сторона: Гюмбе (главный), за ним Хонгор, за ним Яшд Хавтын-Энге-бий, за ним семнадцать богатырей⁶.

5. Глава правой стороны – Алтан Чэджи, глава левой стороны – Гюзян Гюмбе⁷.

Для исследования дуальной структуры не очень принципиально, кто именно к какой половине ханства относится; важнее определить компетенцию лиц, занимающих соответствующие посты в улусе. Но чтобы в дальнейшем не путаться в противоречивых сведениях, попытаемся составить «рабочую схему» руководства крыльев у Джангара.

Н.Ц.Биткеев и Э.Б.Овалов утверждают, что правую сторону возглавляет в эпосе Алтан Чэджи, левую – Хонгор⁸. Думаю, можно согласиться о мнении авторитетных джангароведов и придать предложенное ими распределение должностей между персонажами. Но что же тогда делать с Гюзян Гюмбе? Ведь чаще именно он назван предводителем витязей левой стороны. Вероятно, здесь может помочь характеристика, данная ему Н.Ц.Биткеевым в одной из статей: «Наиболее пассивным из основных богатырей в “Джангаре” является Гюзян Гюмбе. Сказители о нем не сложили ни одной песни, не описали подробно ни одной битвы, в которой богатырь Гюзян Гюмбе проявил бы свою богатырскую силу. О нем лишь упоминается в нескольких песнях как об участнике того или иного сражения с врагами...»⁹ Таким образом, из воинов левого крыла Гюзян Гюмбе явно проигрывает Хонгору в активности. Очевидно, Хонгора и следует расценивать в качестве вожака левой стороны. Чтобы далее у читателя не возникало недоумений по поводу разнобоя в именах, обозначим главу правого крыла ГПК (Алтан Чэджи), а главу левого крыла – ГЛК (такowymi будут Хонгор или Гюзян Гюмбе).

Теперь разберемся подробнее с крыльями и их предводителями. ГЛК Хонгор – первый из дружинников Джангара,

его побратим с юности. Сын Беке Менген Шигширге (или Ширкея), Хонгор спас от отравы плененного его отцом Джангара и стал верным сподвижником последнего¹⁰, унаследовав земли Беке Менген Шигширге в долине реки Шилтей-Зандан с пятью миллионами подданных¹¹. Эти владения вошли в ханство Джангара. ГЛК Гюзян Гюмбе тоже состоит в подчинении у Джангара, имея под началом семь миллионов подданных на берегу Священного Черного моря¹². В другой песне территория проживания ГЛК названа более конкретно: он кочует «с подветренной стороны горы Самбал»¹³.

Итак, в пределах Джангарова улуса существует пространство левого крыла, а в нем, в свою очередь, располагается удел ГЛК. Причем этот удел довольно самостоятелен в хозяйственном отношении, так как у Хонгора имеется свой конюший, который ловит и объезжает для богатыря скакунов из огромного хозяйского табуна¹⁴. Но сведения о материальном положении ГЛК весьма незначительны, поскольку главным предметом, занимавшим сказителей и слушателей эпоса, были военные походы и подвиги героев. Поэтому более рельефно взаимоотношения хана и ГЛК предстают из военных сцен.

Хонгор – самый сильный и отважный воин в дружине Джангара. Однако могучи и мужественны все дружинники Бумбы. Хонгор же выделяется из них не только личными достоинствами, но и определенными оттенками статуса. Например, он заявляет патрону:

Славный мой Джангар...
Когда ты «хватай» говорил,
Не я ли хватал?
Когда ты «дави» говорил,
Не я ли давил?
Во время войны
Не я ли твоей крепостью был?¹⁵

Та же мысль содержится в словах ГПК Алтан Чэджи, обращенных к Хонгору:

Не ты ли был ему (Джангару. — *В.Т.*)
Прикрытием от врага?
Был скакуном ему в быстрой езде
Не ты ли?¹⁶

А ведь «крепостью» и «прикрытием» хану служит не один Хонгор, но еще и двенадцать «вепрей» и шесть тысяч двенадцать баторов дружины. Значит, Хонгор обладает качествами и рангом, отличающими его от «коллег»-дружинников. В принципе, нам уже известен ранг: ГЛК. Но для того, чтобы понять его место в улусной иерархия, требуется рассмотреть формальную связь ГЛК с ханом.

Выше говорилось, что Джангар и Хонгор сызмальства являлись побратимами. В дальнейшем теплые, родственные отношения между ними сохранялись, и хан даже отправился сватать для Хонгора невесту¹⁷, что характерно для отношений старшего и младшего братьев в монгольских и тюркских героических эпосах. Из всех прочих только этот витязь удостоивается эпитета «лелеемый (ханом) богатырь»¹⁸. Хонгор платил хану преданностью и удалью: «Семьдесят ханств он один подчинил (Джангару)»¹⁹. Не странно ли последнее утверждение? Оказывается, воюет не хан, а ГЛК. Дело в том, что этот пост предусматривал не только главенство над войсками левого фланга. Однажды, явившись в ханский дворец, Хонгор сначала садится у подножия трона, т.е. в центре «право-левой» композиции-рассадки богатырей, а затем занимает место

Левого полукруга выше всех сынов,
Опора державы родной²⁰.

Приведенный эпизод кое-что проясняет. Хонгор имеет должность ГЛК и одновременно обладает правом быть в центре иерархического полукружья, т.е. вместе с ханом. Но хан — глава всего народа. Кого же возглавляет Хонгор, находясь в центре?

Джангара-нойона двенадцать богатырей...
Возглавляет... Альий Хонгор²¹.

А если присовокупить к этой фразе упоминавшиеся выше эпитеты данного персонажа («крепость», «опора», «прикрытие» и т.д.), то получается, что с ним связывались представления о военной мощи улуса, а ГЛК Хонгор являлся еще и главой улусного войска, именно на нем, Хонгоре, лежало осуществление военной функции власти. Поэтому он и осмеливается публично заявлять, будто сильнее всех²², в том числе и хана, присутствующего при этом. Хотя любой эпический хан, являющийся центральным персонажем, воплощает в себе все богатырские свойства, но в полном соответствии с исторической реальностью военные прерогативы Джангара оказываются поделенными между ним и ГЛК.

Тем не менее в особенностях их руководства военными делами наблюдается существенное различие. Если хан восседает на престоле, и уже в силу этого обстоятельства его качества как правителя и главы народа неоспоримы, то ГЛК-главком улуса должен, вероятно, постоянно подтверждать свою способность к лидерству. Показательна сцена в одной из песен. Перед отправлением Хонгора с посольством во владения соседнего правителя

Шестьсот двенадцать верных богатырей
Велели Хонгору пройти туда и сюда,
Стали то изучать,
чтобы выяснить, «какая сила у этого человека?»²³.

Во-первых, осмотр витязю устраивает все войско, а не только левое крыло, которым он вроде бы только и должен командовать. Это подтверждает тезис об обязанностях главнокомандующего у Хонгора. Да и сам Хонгор осознает свою ответственность, отказываясь (в другой песне) от выполнения ханского приказа заступить на охрану рубежей Бумбы:

Когда я уйду в караул,
Как бы подданных твоих не забрали враги (из) ста стран...

Ведь силой моей мирское правление укреплено...

Правление и веру (я) укрепил²⁴.

Главное же, во-вторых, что физические и бойцовские качества ближайшего Джангарова сподвижника были превосходно известны дружинникам. Но в отличие от хана, ему требовалось постоянно подтверждать их – или в битвах, или путем вот такого осмотра-экзамена в мирное время.

Наряду с предводительством в левом крыле и во всей армии, ГЛК Хонгор иногда исполняет обязанности палача (вместе с богатырем Очир Гэрэлом)²⁵, что само по себе не связано с крыльевой структурой, а носит также общеулубный характер. Но все его действия совершаются в рамках военной сферы жизни ханства. Даже чудесное свойство ГЛК Гюзян Гюмбе толковать сны не превращает левого военачальника в какого-то жреца, шамана. Свои способности Гюзян Гюмбе использует при гадании на бараньей лопатке по единственному поводу: узнать, что за враг надвигается на Бумбу и какова цель его набега²⁶. В целом ГЛК-главком не вмешивается в повседневное управление улусом; для этого у Джангара имеются сайды²⁷.

Итак, ГЛК в улусе Джангара является главным богатырем, командующим ханским войском. Внутренняя иерархия левого крыла просматривается нечетко. В перечнях рассадки называются имена одного-двух воинов, располагающихся сразу за ГЛК (см. выше), однако никаких особенностей взаимоотношений между ГЛК и другими членами крыла из лаконичных сообщений эпоса вывести не удастся. Фигура Хонгора оттесняет и пассивного Гюзян Гюмбе, и таинственного Хавтын-Энге-бия, а «Строгий Смуглолицый» Санал действует часто вне связи с ГЛК, по прямым поручениям Джангара или курултая.

Правое крыло эпического улуса тоже заслуживает отдельного рассмотрения. ГПК Алтан Чэджи – самый высокородный из окружения Джангара, он внук и сын ханов²⁸. Не-

когда Алтан Чэджи управлял собственными владениями, но Джангар подчинил их себе, а самого Алтан Чэджи назначил «главой правой (стороны) своих многочисленных рядовых богатырей»²⁹. Мы уже выяснили, в чем заключалось главенство Хонгора (или Гюзян Гюмбе) над левым крылом — в командовании войсками крыла и всего улуса. Теперь разберем статус ГПК.

Оказавшись в подданстве у Джангара, Алтан Чэджи, видимо, сохранял за собой свое прежнее достояние. В одной песне говорится, что ранее у него имелся «подобный картине дворец», в другой упоминаются пять миллионов его подданных, обитающих на берегу Священного Белого моря³⁰. Судя по всему, как и ГЛК, Алтан Чэджи имел удел в пределах державы Джангара. Но если ГЛК постоянно находился при верховном правителе в силу своих командирских обязанностей, то у ГПК были другие прерогативы. Устойчивый эпитет Алтан Чэджи — «ясновидящий», что неоднократно расшифровывается:

Предсказывающий будущее
На девяносто девять лет вперед,
Безошибочно рассказывающий о прошлом,
(Что было) семьдесят лет назад³¹

и т.п. Военная функция у этого персонажа отсутствует начисто. Его, случается, именуют «полководцем»³², но он никогда не участвует в боях³³. При определении, кому идти на врага в поход, при подсчете, кто сколько покорил ханств, окружение Джангара припоминает заслуги всех его ближайших соратников, в том числе и из правого крыла, но не называет при этом Алтан Чэджи: за ним таких ханств не числилось.

Пренебрежение к ГПК по этому поводу сквозит в словах Джангара, когда в упоминавшейся ситуации выбора карального жребия выпал на Алтан Чэджи:

Этот предводитель, старый тюшемил*,
Не прославился ни в близких, ни в дальних краях —

* Сановник. — В.Т.

и все присутствующие приговорили переметнуть жребий³⁴. В период самостоятельного ханствования Алтан Чэджи, может быть, и являлся богатырем, что следует из его полководческого титула и эпизодического упоминания клички его боевого коня³⁵ (обязательный атрибут эпического образа витязя).

И все-таки, несмотря на отсутствие героического «послужного списка», ГПК занимал высочайшее место в улусной администрации. Ясновидение его было не просто сверхъестественным свойством, но сочеталось с необычайной мудростью («Он, говорят, превзошедший всех умом мудрец»³⁶). В отличие от ГЛК, Алтан Чэджи выглядит гораздо более самостоятельным и полномочным иерархом. Невозможно представить, чтобы о вояке Хонгоре было бы сказано так, как о нем:

(Делами) правления семидесяти ханств ведает он.
Любые, самые сложные тяжбы
Сам, без помощи хана, разрешая,
На черном шелковом дербелджине*
Он восседает³⁷.

Прерогативы соправителя и судьи народа семидесяти ханств (запомним эту цифру) сочетались и с возможностью замещать хана в отсутствие последнего. Так произошло, например, когда поступило известие о пленении дружинника Мингъяна. Алтан Чэджи, сообщив об этом тем, «кто восседал во дворце славного Джангара», снарядил бойцов на вырубку. Так же произошло и во время пленения самого Джангара³⁸.

Возникает резонный вопрос: происходят ли все указанные права и властная компетенция Алтан Чэджи из его поста (ГПК) или из персональных качеств (мудрец-яс-

* Циновке. — В.Т.

новидец)? Ответить поможет одна сцена. Когда Джангар отправляется сватать невесту для Хонгора, Алтан Чэджи пытается подсказать подходящую, по его мнению, кандидатуру – когда-то виденную им девушку. Хан не соглашается, так как присмотрел для побратима другую, и раздражается следующей тирадой:

То, что верным считаю я,
Почему неверным считаешь ты?
В давнюю пору ясновидением ты обладал,
А теперь постарел, ясновидцем быть перестал.
Сказанные тобой слова
Пусть уйдут через зубы и рот³⁹.

Стало быть, провидческие потенции Алтая Чэджи оказались столь же преходящими (по крайней мере, в глазах государя), как и ранее его воинская доблесть. Однако влияние и полномочия ГПК несколько не уменьшились. Значит, несмотря на исчезнувшую богатырскую мощь и угасающую старческую мудрость, Алтан Чэджи остается у кормила власти, и это может быть объяснено только незыблемостью его статуса в улусе.

В перечнях лиц, сидящих справа от трона, следом за ГПК, сразу после Алтан Чэджи обычно называется Савар. «Тяжелорукий» Савар – могучий воин, один из лучших богатырей дружины. Он назначается Джангаром для поединка с грозным Мангна-ханом⁴⁰; у него на счету тридцать четыре покоренных для Джангара ханства (у Хонгора в этом списке тридцать пять)⁴¹, он ревнует хана к Хонгору:

(В чем же я уступаю
Алому Хонгору Благородному – льву из львов?⁴²).

В Саваре иногда видят военную опору Бумбы (слова враждебных ханов:

Если Савара Тяжелорукого с Кюрюнг Галзан*
Не будет у Джангара,
Мы справимся с двенадцатью его (богатырями)⁴³.

Можно предположить, что Савар считался военачальником правого крыла. Однако он был не только участником боев. В эпосе ему отведена важная обязанность оформлять прием вновь завоеванных владетелей в число подданных Джангара. Процедура эта заключалась в том, что Савар отвешивал только что покоренному богатырю или хану оплеуху, ставил тому на правую щеку бумбайскую тамгу и объявлял о долженствовании ежегодного привоза дани⁴⁴.

Кроме того, в литературе отмечалось, что Савар по поручению хана обычно первым вступает в сражение с неприятелем⁴⁵. Означает ли это, что данный персонаж возглавляет авангард армии? Не обязательно, потому что впереди ее в походах едет знаменосец. Лишь в двух песнях это ханский конюший Мангна, во всех остальных движение войск возглавляет Шонхор, сын Алтан Чэджи⁴⁶. Так или иначе, убеждаемся, что функция авангарда закреплена за правым крылом: впереди отрядов оказываются Савар или Шонхор, подчиненные ГПК. Подобное сочетание постов — правый крыльевой военачальник и командир авангарда — не фольклорное изобретение, поскольку практиковалось в Джучиевом улусе Монгольской империи XIII в. Сын Джучи Шибан, а позже и сын Шибана Багатур совмещали подобное командование⁴⁷. У ряда народов младшие соправители, кроме прочих функций, в том числе и главенства над правым крылом, возглавляли именно передовые воинские формирования⁴⁸.

У лиц, отнесенных в эпосе к правому крылу, есть характерная особенность: все они в прошлом были **завоеваны** Джангаром. На этот факт уже обращали внимание исследователи. Так, Ц.К.Корсункиев считает, что «только Хонгор по своим личным

* Кобылица Савара. — В.Т.

достоинствам... превосходит Джангара, почему и первый союз заключен между ними. Раз заключен союз двух сильнейших, то третьего и четвертого можно заставить силой примкнуть, как это случилось с Саваром и Алтан Чэджи...»⁴⁹. А.Ш.Кичиков отметил своеобразие Савара в том, что «к сонму героев Бумбы он присоединен насильственным путем»⁵⁰. К тому же повторим: на Савара возложено оформление вступления в подданство новых жертв джангаровых походов. Как видим, все правое крыло состоит из «некоренного» населения Бумбы.

Тут уместно будет привлечь называвшееся выше число «семьдесят ханов». Именно столько владений покорил для Джангара Хонгор⁵¹, и именно столькими управлял Алтан Чэджи⁵². Вероятно, речь в эпосе идет об одних и тех же покоренных улусах. Получается, что правое крыло — это новые данники, левое же — исконные жители ханства. Причем правое крыло обладает известной автономией, поскольку ГПК, как уже говорилось, «сам, без помощи хана» вершит дела на подвластных территориях. Приведение к присяге вновь подчиненных правителей иногда осуществляется Саваром тоже без консультации с верховным государем⁵³, т.е. увеличение населения и пополнение состава правого крыла происходило по традиции, диктовалось обычным правом и могло возлагаться на ГПК и его представителей.

Как состав, так и определенная самостоятельность правого крыла Бумбы имеют соответствия в истории кочевников. А.И.Карагодин и задолго до него В.М.Успенский подметили важную черту крыльевой системы у монгольских номадов: более слабые племена, попадая в зависимость от сильных, занимали в улусе положение младшего, левого крыла; соответственно господствующее племя и его ближайшие союзники составляли правое крыло⁵⁴. По материалам «Джангара», соотношение крыльевой разверстки победителей оказывается, как мы убедились, обратным, но обозначенный двумя авторами принцип соблюдается. Если же вспомнить организацию крупнейших кочевых империй,

то несмотря на полиэтничность крыльев, можно увидеть, что кочевья господствующего этноса всегда относились к левому крылу, как и в «Джангаре»⁵⁵. Предводители правых крыльев (хуннский правый сянь-ван, западно-тюркский джабгу-каган, старший хан западных улусов Монгольской империи⁵⁶) были практически независимыми от восточных каганов государями, связанными с ними только номинальной инвестицией и родством.

Теперь попробуем разобраться в соотношении крыльев между собой и с престолом — и тем самым составить цельное представление о военно-административном устройстве Бумбы. Другими словами, попытаемся узнать, какое из крыльев было выше рангом, какое ниже, как располагались на иерархической лестнице ГЛК и ГПК, а также военачальники крыльев, и где именно в такой конструкции отводится место верховному хану.

Пусть Джангар и изрек: «Все равны в моем дворце за чашей арзы»⁵⁷, но соподчиненность звеньев управления все же просматривается. Для начала отметим, что среди джангароведов нет единодушия в трактовке критериев замещения постов в улусе Джангара. Ц.К.Корсункиев полагает, будто ведущим фактором являлось происхождение героев: «Кто родовитый, тот и должен занять главенствующее положение» — таким образом, на трон попадает «именно такой самый родовитый» Джангар, «родословная которого уходит вглубь прошедших времен до пятого колена». Следом идут ханские отпрыски: Алтая Чэджи, Гюзян Гюмбе, конюший Мангна; за ними — главный нойон Ке-Джилган, сын нойона; за ним — сыновья богатырей и сами являющиеся богатырями Хонгор, Савар, Санал, Мингьян⁵⁸. А.Ш.Кичиков обосновывал общественное положение различных персонажей их заслугами и достоинствами⁵⁹. Позднее данный автор применил еще один критерий: «...Восседает во главе правой стороны Алтая Чэджи, **старейший из богатырей**... Следующим по значению и месту в бумбайской иерархии оказывается **старейший витязь**... Гюзян-Гюмбе»⁶⁰.

Значит, главы крыльев стали таковыми, надо полагать, по возрасту, как люди наиболее умудренные и опытные? Но тут же А.Ш.Кичиков замечает: «Согласно репертуару Ээлян Овла, на этом почетном месте (ГЛК. — В.Т.) сидит Хонгор, что вполне соответствует роли, которую играет этот величайший из бумбайских богатырей»⁶¹.

Так что же служило основанием для отнесения воина к тому или иному крылу и для назначения на тот или иной пост — происхождение, социальное положение, возраст или богатырские качества? В нашу задачу в данной статье не входит анализ административных органов улуса Джангара, но вопрос о взаимосвязи крыльев тоже связан с проблемой критерия определения различных категорий подданных. Один из таких критериев предложен выше: «справа» располагается завоеванное население, «слева» — исконное. При таком раскладе вопрос о старшинстве крыльев кажется риторическим: конечно, левое должно быть выше рангом. На самом же деле проблема сложнее.

По числу представителей на пирах-курултаях крылья равны. И справа, и слева от трона размещаются то по три тысячи человек, то по семь «веселых кругов», то по семнадцать богатырей и по семь туменов..⁶² Но по статусам их предводителей крылья различаются. А.Ш.Кичиков расценивает правую сторону эпического улуса как более почетную⁶³. Действительно, в одной из песен есть сцена, рельефно отобразившая представления о старшинстве. Когда богатыри увидели слезы в глазах Джангара, ГПК Алтан Чэджи попросил Хонгора осведомиться у хана о причине печали. Хонгор отвечал:

Если восседающий справа от владыки не спросил,
Как же обратиться (к нему) мне,
(Восседающему) с левой стороны?⁶⁴

Однако я вижу в реплике Хонгора не столько признание старшинства правой стороны над левой, сколько констатацию приоритета принадлежащего к правой стороне Алтан

Чэджи перед «левым» воином Хонгором. А взаимное соотношение крыльев в конечном счете опять неясно.

Чтобы прояснить этот аспект, необходимо выяснить соотношение лиц из правого и левого крыльев. Ясно, что ранг Алтан Чэджи выше ранга Хонгора, и здесь уже нет симметричности крыльев. Но раз они равны по численности представительства на курултаях, то можно ожидать и приближительной эквивалентности в должностях крыльевых начальников. То есть следует найти, кто соответствует Хонгору в правом крыле и кто соответствует Алтан Чэджи в левом.

С подысканием пары для Хонгора справиться легче. Выше говорилось, что с этим богатырем сопоставляет свои действия не кто иной, как Савар – военачальник правого крыла. В самом деле, эти два героя периодически оказываются рядом. Когда посланный Джангаром в поход Мингъян выходит из ханского дворца, то

Под левую руку его поддерживал Хонгор,
Под правую руку поддерживал Савар⁶⁵.

Во владениях Зай-тайджи-хана тамошний «богатырь по имени Одон Цаган, что сидел во главе (восседавших) с левой стороны», спрашивает у джангарова посла:

Говорят, есть у Джангара богатырь по имени
Алый Хонгор благородный – лев из львов,
Каков же он по силе в сравнении со мной?
Затем
(Восседавший) с правой стороны могучий вепрь
Гунан Хара сказал:
Есть, говорят, в стране Джангара
Богатырь по имени Савар Тяжелорукий,
Какой он в сравнении со мной?⁶⁶

Заметим, что в улусе Зай-тайджи-хана ГЛК соответствует Хонгору, ГПК – Савару. Следовательно, Хонгор и Савар занимают равное положение, но в разных крыльях, что подтверждается и их побратимством⁶⁷. Но нам уже известно,

что ГПК у Джангара – это Алтан Чэджи; значит, Савар не является высшим лидером правого крыла. Хонгор же не возглавляет левое крыло, иначе его назвали бы в паре с Алтан Чэджи, а не с Саваром. Определился устойчивый тандем равновеликих по рангу крыльевых начальников – Савар и Хонгор. Коль Савар – главный военачальник правого крыла, то и Хонгор должен быть главным полководцем левого.

Но кто же тогда ГЛК у Джангара? Может быть, малоизвестный Гюзян Гюмбе, который во многих описаниях рассадки сидит ближе к трону, чем Хонгор (впрочем, часто и наоборот)? Как уже отмечалось, это довольно загадочная фигура в эпосе, слишком мала информация о ней. Но кое-какие наметки по интересующей нас проблеме все же возможны. Например, по приказу Джангара старший нойон Ке-Джилган определяет, кому отправляться отражать нападение вторгшегося врага, и для этого считает, кто из старших богатырей сколько ханств покорил. «Калькуляция» такова: Хонгор – тридцать пять владений, Гюзян Гюмбе – тридцать три, Савар – тридцать четыре. Ясно, что выпало идти Гюзян Гюмбе. И тут же вдруг говорится:

Снова счет вели делам и врагам.
И вновь слово взял Ке-Джилган.
«Пусть пойдет, – сказал он, –
...Сын Булингира, Одинокый Санал.
Это дело ему под стать»⁶⁸.

В конце концов в поход уезжает Санал, который почти во всех песнях отнесен к левому крылу. Но ведь только что жребий выпал на Гюзян Гюмбе, а о нем больше ни слова! Полагаю, что в данной ситуации подразумевалось то, что черед сражаться (определяемый хотя бы и по числу завоеванных ханств) пришел левому крылу. Поэтому следующий кон жребия разыгрывается только в «ведомстве» Гюзян Гюмбе; и из старших «левых» богатырей для битвы выделен Санал. Обратим внимание, что из высших лиц Бумбы вне

данного разыгрывания кандидатур остаются двое — сам Джангар и ГПК Алтан Чэджи. Опять для последнего не находится пары. Ведь Гюзян Гюмбе в рассмотренном эпизоде ставится в один ряд с прочими богатырями.

Так, смотрим дальше. Джангар долго отсутствует, где-то воюя. Его жена будит Хонгора: «Отправляйся-ка за ним!»⁶⁹ Действие этой сцены происходит в «золотисто-расписном дворце» Джангара, а Хонгор в данной песне назван вторым после Алтан Чэджи лицом правой стороны⁷⁰.

Указанные обстоятельства могли бы окончательно запутать исследование, если не вспомнить факт управления Алтан Чэджи Бумбой в отсутствие хана (см. выше). А ведь в только что приведенном эпизоде то же самое: на высшего функционера правого крыла возлагается попечение об улусе на время, пока Джангара нет. Следовательно, правое крыло в обоих случаях остается дома, а в поход уходит левое, и ведет его сам Джангар. Верховный хан, возглавляя левое крыло, автоматически становится и его главой. При этом левое крыло естественно обретает положение старшего подразделения, а правое — младшего.

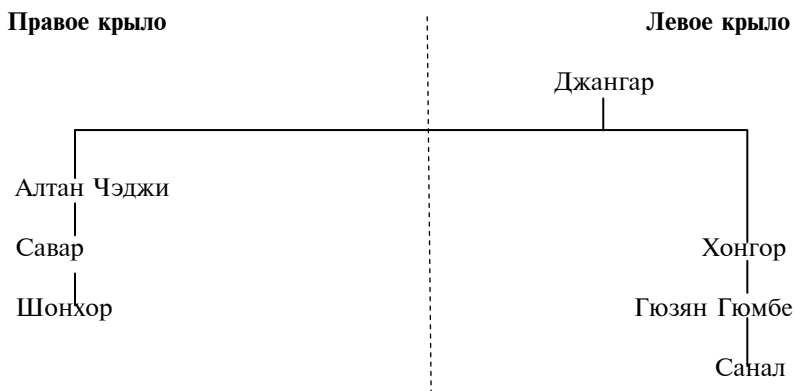
Не парадоксален ли такой вывод? Известно, что композиция эпических курултаев однозначна: Джангар на престоле находится в центре, все остальные образуют полукружья справа и слева от него. Но Джангар оказывается единственным приемлемым соответствием ГПК в крыльевой структуре. Причем главенство хана в левой половине Бумбы ни в коей мере не обесценивает общевойсковых полномочий Хонгора. Тот является реальным предводителем крыла, а не номинальным, как хан, который лишь в военное время использует свои prerogatives в левом крыле.

Косвенное подтверждение тому — взаимоотношения между мальчиками-сыновьями троих героев. В один из походов Джангар отправляет сыновей Алтан Чэджи, Хонгора и своего. Трехлетнему «Хонгоровичу» он поручает командовать этим маленьким войском — в полном соответствии со стату-

сом его отца⁷¹. Но Джангар — главный герой эпоса, воплощение лучших богатырских и человеческих качеств, поэтому уравнивать с ним даже такого высокопоставленного сановника, как Алтан Чэджи, казалось неуместным для сказителей. Да и детали крыльевой структуры к периоду письменной фиксации сказаний уже остались в далеком прошлом и не могли быть соотнесены с реалиями современности. Кстати, разрешается и недоумение с прерогативами Гюзян Гюмбе. В обозначенной нами схеме этому воину не находится места у кормила крыльевого управления. Скорее всего те варианты эпоса великого джангарчи Ээлян Овла, в которых Гюзян Гюмбе занимает следующее после Хонгора место в левом крыле, более соответствуют логике подобных иерархических порядков.

В целом дуальная организация Бумбы может быть восстановлена следующим образом (см. схему 1).

Схема 1

При изучении дуальной организации у кочевников нередко приходится сталкиваться с ее многоступенчатостью. Иногда происходило не только разделение территории и населения державы на два крыла, но и каждое из них, в свою

очередь, делилось пополам (как в тюркских каганатах, Монгольской империи, Золотой Орде). Отголоски таких первичных и вторичных делений присутствуют и в «Джангаре». В отдельных эпизодах, а именно в тех, где Джангар не воюет с окрестными владыками, а поддерживает или устанавливает с ними дружеские отношения, проступает уже не внутриулусная, а межулусная иерархия. Хонгор заявляет духу-мангасу:

Пусть ты владеешь закатною стороною, —
Нам же восточная принадлежит сторона.
Мы полагаем, что справедливость нужна,
И стороны не хотим, не желаем иной⁷².

Поскольку запад в традиционной геосимволике монгольских народов ассоциируется с правой и младшей по статусу стороною⁷³, то ясно, что в сформулированной Хонгором схеме мангасу отводится роль младшего партнера; Бумба же, расположенная на востоке, при таком раскладе становится старшей (левой).

Противоположная ситуация видится в описании визита Джангара к Баатр Хара Джилган-хану. Два властелина заключают соглашение о взаимопомощи («В войне с сильным врагом друг другу помощь окажем»)⁷⁴. При этом уже Джангар, по некоторым признакам, является младшим партнером в союзе: он садится на белый серебряный трон справа от Баатр Хара Джилган-хана, в то время как тот размещается на золотом престоле соответственно слева⁷⁵.

Две только что обрисованные встречи персонажей сводятся к контактам между полностью независимыми друг от друга правителями, которые взаимно определили степени ханского старшинства по названным в эпосе критериям. Однако в нем фигурирует еще одно лицо, связанное с Джангаром более сложными отношениями, и мы остановимся на них подробнее.

Однажды Джангар объявил соратникам:
К северу от заката солнца
Живет могучий хан Кюрмен,
Подчинивший когда-то владение
Славного хана Узюнга*.
Когда же слух о счастливой жизни моей
Широко распространился в дальних краях,
(Думает) могучий хан Кюрмен:
«В стране восходящего солнца
Одинокий сын побежденного мною хана
Слишком усилился», — говоря,
Собирается тайно отправить ко мне важного гонца —
и решил послать дружинника Мингьяна, чтобы пленить Кюрмена⁷⁶.

Что следует из этого фрагмента? Во-первых, Бумба во время правления джангарова отца была покорена Кюрменом. Вероятно, подчинение носило характер номинального признания старшинства завоевателя и даже не требовало выплаты дани, поскольку ближайшие сподвижники Джангара и не подозревали о существовании какого-то вышестоящего государя. Во-вторых, подвластные (реально и формально) Кюрмену земли состояли из двух частей — западной и восточной. Правда, на востоке здесь оказывается завоеванная Бумба, но это объяснимо с учетом того, что она является родиной главного героя эпоса и, следовательно, более значимой до рангу в глазах сказителей.

Далее в тексте Кюрмен характеризуется так:

Он один из четырех ханов четырех материков,
Его покровитель — владыка мира Белый Старец.
Вот какой это хан!⁷⁷

Этот Белый Старец и сообщает Кюрмену о приближении Мингьяна. Тот недоумевает: «Кто же может мне угрожать из страны славного Узюнг-хана?»⁷⁸ Снова остановимся. Теперь известно, что ханское достоинство у Кюрмена гораздо весо-

* Отца Джангара. — В. Т.

мее, чем у Джангара, ведь последний не имеет столь высоко-го и «продуктивного» небесного покровительства. А благоволение и заступничество потусторонних сил обязательно для эпических правителей⁷⁹. Это во-первых. Во-вторых, Кюрмен, как выясняется, не питал никаких враждебных чувств к правителям Бумбы и был уверен, что со стороны наследника лояльного («славного») Узюнга, в свою очередь, какой-либо вражды не предвидится. Посланный же им в Бумбу важный гонец, видимо, должен был просто воочию убедиться в прогремевшем повсюду ее процветании под управлением Джангара. Отправление Джангаром в набег Мингьяна с учетом этих соображений предстает если и мотивированным чем-то, то лишь желанием Джангара избавиться от унаследованного призрачного вассалитета.

Мингьян в конце концов захватил Кюрмена и привез ко двору патрона. Вот что произошло дальше.

Двенадцать главных сайдов
Выбежали навстречу ему (Кюрмену. — *В.Т.*).
Пути могучего хана Кюрмена
Развязали и сказали:
«Садитесь на правую сторону,
На восьминожный трон из чистого серебра».
Но тот не послушался (их),
Сел повыше богдо Джангара⁸⁰.

Отчетливо проявляются особенности общественного положения старшего хана. Он и встречаем главными сайдами (в ставке подвизается еще множество простых сайдов), и на правый серебряный трон не садится. Конечно: ведь он, хотя и в плену, но выше хозяина дворца в иерархии ханов, поэтому и занимает подобающее себе место — судя по контексту, золотой трон слева от Джангара. Причем не встретив от того никаких возражений.

После сорокадевятидневного пиршества Кюрмен обращается к Джангару:

«Сын славного хана Узюнга,
Единственный в своем поколении Джангар,
Владей этим краем земли!» —
сказал и отбыл восвояси с кортежем из тех же главных сай-
дов⁸¹.

Итак, все завершается, во-первых, инвеститурой Джангара — и вновь, кажется, чисто ритуальной, не налагающей на Бумбу и минимальных обязательств перед Кюрменом; во-вторых, свободным отъездом верховного хана в родные кочевья, что знаменовало полюбовное разрешение конфликта, начатого по инициативе Джангара; в-третьих, почетным кортежем, достойным столь высокопоставленного визитера. Хан Кюрмен был и остался настоящим каганом, старшим для Джангара⁸². Хотя и можно привязывать подобные взаимоотношения правителей к конкретной истории ойратских ханств (как это пытался делать С.А.Козин⁸³), но все же в таких сценах проступают и общие закономерности кочевой государственности, которые были присущи не только ойратам и калмыкам. Система соподчиненности степных ханств и крыльев внутри них обрела в эпосе «Джангар» яркую художественную иллюстрацию.

Подведем итог.

1. Эпическая страна Джангара Бумба разделена на две относительно самостоятельные частикрыла.

2. По традиции, во главе левого ~ старшего крыла стоит хан (Джангар). По территории левого крыла кочует коренное население Бумбы.

3. Следующий по значимости пост в улусе занимает глава правого крыла, являющийся воплощением мудрости, фактический соправитель хана Джангара (Алтан Чэджи).

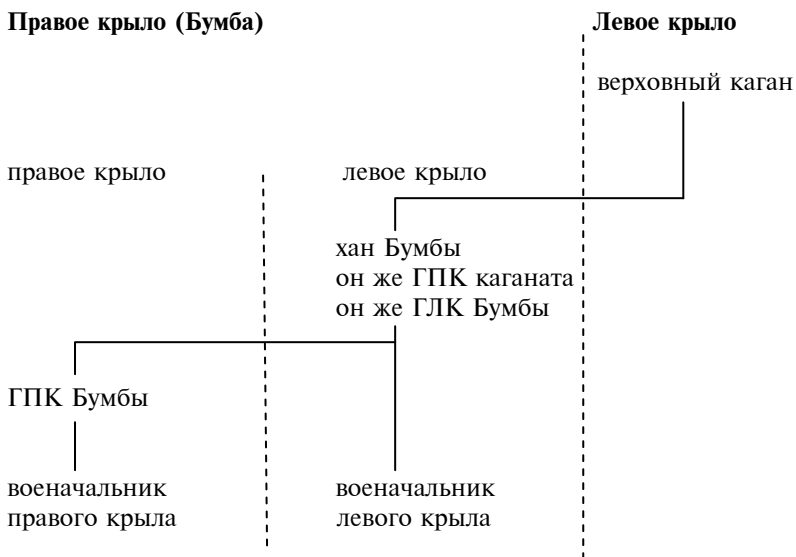
4. Правое крыло в двухкрыльной системе занимает положение младшего. На его территории кочует население покоренных Джангаром улусов.

5. В каждом из крыльев действуют военачальники, командиры соответствующих фланговых отрядов дружины и

ополчения (Хонгор и Савар). При этом военачальник левого крыла является воплощением богатырских свойств и фактически возглавляет все улусное войско. Один из правых военачальников командует авангардом бумбайской армии (Савар или Шонхор).

6. Бумба является правым крылом (младшим ханством) в более обширном каганате Кюрмена. Однако Кюрмен и Джангар ханствуют каждый совершенно самостоятельно – в полном соответствии с особенностями крыльевой организации крупнейших кочевых империй средневековья. Общая схема иерархических отношений между рассмотренными в статье персонажами представлена на схеме 2.

Схема 2

- 1 Это явление исследовано в работах: *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; *Иванов В.В.* Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний // Советская археология. 1968. № 4; *Его же.* Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // Народы Азии и Африки. 1965. № 5; *Стратанович Г.Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1974. Вып. 1; *Hocart A.M.* Kings and Councillors. Cairo, 1936; *Rivers W.H.R.* Social Organization. L., 1926.
- 2 См., например: *Кичиков А.Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар» (вопросы исторической поэтики). Элиста, 1976. С. 17; *Кичиков М.Л.* Героический эпос «Джангар» как исторический источник // Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение: материалы науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ээлян Овла. Элиста, 1969. С. 61, 63. Однако указанные авторы лишь вкратце описали структуру улусного общества, не вдаваясь в ее детали.
- 3 См.: Джангар. Калмыцкий героический эпос. М., 1990. С. 200, 201. (Далее: Джангар (М.)).
- 4 См.: Там же. С. 349, 352.
- 5 См.: Джангар. Калмыцкий народный эпос. Новые песни. Элиста, 1990. С. 209, 210, 228. (Далее: Джангар (Эл.)). Но на с. 219 говорится, что Хонгор возглавляет «семь веселых кругов» богатырей левой, а не правой стороны.
- 6 См.: Там же. С. 36.
- 7 См.: Там же. С. 26, 35.
- 8 Джангар (М.). С. 454.
- 9 *Биткеев Н.Ц.* Основные образы богатырей и героизация их в «Джангаре» (к проблеме эпической традиции) // Вестник Калмыцкого НИИ языка, литературы, истории. Элиста, 1976. Вып. 14. С. 69.
- 10 Джангар (М.). С. 202.
- 11 Джангар (Эл.). С. 22, 32, 34.
- 12 Там же. С. 23.
- 13 Джангар (М.). С. 351.
- 14 Джангар (Эл.). С. 26.
- 15 Джангар (М.). С. 267. Здесь и далее в цитатах выделено мною.
- 16 Там же. С. 270.
- 17 Там же. С. 206 и сл.
- 18 Там же. С. 233.
- 19 Там же. С. 201.
- 20 Джангар (Эл.). С. 36.
- 21 Там же. С. 19.

- 22 Джангар (М.). С. 241.
- 23 Там же. С. 215.
- 24 Там же. С. 358–359. Заодно обратим внимание на известное несоответствие должности ГЛК-главкома его обязанностям: Хонгор отказывается от чисто военного предприятия, обосновывая отказ необходимостью своего постоянного присутствия в ханской ставке. Возникает мысль, что его пост в какой-то мере формален. К этой проблеме мы вернемся ниже.
- 25 Там же. С. 343.
- 26 Джангар (Эл.). С. 260.
- 27 Хонгор, боясь осуждения за невыполнение поручения Джангара, сетует: «Если поеду домой, куда деться От злых языков наших сайдов?» (Джангар (М.). С. 223). Сайды в эпосе действуют при дворе и ведают всей невоенной жизнью ханства.
- 28 Джангар (Эл.). С. 349.
- 29 Там же. С. 197.
- 30 Там же. С. 196; Джангар (М.). С. 23.
- 31 Джангар (Эл.). С. 198, 200, 349 и др.
- 32 Там же. С. 209.
- 33 Аналогичное положение у ГПК при Баатр Хара Джилган-хане, **богатыря** Бадма Зюркена (см.: Джангар (М.). С. 252).
- 34 Там же. С. 359.
- 35 Там же. С. 203.
- 36 Там же. С. 349.
- 37 Там же. С. 200.
- 38 Там же. С. 286, 324.
- 39 Там же. С. 208–209.
- 40 Там же. С. 260, 261.
- 41 Джангар (Эл.). С. 262.
- 42 Джангар (М.). С. 321.
- 43 Там же. С. 323.
- 44 Там же. С. 270, 288, 318.
- 45 *Биткеев Н.Ц.* Указ. соч. С. 82.
- 46 Джангар (М.). С. 265, 353, 354; Джангар (Эл.). С. 221, 222; *Овалов Э.Б.* Мотив «помощника героя» в версиях эпоса «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. Исследования по эпосу. Элиста, 1982. С. 53.
- 47 См.: *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 163; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 74; *Juwaini.* Tarikh-i jahangusha. Leiden; L., 1912. Vol. 1. P. 225, 226.
- 48 См.: *Носарт А.М.* Op. cit. P. 177, 179, 180.
- 49 *Корсункиев Ц.К.* Джангаровы богатыри и их войска // Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Элиста, 1969. С. 41.

- 50 *Кичиков А.Ш.* Богатыри «Джангара» (основные образы) // История калмыцкой литературы. Элиста, 1981. Т. I. С. 157.
- 51 Джангар (М.). С. 201.
- 52 Там же. С. 200.
- 53 Там же. С. 270.
- 54 *Карагодин А.И.* Дуальная организация у приволжских калмыков // Советская этнография. 1984. № 6. С. 26, 27; *Успенский В.М.* Страна Кукэ-нор, или Цинхай. СПб., 1880. С. 75.
- 55 Держава хунну: слева (на востоке) хунну и дунху, справа (на западе) юэчжи и усуни; Тюркский каганат: слева тюрки-туцзюэ и теле (Восточный каганат), справа тюрки-теле, тюрешши, хазары, болгары и др. (Западный каганат); Монгольская империя: слева монголы, кидани, чжурчжэни, енисейские кыргызы, справа тюрки Дешт-и Кипчака и Средней Азии. Впрочем, такая разверстка народов по крыльям находит и историко-географическое объяснение: завоевания, начатые из Монголии, велись в основном в западном направлении – в соответствии с протяженностью Великого степного пояса.
- 56 О нем см.: *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 77–84.
- 57 Джангар (М.). С. 321.
- 58 *Корсункиев Ц.К.* Указ. соч. С. 41.
- 59 *Кичиков А.Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар» ... С. 17.
- 60 *Его же.* Богатыри «Джангара» ... С. 152.
- 61 Там же.
- 62 Джангар (М.). С. 349, 350; Джангар (Эл.). С. 36, 210, 219, 228.
- 63 *Кичиков А.Ш.* Богатыри «Джангара» ... С. 152.
- 64 Джангар (М.). С. 270.
- 65 Там же. С. 275.
- 66 Там же. С. 212–213.
- 67 Там же. С. 356; Джангар (Эл.). С. 228.
- 68 Джангар (Эл.). С. 262.
- 69 Джангар (М.). С. 354.
- 70 Там же. С. 349, 350.
- 71 Там же. С. 329, 330.
- 72 Джангар (Эл.). С. 53.
- 73 См.: *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 16; *Абулгази.* Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Казань, 1906. С. 163; *Кононов А.Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник, 1974. М., 1978. С. 78, 79.
- 74 Джангар (М.). С. 253.

- 75 Джангар (М.). С. 247, 253. Белый цвет – традиционное обозначение кочевниками запада вообще и западной части государства (правого крыла) в частности. См.: Жуковская Н.Л. Указ. соч. С. 154; Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник, 1975. М., 1978. С. 160; Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik // Saeculum. München, 1954. Bd. 5. S. 382, 383.
- 76 Джангар (М.). С. 247, 253.
- 77 Там же. С. 290.
- 78 Там же.
- 79 Об этом см., например: *Трепавлов В.В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 128–132; Н.Ц. Биткеев и Э.Б. Овалов утверждают, будто Белый Старец «в “Джангаре” обычно почитается богатырем как хранитель мира. В данной поэме (“Пленение прекраснейшим в мире Мингьяном могучего хана Кюрмена”. – *В.Т.*) имеется единственный случай, когда Белый Старец выступает в роли покровителя вражеского хана (Кюрмена)» (Джангар (М.). С. 457). Но Кюрмен – вовсе не «вражеский хан», не противник, а высший по отношению к Джангару сюзерен. Так что божественное покровительство и помощь Кюрмену вполне резонны и логичны.
- 80 Там же. С. 302.
- 81 Там же. С. 302–303.
- 82 Аналогичная ситуация сложилась при посещении Джангара богатырем Бадмин Уланом, который тоже отказался сидеть на серебряном троне, занял золотой и после пира «разрешил» Джангару ханствовать. Но Бадмин Улана встречали простые сайды, а его самоуверенность объяснялась давнишней победой над Джангаром в поединке (см.: Там же. С. 326, 327, 338, 339). Отношения «сеньор – вассал» (= «старший хан – младший хан») здесь отсутствуют.
- 83 *Козин С.А.* Джангариада. Героическая поэма калмыков: введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.; Л., 1940. С. 81.

Д.Н.Маслюженко, Е.А.Рябинина
(Курган)

**ПРИБЫТИЕ КУЧУМОВИЧЕЙ В РОССИЮ
ОСЕНЬЮ 1598 – ЗИМОЙ 1599 г.
(особенности статуса и повседневной жизни
пленных Чингизидов)**

Проблема определения характера русско-сибирских отношений как до похода Ермака, так и по его окончанию, наверное, никогда не перестанет быть актуальной, поскольку напрямую связана с вопросом о мирном или насильственном присоединении Сибири. Одновременно с этим обострившийся в последнее время интерес к чингизидскому наследию в истории самого Русского государства заставляет по-иному взглянуть на многие аспекты этой темы. Очевидно, что Чингизиды и их политический статус активно использовали русской идеологией для легитимизации собственных царей, особенно на восточном направлении внешней политики, еще со времен правления Ивана IV и особенно правителей Смутного времени.

В то же время, хотя с 1582 г. не приходится говорить о каких-либо целенаправленных и стабильных мирных переговорах Кучума с Москвой в связи с борьбой за территорию Сибирского ханства, поскольку нельзя принимать за таковые отдельные попытки Москвы привести сибирского хана к шерти. Однако само отношение московских дипломатов к фигуре этого царя, как и его наследников, не было столь однозначным. В связи с этим значительный интерес представляют документы, свидетельствующие о пребывании Кучумовичей в московском плену в 1598–1599 гг.

Соответствующие акты и грамоты были изданы Археологической комиссией еще в 1841 г., но до сих пор подробно не анализировались исследователями. В соответ-

вующих летописях того времени информация, как правило, ограничивается незначительными фразами типа: «С царицами же и с царевичами [воеводы] прислали [посланцев] к Москве... цариц и царевичей повелел беречь и давал им корм великий, чтобы им никакой скудости не было»¹. Опубликованные документы интересны для нас не только с точки зрения отношения к пленным Чингизидам со стороны московской бюрократии, но и в связи с описанием ряда специфических моментов повседневной жизни Русского государства в этот период. Следует отметить, что для более позднего времени подобная работа проводилась А.В.Беляковым относительно пребывания в России ургенчского царевича Авган-Мухаммеда в первой половине XVII века².

Прежде всего, необходимо остановиться на вопросе о том, как именно и кто из Кучумовичей оказался в Москве в указанное время. Особенно важен для нас второй вопрос, поскольку в исследовательской литературе можно встретить различное количество и имена плененных родственников хана Кучума, что приводит к значительным разночтениям, в том числе в вопросе о наследниках этого сибирского правителя. Еще основатель сибирской истории Г.Ф.Миллер писал, что очное число взятых в плен неизвестно, в разных источниках говорится о шести женах Кучума с тремя сыновьями и двумя дочерьми, восьми женах и трех сыновьях или двух женах и одним сыне³. В последнее время А.Г.Нестеров в работе, посвященной реконструкции генеалогии Сибирских Шибанидов, упоминает 8 сыновей хана Кучума и двух сыновей царевича Алея, которые, по его мнению, были взяты в плен 20 августа 1598 г. в битве у озера Зайсан⁴.

Из отписки царю тарского воеводы Андрея Воейкова от 4 сентября 1598 г. известно, что в ходе битвы с ханом Кучумом на берегах реки Оби 20 августа того же года были взяты в плен пять сыновей хана (царевичи Асманак, Шаим, Бибадша, Молла, Кумыш), восемь цариц «Кучумовых жен» и аналогичное количество дочерей, а также жена Осмей царе-

вича с сыном и дочерью и жена Чюрай царевича, дочь ногайского князя Уруса, с двумя дочерьми. Кроме того, говорится о пленении пяти князей и мурз из окружения сибирского царя во главе с Байтеряком⁵, которые в дальнейшем часто называются просто «языки»⁶. Однако этот список не окончателен, поскольку в поименной росписи взятых в плен от 4 сентября 1598 г. он корректируется. В частности, уточняется возраст царевичей (Асманак тридцати лет, Шаим двадцати лет, Бибадша двенадцати лет, Молла пяти лет и Кумыш шести лет). Кроме того, вместо неизвестного нам Осмея указывается Алей, а имя Чюрая заменяется на Каная, хотя при этом перечисление их родственников сохраняется из предыдущего списка⁷.

При этом следует учитывать, что Алей был женат на дочери ногайского бия Дин-Ахмеда⁸, однако этот факт на тот момент, в отличие от родства с ногайским же бием Урусом, не нашел своего отражения. К тому же складывается впечатление, что возраст царевичей определялся «на глазок», ведь в большинстве своем как русские, так и татары достаточно индифферентно относились к этому вопросу и чаще всего не знали года своего рождения. В подтверждение этого следует указать тот факт, что в дальнейших росписях от 16 января 1599 г. уточнялось, что Бибадше было 8 лет, Молле 4 года и Кумышу 1 год, Асману было 23 и Шаиму 16 лет⁹. По всей видимости, первое письмо, в котором было совершено ряд фактических ошибок, было отправлено второпях и частично приукрашивало победу, в честь которой вскоре в Москве отслужили праздничный молебен¹⁰. Иначе сложно объяснить тот факт, что упомянутый в письме в качестве убитого царевич Канай несколько лет спустя кочевал вместе с братьями по Тоболу¹¹.

В отписке Тарских воевод от 20 сентября 1598 г. к перечисленным выше пленным добавляется сын и дочь зятя Кучума ногайского мурзы Бегия, а также «царицыных служащих одиннадцать жонок»¹². Однако этот список не удовле-

творил Посольский приказ, поскольку 25 декабря 1598 г. на встречу Кучумовичам был отправлен татарский переводчик Вельямин Степанов, который вновь должен был переписать всех поименно. Видимо были уточнены, в частности, имена и возраст всех пленных женщин и их родство по отношению к Кучуму, а также мурз и татар¹³. В дальнейших отписках жены и дочери Кучума уже упоминаются не вместе, а по отдельности и старшинству. Также стало известно имя сына Алея — Янсуер¹⁴. По уже указанной росписи подворий определялось, что сыну Алея и Ханзаде, дочери ногайского бия Дин-Ахмета, Янсуеру было 4 года¹⁵.

Очевидно, что даже при уточнении подсчетов они оставались весьма неточными, так, только из росписи выданной одежды от 16 января 1599 г. выясняется, что сыновей царевича Алея было взято два, то есть Янсуер и некий неизвестный, поскольку его имя не сохранилось в документе. Казалось бы, из дальнейшего контекста документа можно сделать вывод о том, что вторым был Алп-Арслан, поскольку упоминаются его дядька и «люди»¹⁶. В то же время, не ясно, почему при росписи подворий и во многих других случаях он не указан. А.В.Беляков в этом отношении указывает, что Алп-Арслан (или Араслан) попал в Москву именно в ходе рассматриваемых нами событий¹⁷. Однако возможен иной подход к решению этой исторической загадки. Дело в том, что Г.Ф.Миллер упоминает о том, что этот царевич был отправлен отцом в Москву в 1604 или 1605 г. в Москву, о чем в частности сообщается в мае 1606 г. в отписке тюменского воеводы Матвея Годунова Туринскому воеводе Ивану Годунову¹⁸.

Таким образом, для удобства исследования становится видно, что в реальности было захвачено пять сыновей самого Кучума и два сына Алея (хотя имя последнего и реальный статус так и остается непонятным из документов), то есть всего 7 царевичей. Однако наибольшее число пленных составляли 32 женщины из числа родственниц Кучума, а также

«мамок». Можно предположить, что в число «языков» также входило определенное количество пленных рядовых татар (так, например, в дальнейшем упоминается 7 людей царевича Алп-Арслана). Большинство татар было, скорее всего, распределено между казаками, так, известно, что татарин Еснигелдей, ставший поваром при Кучумовичах, был закреплен за конным казаком Пятуней Петровым¹⁹. В большинстве случаев ни об их количестве, ни об именах ничего неизвестно, к тому же сам Андрей Воейков еще в поименной росписи пленных от 4 сентября 1598 г. уверял, что всех (так ли это?) пойманных служилых людей (более 50 человек) побили или перевешали²⁰. По всей видимости, воевода и его подчиненные боялись возможного побега, иначе сложно объяснить тот факт, что даже в январе недалеко от Москвы в селе Братошино мурзы жили отдельно от царевичей, причем без особого указа допускать их к Кучумовичам вообще не хотели²¹.

Если остановиться на причине, почему никто из Кучумовичей не попытался сбежать и вернуться в Сибирь, то можно предположить следующее. В первую очередь достаточно сильную охрану из казаков и русских служилых людей, которая предохраняла от возможности побега, но, как будет показано ниже, не защищала Кучумовичей от произвола со стороны этой охраны. Кроме того, по нашему мнению, немаловажную роль играли и родственные связи среди пленных, особенно учитывая, что это были, в том числе родные братья, а также их матери и малолетние племянники. Конечно, подтверждение этому практически невозможно найти в русских отписках, касающихся в основном финансово-хозяйственных вопросов, связанных с переездом Кучумовичей из Сибири в Москву. В то же время, судя по документам, в кочевых обществах большое значение придавалось кровнородственным связям, в том числе это было характерно и для Шибанидов. Так, в качестве примера можно привести переживания сына Кучум-хана Алея по поводу судьбы

его детей²². Кроме того, можно упомянуть случаи взятия в заложники — аманаты, в том числе родственников, что активно использовало русское правительство в отношениях с кочевниками.

Обратим внимание на то, что 17 октября 1598 г. Тарские воеводы отписали в Москву, что сибирский царь из всех пленных просит отпустить к нему только Асманака, которого называет своим «промышленником». Хотя незадолго до этого воеводы через сеита предлагали Кучуму вернуть всех жен и детей, если тот станет служить царю и получит от него жалование. Однако Кучум отказался, мотивируя это следующим образом: «не поехал деи я к Государю, по Государеве грамоте, своею волею, в кою деи пору был совсем цел, а за саблю деи мне к Государю ехать не по что, а нынеча деи я стал глух, и слеп, и безо всего живота»²³. На наш взгляд, эта фраза чрезвычайно эмоциональна и отражает даже не столько реальный характер болезней сибирского царя, сколько его скорбь по потерянным родственникам и особенно по сыну Асманaku.

20 сентября все семейство Кучума было отправлено с Тары в Москву. Для их сопровождения был выделен отряд, в обязанности членов которого входило также обеспечение пленными продуктами питания. Последнему вопросу вообще было уделено особое внимание. Детям боярским и атаманам, стоявшим во главе отряда, было велено собирать по ямам деньги для того, чтобы каждый из пленных имел для прокорма по одному рублю, четыре алтына и две деньги на день. Кроме того, была выдана «кормовая память» для записи поименных выдач отдельным лицам. Обращает на себя внимание, что тем самым царевичи царицы были уравнены с их служащими и языками, что не могло не вызвать определенных трений.

Во главе этого отряда были назначены дети боярские Илья Беклемишев (скорее всего, играл ведущую роль) и Федор Лопухин, оба они ранее прославились в ходе походов

1598 г. против Кучума²⁴. Под их руководством находились атаманы Казарин Волнин и Третьяк Жарянов, а также «литвины и немцы» (10 чел.), конные и пешие казаки (17 чел.), а также юртовские служилые татары (5 чел.) из Тары (20 чел.), Тобольска (10 чел.) и Тюмени (2 чел.). Всего их было 32 человека. Из числа тобольских казаков были назначены толмачи, а тарских татар — кашевар. Особенное внимание уделялось тому, что в отряде находился литвин Якуб Григорьев, который был «государевым изменником». За десять лет до этого, при Тобольском воеводе князе Владимире Мосальском, он сбегал к Кучуму, но через три дня после упомянутого выше разгрома сдался Андрею Воейкову. Как следует из дальнейших отписок, для облегчения охраны все пленные были распределены между членами отряда, так, в частности, умершего 12 января 1599 г. мурзу Кориляду вез конный казак Проня Мосеев²⁵.

Следующая грамота относительно Кучумовичей датируется только 25 декабря 1598 г. В этой грамоте от имени царя Бориса Годунова приказывается Савину Воейкову (до этого в грамотах не упоминается, хотя в дальнейшем постепенно выходит на первое место в руководстве), Федору Лопухину и Илье Беклемишеву допустить упомянутого выше переводчика к Кучумову семейству. Причем, исходя из памяти переводчику, становится понятно, что к этому времени отряд еще не дошел до Ярославля, поскольку в памяти говорится, что Вельямин Степанов должен ехать за Ярославль²⁶. Хотя к этому времени в пути они находились уже более трех месяцев.

В грамоте более подробно освещается вопрос питания семьи Кучума, а также дальнейший путь продвижения. Относительно первого вопроса было указано: «и корму им давали, чтобы было без нужи». С этой целью дети боярские и атаманы должны были в городах Вологда, Ярославль, Ростов и Переяславль «имать» с кабаков по семь или десять ведер меду, а в тех городах, где кабаков нет, брать его с монасты-

рей. Кстати, и в дальнейшем именно поставки алкогольных напитков занимали первое место среди всех продуктов к столу семьи Кучума. По приезду в Ярославль необходимо было сообщить в Посольский Приказ печатнику и посольскому дьяку Василию Яковлевичу Щелкалову, а затем дальнейшего указа ждать в городе Радонеж²⁷.

Интерес представляет цель поездки самого Вельямина Степанова. Он должен был, помимо переписи, расспросить всех Кучумовичей по отдельности. Из памяти ему следует, что при этом переводчик должен был указывать, что «царева Кучюмова перед Государем многая неправда, и над ним за его неправду так Бог и учинил». При этом далее он должен был постоянно говорить, что царь справедлив и не велит всех их казнить, а напротив устроит их так, чтобы они не знали ни в чем нужды. Сам Степанов должен был, не мешкая, ехать днем и ночью, чтобы привезти расспросную и переписную роспись к Щелкалову.

По приезду в Радонеж в последних числах декабря 1598 г. Савин Воейков столкнулся с проблемой нехватки денег на питание, по этой причине 1 января 1599 г. ему была отправлена грамота о прибавочных деньгах на корм сибирским пленным. В частности, «...на корм, десять рублей денег, в прибавку к тем деньгам, которые у вас...». Даже мурзам в день необходимо было выдавать не менее одного рубля, а царевичам и царевнам по четыре и пять рублей. Все деньги должны были выдаваться под роспись²⁸. Исходя из этого, можно предположить, что Савин Воейков должен был вести с собой весьма солидную сумму либо же получать ее раз в несколько дней из Москвы.

Несмотря на это, спустя восемь дней 9 января 1599 г. Савин Воейков и Федор Лопухин вновь вынуждены обратиться с отпиской царю «о недостатке в припасах для Кучюмова семейства». В отписке авторы указывают, что они получили четкое указание о том, где ждать государева указа, но при этом не было разъяснено, как получать корм для цариц

и царевичей. Оказалось, что ямские охотники в Радонеже отказываются давать продукты Кучумовичам без особого указа Государя. Хотя ранее именно на ямы возлагалась обязанность по обеспечению отряда продуктами. К тому же поблизости не оказалось торга, и продукты было невозможно купить, даже имея деньги. Мед же, посланный из Москвы с атаманом Казариным Волниным в количестве 15 ведер, к 9 января полностью закончился. При этом царицы и царевичи постоянно просят вина, меда и пива, которые также негде купить в связи с отсутствием кабака. Также дети боярские и атаманы жаловались на то, что местные охотники отказываются охранять цариц и царевичей²⁹.

Последовавшая спустя три дня, то есть 12 января 1599 г., новая отписка Савина Воейкова является уже даже не докладом, а скорее своеобразным «криком души». С одной стороны, первые фразы данного документа внушают надежду на то, что большинство проблем было разрешено. В этот день в Радонеж прибыл толмач Микита Тютчев, который привез на прибавку на корм пять рублей, а также десять ведер меду, столько же пива и три ведра вина. Любопытно, что Воейков сразу же подтверждает, что все это было действительно передано ему. Подобные подтверждения вообще характерны для всех отписок (например, 14 января подтверждали факт передачи меда Семеном Судаковым³⁰), что наводит на мысль о возможности казнокрадства как повседневного явления.

Если допустить, что суммы выдачи денег, указанные в этих документах, соответствуют действительности, то в таком случае за время своего четырех месячного пути Кучумовичи и их свита должны были получить порядка 30 тысяч рублей серебром. В таком случае выдавались ли эти деньги в действительности, или указанные в документах цифры являются лишь пожеланием, далеким от российской действительности конца XVI века. Хотя в целом объем денежных средств, который расходовался на подобные нужды в Рос-

сийском государстве, был очень велик. Например, содержание ногайских аманатов в г. Астрахань только в течение 1644–1645 гг. обошлось в «402 рубля 30 алтын с деньгой»³¹.

Однако, помимо этой хорошей новости, письмо пронизано невозможностью решить все остальные проблемы. В частности, еще раз напоминает, что местные охотники отказываются продавать продукты и давать сторожей для охраны. Причем оказывается, что, согласно государеву наказу, были установлены жесткие цены покупки: за корову (яловицу) — пятьдесят денег, за барана — десять денег, а за курицу — две деньги. Однако охотники бранятся и ничего не хотят продавать за эти деньги, поднимая цену за корову до двух рублей, а за барана — по пять алтын и больше. Без нового царского указа Воейков не мог самовольно платить такие деньги.

К этой проблеме добавилось то, что 9 января в Москву был отправлен уже знакомый нам литвин Якуб, при этом до отъезда именно он резал и варил всех животных для цариц и царевичей, который отказывались «нашего резу есть». Скорее всего, здесь отказ был связан с мусульманской традицией резать скот без пролития крови, с которыми, видимо, был знаком Якуб, как проживший у Кучума 10 лет. В результате, посоветовавшись с атаманами и «товарищами», новым поваром был назначен пленный татарин Еснигельдей. В связи с этим в отряде возник конфликт, связанный с нежеланием ответственного за него Пятуни Петрова подчиниться этому решению. Ночью пьяный казак пришел к царевичам, «бранил и лалял царевичей матерны» и в результате татарина увел. Сразу после этого он пришел со своим другом казаком Обросимом Евтихеевым и «нас холопей твоих лалял». Причем оказалось, что и до этого уже мурзам были постоянные притеснения от казаков, которые не подчинялись ни атаманам, ни детям боярским, говоря «таковы ж де мы что и вы». Сами казаки постоянно ходят пьяными, воруют, не соблюдая «чинов» ходя к царевичам и царевнам. Причем те же охотники,

которые отказывались продавать мясо для семьи Кучума, беспрепятственно возят мед и вино для казаков. Ко всему к этому 12 января умер мурза Кореледы, который был схоронен вместе с платьем за казенный счет в саване за пять алтын.

По всей видимости, жалование казаки получали крайне нестабильно. Так, Микита Тютчев привез два рубля, которые необходимо было раздать по «гривне» на человека. Однако, в связи с тем, что людей оказалось больше, «государева жалования» не хватило для двух атаманов, Казарина Волнина и Третьяка Жареного, а также литвину Карпу, выполнявшему функции толмача. Один из тобольских татар, Кизылбай Купландыев, вообще был отпущен в Москву бить челом государю о своей нужде и корму³².

На эту отписку ответ в виде царской грамоты последовал почти моментально уже 13 января. В письме разрешалось покупать продукты питания по местным ценам, а также вменялась детям боярским и казакам довести до сведения ямских охотников и казаков, что если они не будут выполнять свои обязанности и «безчестить» царевичей, то будут они за это казнены. Помимо того, с еще одним толмачем Семеном Судоковым были отправлены для царевичей две кружки меда старого, две кружки меда черемухового, четверть ведра вина доброго. Особое внимание необходимо было обратить на болезни кого-либо из семьи Кучума, а также на достаточность питания, в состав которого необходимо было включить и гусей³³.

К грамоте также прилагалась память Савину Воейкову, в которой указывалось, что все Кучумовичи должны быть срочно перевезены в село Братошино. Необходимость этого была связана со страхом перед тем, что все они могут заболеть. Недаром само письмо начинается с расспросом о том, сколько и какой болезнью болел умерший мурза (кстати, далее жестко указывалось, чтобы ни в коем случае не брали с собой его платья). К тому же тобольский татарин, при-

бывший в Москву, рассказал, что большой царевич (скорее всего, Асманак) и царевны «мало могут, голова побаливает». К тому же в самом Радонеже в русских домах есть больные, про которых ничего не писал Воейков. В Братошино должны были быть наняты добрые дома, где необходимо было ждать нового указа. Все больные должны были быть оставлены на старом месте в сопровождении сына боярского или казаков, которые бы имели денег на прокорм³⁴. Очевидно, что представители Посольского приказа боялись возможности возникновения болезни или даже эпидемии.

В очередной отписке от 14 января Савин Воейков вместе с Ильей Беклемишевым пишут, что все десять ведер меда (то есть около 120 литров), которые привез 12 января Микита Тютчев, уже 13 января полностью закончились, поскольку «у цариц была молба». Ощущались и последствия конфликта с Пятуней Петровым, от которого Асманак «позанемог с кручины». Царевичи и царевны вследствие отсутствия повара просили, чтобы мурзы были день и ночь у них на дворе для готовки пищи. Как уже отмечалось, дети боярские не могли этого разрешить самостоятельно. Кроме того, выяснились некоторые повседневные предпочтения Кучумовичей. Так, они просили яблок, перец, шафран, свечей сальных и восковых, так как на месте этого не могли купить. В результате в тот же день царь Борис Федорович отдает указ боярину и дворецкому Степану Васильевичу Годунову послать фунт перца толченого, четверть фунта шафрана, два гривенника ягод винных, столько же изюма, 50 яблок и полведра вина в готовом судне. В реальности в этот день с Семеном Судокowym было отправлено продуктов даже больше: пять ведер меда паточного, десять ведер меда княжего, пятнадцать ведер пива, три фунта перца, двадцать золотников шафрана, сто яблок³⁵. Кстати, существует версия, согласно которой выдача пряностей, как очень ценного продукта, в целом могла рассматриваться как знак особого расположения³⁶.

14 января весь отряд прибыл в «государево село» Братошино, о чем было сообщено в очередной отписке от 15 января. Сразу же указывалось, что все Кучумовичи были расселены в лучших домах и больных среди них нет. К тому же выяснилось, что умерший мурза Кореляда был болен сердцем почти две недели, уже с 6 января лежал, и никаких признаков других болезней на нем дети боярские не выявили, что говорит об определенных знаниях ими внешних симптомов болезней. Хотя один из литвинов Яска Мартенов действительно был болен лихорадкой, а татарский кашевар Босторгай вообще «черным недугом» (точнее определить, что это за болезнь, не представляется возможным). Оба они были оставлены на попечении старост и ямских охотников в Радонеже. Далее Воейков пытается развеять явно вредный для него миф о большом количестве больных русских в этом городе: «больных не один человек не бывал и не умирал никто». К тому же он вновь жалуется на земского старосту, но теперь уже на братошинского, который сторожей дал, а в продуктах отказал, так как не было на то государевой грамоты. Причем все присланные 14 января напитки вновь закончились, купить же новые не представлялось возможным в связи с отсутствием торгового дела. Царица и царевичи постоянно просили гусей и уток живых, а также патоку. Выяснилось, что проблемы были и с толмачем, который не мог ничего объяснить Кучумовичам про «государево жалование» и «корм»³⁷.

15 января 1599 г. началась подготовка к въезду семейства Кучумовичей в Москву. Андреяну Ярцову и переводчику Степану Полуханову была вручена память о раздаче пожалованного царицам и царевичам платья. Сама раздача была осуществлена на следующий день. Как видно из дальнейшего перечисления, вся одежда, как по видам, так и по цветовой гамме, подбиралась с учетом вкусов московской знати. Поскольку одежда выступала своеобразным социальным и этническим символом, то обращает на себя, что в дальней-

шем Кучумовичи просили им дать одежду в соответствии со вкусом московской знати, что позволяло им лучше приспособиться к особенностям московской жизни в качестве своеобразной мимикрии. Если не учесть этот фактор, то остается предположить, что московские и сибирские вкусы в одежде просто не отличались, хотя, на наш взгляд, это маловероятно. Обратим внимание, что в целом одежда чрезвычайно схожа с описаниями русских традиций в известном сочинении Джильса Флетчера «О государстве Российском». Автор в качестве английского посла побывал в Москве в 1588–1589 гг., а трактат был опубликован всего два года спустя³⁸.

Перед первой раздачей ответственные за нее лица должны были еще раз напомнить о том, что у Кучума перед царем Федором Ивановичем «многое неисправление, и над Кучумом так Бог и сделал»³⁹. Согласно русским традициям, одежду мог дарить только старший младшему, тем самым эта раздача подчеркивала статус царя⁴⁰.

Из сохранившейся росписи видно, что выданная одежда четко отличалась в зависимости от старшинства родственников Кучума. Наиболее разнообразное и богатое платье получил старший из плененных сыновей Кучума Асманак, а также малолетний сын Алея Янсуер. В первом случае этим подчеркивался статус любимого сына Кучума, однако второй случай объяснить сложнее. Можно предположить, что либо тем самым старались привлечь оставшегося при отце наследника Кучума Алея, либо Янсуер здесь выступает также старшим, но по линии уже своего отца. Очевидно, что в Москве к этому времени должны были знать о плохом положении самого Кучума. Алей был старшим из сыновей, которые остались в Сибири, и соответственно мог выступать в качестве наследника, и, кроме того, как показывают последующие события, представлял опасность для русского освоения. Среди женщин также особо были отмечены именно три первых жены Кучума, а также жены Алея и Каная. Хотя в целом без подарков не остался никто⁴¹.

Асманак и Янсуер получили ферязи, то есть особый вид кафтана со свисающими до земли рукавами, характерный исключительно для русской знати в качестве верхней одежды. Этот кафтан был сшит из багрового сукна, на подкладке из меха корсаков, с зелеными с золотом шелковыми завязками. Также они получил два простых кафтана, сшитых из «кызылбашской», то есть персидской, камки (узорчатого шелка) алого и зеленого цвета, и черную лисью шапку (скорее всего, типа горлатной, характерной для бояр, которую носили на сгибе руки, не надевая на голову), желтые сафьяновые сапоги и рубашку. Младшим братьям выдали подобную одежду, но подбитую беличьим мехом и бархатные шапки, скорее всего, типа мурмолки.

Среди женщин «Кучумова большая царица Салтаньш» получила шубу из меха куницы, покрытую «рудожелтой» камкой адамашкой (вид низкосортной одноцветной камки из Дамаска) и опушенную атласом с золотом, украшенную по швам кружевами из черного с серебром шелка, с «королковыми» пуговицами. Вторая царица Суйдеджан была одета в подобную шубу, но из соболя и покрытую белой камкой адамашкой, с серебряными пуговицами. Подобным же образом были наряжены жены Алея и Каная. Начиная с четвертой по старшинству жены Кучума, а также дочерям, шубы были из белки и покрыты желтой персидской камкой. Наконец, восьмая жена и дочери были одеты в беличьи шубы, крытые полосатым атласом и опушенные зеленым и красным шелком. Любопытно, что для дочери мурзы Бегия была выбрана шуба, крытая венецианской тафтой с зеленым шелком. В данном случае восточная ткань ценилась явно выше европейской.

Определенная стратификация в одежде видна и среди мурз. Все они получили беличьи ферязи, покрытые сукном, а также по «багрецовой» шапке. Однако лучшие сафьяновые сапоги, схожие с теми, которые получил Асманак, выдали только Байтереку, в то время как остальным — «барановые» или зеленые «телятинные».

Впрочем, эта щедрая раздача не помешала Кучумовичам уже 16 января написать челобитную царю о пожаловании сибирским царицам, царевичам и «служебным при них лицах» платья, обуви и денег. Из сравнения списков тех, кто получил подарки, и тех, кто остался без них, складывается впечатление, что в большинстве своем родственники Алея и Каная оказались явно обездоленными при первом разделе, при этом напомним, что само наличие людей Алп-Арслана вообще впервые фиксируется именно в этом документе⁴². На основании прошения было выделено более 50 рублей на различные нужды, в том числе взамен какого-либо элемента одежды, а также значительное количество платья и иных вещей. Складывается впечатление, что к этому времени все царевичи, как и мурзы и служилые люди, уже ходили в изношенной одежде, поскольку наиболее часто повторяется просьба выдать рубаху (скорее всего, речь идет о верхней рубашке как принадлежности костюма знати) и порты (штаны до колена). В принципе это вполне логично после почти четырехмесячного перехода из Сибири с Оби в Москву, учитывая, что все они были пленными и, следовательно, не могли подготовиться к поездке заранее.

Были удовлетворены и более редкие просьбы, в частности всем служилым людям Алп-Арслана по распоряжению дьяка В.Я.Щелкалова было разрешено выдать «по саадаку да по сабле, по седлу с уздами». Очевидно, что к этому времени русские чиновники уже не боялись возможности организации побега. Сама подобная выдача, на наш взгляд, переводила семью Кучума из категории пленных в посольство или гостей. За этим скрывалось стремление в целом подчеркнуть их статус как родственников царя. Подобная просьба была удовлетворена и лично для малолетнего Янсуера, которому выдали тафью (ермолка или тюбетейка, прикрывающая макушку), кушак, саадак, саблю и седло с уздой⁴³. Отдельные представители цариц и царевичей также просили выдать им шубу, однорядку (долгополый мужской кафтан), чедыги

(сафьянные чулки, которые носились при башмаках – ичетыги, или женские чеботы, то есть полусапожки с остроконечными загнутыми вверх носками, принадлежность гардероба знати) и башмаки сафьянные, шапку лисью, полотно, амагиль серебряный (фляжку), охабень (летний кафтан или плащ с капюшоном), ожерелье жемчужное, простой кафтан. Любопытно, что вся просьба в целом завершалась фразой: «Да бьют челом, чтоб их Государь пожаловал велел дать муки пшеничные», то есть они хотели сами печь хлеб.

17 января семья Кучума должна была въехать в Москву, причем оговаривалось, «чтобы быть там в четвертом или в пятом» часу. Скорее всего, речь шла об утренних часах, что соответствовало сценарным традициям торжественных въездов послов⁴⁴. Подготовка к этому въезду была начата еще 15 января, когда Григорий Чернышев должен был встретить на Переяславской дороге у с. Тонинского Кучумово семейство и сопроводить их «в Троецкое село в Ростокино», где они должны были переночевать и быть готовы к въезду в город⁴⁵.

В дальнейших документах порядок въезда был строго прописан. Отметим, что до въезда в город этот порядок был один, в частности среди сопровождающих были только те, кто ехали с пленными из Сибири. Перед въездом в Москву в строй вписывались Андреян Ярцов, Степан Полуханов и Савин Воейков, который временно отъезжал в Москву. Указывается, что на въезде в город также ждали 38 человек в собольих шубах. В результате впереди должны были ехать Илья Беклемишев, Казарин Волнин, все литвины, а также атаманы и казаки. Вслед за ними были Андреян Ярцев и Степан Полуханов, которые непосредственно предворяли въезд царевичей. Трое старших царевичей ехали в санях порознь, а с двумя меньшими, в том числе с Янсуером, и с князьком в санях должны были находиться по татарину. Из контекста следующих росписей ясно, что малолетний царевич Кумыш, которому было около 1 года, должен был ехать

с матерью⁴⁶. В этом списке Алп-Арслан вновь пропущен, что с учетом упоминания князька еще раз поднимает вопрос о том, что в реальности он не попал в плен. В то же время, обратим внимание, что с точки зрения посольского этикета сани предоставлялись только в качестве особой милости государя, поскольку во всех обычных случаях использовали для этого специально наряженных лошадей⁴⁷.

После царевичей находились Савин Воейков и Федор Лопухин, за которыми следовали царевны, одетые в кафтаны, на подводах. Все сопровождающие ехали в ряд по два человека, были одеты в собольи шубы и вооружены пищальями. Однако те, которые сопровождали цариц, должны были шубы вывернуть и подпоясать⁴⁸. По мнению Н.Н.Миненко, впереди ехали те, кто непосредственно отличился во взятии семьи Кучума или, скорее всего, как мы предполагаем, те, кто изначально сопровождал Кучумовичей в Москву⁴⁹. По документам «всего будет их [сопровождающих] в шубах 50 человек, а с детьми боярскими 60 человек, а им 60 подвод». В целом весь въезд разыгрывался как театрализованное действие. Сам маршрут движения по городу несколько раз уточнялся. В город необходимо было въехать через Деревянный город в Каменный в Сретенские ворота, по Сретенской улице, затем мимо Пречистой Гребенской и Литовского двора через Ильинские ворота во Фроловские к Посольской палате. При этом специально указывалось, что ворота Литовского и Армянского двора должны быть открыты⁵⁰.

По прибытию в Москву царевичи с Воейковым, Ярцевым и Лопухиным шли в Посольскую палату, в то время как царицы в кафтанах вместе с казаками стояли у входа в нее некоторое время. Затем пристав Кузьма Олоимов вместе с казаками и Литвой должен был их доставить их через Ильинские и Фроловские ворота в Посольский двор у Печатного двора, после чего проводить по подворьям, роспись которых была подготовлена еще 16 января. Кстати, за царевичами также закреплялись приставы в лице тех детей боярских

старых, которые с ними ехали⁵¹. Казаки и Литва затем должны были явиться к дьяку Афанасию Власьеву в Казанский дворец, где их ждал государев указ. По всей видимости, все, кто сопровождал семью царя в Москву, получали денежное вознаграждение: «царь же Борис тех посланников пожаловал великим жалованием, а к воеводам послал с золотыми»⁵². Возможно, с этим связан уже упомянутый конфликт из-за татарина Еснигельдея с казаком Пятуней Петровым. Можно предположить, что каждый казак, отвечая за определенное количество «языков» и их прокорм, получал затем в Москве соответствующую сумму денег. Г.Ф.Миллер указывал, что все казаки были отправлены обратно в Сибирь⁵³. Хотя Федор Лопухин и Савин Воейков оставались в Москве в качестве приставов при царевичах Асманаке и Шаиме⁵⁴.

После расселения подворий были вновь выделены продукты питания и денежные средства, причем теперь уже речь шла о том, что оговоренное количество должно поставляться в четкие сроки. Для примера приведем тот перечень, который выделялся для Асманака. На один день шло два калача денежных, утка, кура, на различные траты и свечи 6 денег, а также на неделю баран. С Дворца особо поставляли 4 чарки вина доброго, а с ямы четверть ведра меда паточного, ведро меда княжьего. Кроме того, на три дня выделялся воз дров. Мед выделялся и остальным царицам и царевичам, только для мурз он заменялся на аналогичное количество пива. Любопытно, что, по мнению Н.И.Костомарова, в этом случае под вином следует понимать водку, а «вино доброе» являлось водкой хорошего качества⁵⁵.

В целом пребывание семьи Кучума в Москве обходилось казне достаточно дорого. Можно посчитать, что в среднем все они получали на 42 человека: 38 калачей, 15 хлебов, 21 утку и 14 кур на два-три дня, 14 баранов в неделю, 8 чарок вина в день, 1 ведро меда паточного (только для старших царевичей) и 7,5 ведер меда княжьего в день. Таким

образом, только объем алкогольных напитков почти достигал 100 литров в день. Не могут ли в данном случае эти цифры свидетельствовать в целом о значительной, если не чрезмерной, роли алкоголя в российском обществе. В среднем все пленные тратили 42 деньги в день на различные нужды, а также 8 возов дров на три дня⁵⁶. Для сравнения в 1592 г. польское посольство численностью 36 человек на день получало трех баранов, корову, двух тетеревов, столько же утят, десять куриц, 17 калачей, по одному ведру меда малинового и вишневого, по два боярского и обирного, 3 ведра паточного и 15 княжего, а также ведро вина, ведро сметаны, пуд сметаны и 300 яиц⁵⁷. В целом эти цифры вполне сравнимы, особенно если учесть, что среди Кучумовичей значительным было количество женщин и детей, которые по рассматриваемой росписи составляют не менее 95%.

Если говорить о дальнейшей судьбе Кучумовичей в российском государстве, то в течение 1599 г. часть из них, по данным В.В.Вельяминова-Зернова, отпустили к Маметкулу в Бежецкий Верх, других в Касимов к Ураз-Мухаммеду⁵⁸. Некоторые из них, в том числе и царевич Янсуер и часть жен Кучума, в качестве проявления доброй воли были в 1602 г. отпущены русским царем обратно в Сибирь. Любопытна судьба царевича Янсуера, который после возвращения в Сибирь участвовал в набегах со своими родичами на русские поселения, а впоследствии опять оказался в Москве и еще успел поучаствовать в смоленском походе⁵⁹. Другие, оставаясь в Российском государстве, жили в почете у своих родственников, например, царевич Молла, который находился в окружении своего кровного родственника касимовского царя Алп-Арслана Алеевича, посланного к русскому царю отцом в 1604 г.⁶⁰

В заключении можно сказать, что пленные родственники и потомки Кучум-хана служили в качестве гарантий обеспечения эффективности восточного направления внешней политики Российского государства. Это в свою очередь обеспечивало пленным Чингизидам почетное отношение со сто-

роны Москвы и возможность жить в России, практически полностью сохраняя свой статус и пользуясь всеми привилегиями своего положения.

-
- ¹ Новый летописец // Хроники смутного времени. Начало 17 века. М., 1998. С. 287.
 - ² *Беляков А.В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII века // Тюркологический сборник, 2006. М., 2007. С. 95–112.
 - ³ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 292.
 - ⁴ *Нестеров А.Г.* Династия Сибирских Шибанидов // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 210, 211.
 - ⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. С. 3. (Далее: Акты исторические).
 - ⁶ Там же. С. 6.
 - ⁷ Там же. С. 4.
 - ⁸ Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. XI. С. 193.
 - ⁹ Акты исторические. С. 20–22.
 - ¹⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 292.
 - ¹¹ Там же. М., 2000. Т. 2. С. 32, 33.
 - ¹² Акты исторические. Т. 2. С. 5.
 - ¹³ Там же. С. 8–9.
 - ¹⁴ Там же. С. 17.
 - ¹⁵ Там же. С. 20.
 - ¹⁶ Там же. С. 21–22.
 - ¹⁷ *Беляков А.В.* Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник, 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 191.
 - ¹⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 35, 226.
 - ¹⁹ Акты исторические. Т. 2. С. 13.
 - ²⁰ Там же. С. 5.
 - ²¹ Там же. С. 14.
 - ²² *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 212, 226.
 - ²³ Акты исторические. Т. 2. С. 7.
 - ²⁴ Там же. С. 1–5.
 - ²⁵ Там же. С. 13.
 - ²⁶ Там же. С. 9.
 - ²⁷ Там же.
 - ²⁸ Там же. С. 11.
 - ²⁹ Там же. С. 11, 12.
 - ³⁰ Там же. С. 14.
 - ³¹ Там же. С. 491.

- 32 Там же. С. 12.
- 33 Там же. С. 13.
- 34 Там же. С. 13, 14.
- 35 Там же. С. 15.
- 36 *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...»: русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988. С. 83.
- 37 Акты исторические. С. 15.
- 38 *Флетчер Д.* О государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 147–149.
- 39 Акты исторические. Т. 2. С. 16.
- 40 *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 72.
- 41 Акты исторические. Т. 2. С. 17, 18.
- 42 Там же. С. 21.
- 43 Там же. С. 22.
- 44 *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 66.
- 45 Акты исторические. Т. 2. С. 16.
- 46 Там же. С. 19.
- 47 *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 67–69.
- 48 Акты исторические. Т. 2. С. 18, 19.
- 49 *Миненко Н.* Хождение за «Камень» // Родина. 2000. № 5. С. 71.
- 50 Акты исторические. Т. 2. С. 18, 19.
- 51 Там же. С. 20.
- 52 Новый летописец. С. 287.
- 53 *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 292.
- 54 Акты исторические. Т. 2. С. 20.
- 55 *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 121.
- 56 Акты исторические. Т. 2. С. 20, 21.
- 57 *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 83.
- 58 *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Ч. 3. С. 2, 3.
- 59 *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 35, 194, 198; *Нестеров А.Г.* Указ. соч. С. 211.
- 60 *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. С. 14; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 35.

*А.А.Хамицаева
(Владикавказ)*

ХРИСТИАНСТВО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОСЕТИИ (XVIII – середина XIX века)

Религиозная жизнь любого народа независимо от его численности, масштабов занимаемой им территории, социально-политического положения всегда уникальна и неоднозначна. Однако тема эта, представляющая огромный интерес, далеко не исчерпана, несмотря на то, что в кавказоведческой литературе достаточно работ о распространении христианства на Северном Кавказе.

Проблема распространения православного христианства в Осетии в этом контексте занимает особо значимое место, поскольку осетины, как известно, являются единственным христианским народом на Северном Кавказе и, будучи ключевым в стратегическом отношении регионом, Осетия всегда занимала важное место в планах российского правительства. Изучение социально-политических процессов в осетинских обществах и влияние на них конфессиональной политики российских властей впервые становится объектом научного исследования. Необходимо выявить и попытаться проанализировать закономерности возникновения и функционирования политических установок российских властей и роль христианства в этих установках.

Северный Кавказ – один из древнейших христианских регионов в России. Развитие и утверждение христианской веры здесь представляет одну из важных вех в истории Русской Православной церкви. Тем не менее, многочисленные письменные источники о начале распространения христианства на Северном Кавказе вообще, и в Осетии в частности,

до сих пор не систематизированы и обобщены с достаточной полнотой.

Первые известия о новой вере были занесены сюда еще в I веке благодаря апостольской деятельности святых апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита в причерноморских греческих колониях.

По церковному преданию св. апостол Андрей в 40-м году н.э. проповедовал христианское вероучение среди горских народов: алан, абазгов и зикхов¹.

Епифаний Кипрский, автор начала V века, пишет: «А Симон и Андрей отправились в Соланию (Аланию) и в г. Фусту». По обращении там многих жителей в христианство, они затем побывали в Авазгии и в Севастополисе (Сухуми). Андрей Первозванный, оставив там Симона Кананита, «ушел в Зикхию. Зикхи, до сих пор наполовину неверующие. Они хотели убить Андрея, но, увидя его убожество, кротость и подвижничество, оставили свое намерение»².

Это же сказание имеется и в православных Четьях-Минях. Грузинское «Житие» апостола Андрея сообщает о нем: «Андрей с Симоном отправился в землю осетинцев и достиг города, Фосфором называемого». Там он многих обратил в христианскую веру и оттуда направился в Абхазию, а затем в Севасте (Сухуми). «Блаженный Андрей в сём городе оставил Симона Кананита с прочими учениками, а сам отправился в землю джигетов. Обитатели этой страны джиги ... не приняли проповеди апостола, а искали случая умертвить его». Апостол Андрей вынужден был удалиться, «оставив джигетов в неверии». «Могила же Симона Кананита находится в городе Никополе (в древнем Никопсисе Зихийском), лежащем между Абхазией и Джигетией»³.

В грузинском синоксарии (кратком «Житии Святых»), составленном в XI веке Георгием Мтацминдели, также говорится: «Апостол Андрей проповедовал Евангелие в странах приморских: Вифинии, Понте, Фракии и Скифии, и, просветив обитателей Востока, отправился в великий город Севасто-

поль (прежде Диоскурия), где изливаются в море реки Фас (Риони) и Псар (р. Апсара), у Анакопсии (ныне Псырцха). Отсюда он ходил к обитателям внутренней Скифии и затем, вернувшись в Патру Ахайскую, был распят Антипатром Эгеатии»⁴.

В православных Четвях-Минях указывается: «Симон же и Андрей идоста в Аланию и в Фистград».

В IV веке, после объявления христианства государственной религией Римской империи, оно значительно усиливает свои позиции в черноморских греческих колониях, вслед за этим, начинает более успешно проникать в среду народов Северного Кавказа.

В VI веке Византией правил Юстиниан Великий, сыгравший огромную роль в распространении христианства на Кавказе. Отец А.Гатуев в своем труде «Христианство в Осетии» указывает, что уже во времена правления Юстиниана Великого греческие миссионеры распространяли среди предков осетин христианское вероучение. «В селе Галиат, — пишет Гатуев, — до сих пор сохранилась маленькая каменная церковь с монашескими келиями, и осетины рассказывают, что именно в этих келиях жили греческие монахи. На аршинном расстоянии от стены церковной, на север, почивают останки монаха и пройти между почивальнею монаха и церковною стеною считается между жителями величайшим грехом. Эта церковь, обращенная в “дзуар” (священное место. — А.Х.), называется Юс-дзуар (церковь Юстиниана)»⁵.

Со временем заметную роль в распространении христианства в Осетии начинает играть Грузия.

О дальнейших успехах христианства на Северном Кавказе свидетельствует устав императора Льва Мудрого (894—911 годы), где есть сведения о существовании Тмутараканской и Никопской архиепископий и упоминается об Аланской митрополии.

Постепенно, с закатом Византийской империи, греческое влияние на Северном Кавказе сменяется влиянием Русской

Православной церкви. Ее просветительская деятельность началась практически сразу после крещения Руси в 988 году.

Христианизации алан содействовал тогда абхазский князь Георгий, которому Константинопольский патриарх Николай Мистик писал: «Ты не мало приложил старания в деле просвещения алан и тех, которые удостоились крещения»⁶.

Среди алан проповедовал и греческий миссионер епископ Евфимий. Впоследствии была учреждена Аланская епархия: сначала архиепископия, преобразованная затем в митрополию. Она занимала 61-е место в составе Константинопольской патриархии и шла вслед за Русской митрополичьей кафедрой. Аланские митрополиты ездили в Константинополь для участия в церковных соборах, поддерживали тесное общение с патриархией.

Однако процесс христианизации алан в то время носил достаточно поверхностный и условный характер. В общих чертах она ограничивалась сооружением христианских храмов и усвоением некоторых христианских обрядов, праздников и постов. «Произошел синкретизм старого язычества и нового христианства, — отмечал профессор Б.В.Скитский, — точнее сказать, образовался очень тонкий налет христианской религии на вполне устойчивые языческие верования, которые сохранились во всей своей целостности в жизни осетин до позднейшего времени».

По этому поводу миссионер Юлиан писал: «...аланы представляют смесь христиан и язычников, — считающиеся там христианами не пьют и не едят из той посуды, из которой ела собака, или в которой околела мышь, пока эта посуда не будет освящена священником, но убить человека у них ничего не значит».

Один из аланских архиепископов также свидетельствовал о том, что первоначально аланы были христианами только по имени. В одном из посланий патриархии к нему подчеркивалось, имея в виду многоженство алан, что «нелегко да-

ется переход от языческой жизни к строгостям Евангелия». Тем не менее принятие христианства аланами, несмотря на его поверхностный характер, «имело для них некоторое прогрессивное значение в том смысле, что оно способствовало у них развитию письменности»⁷.

Один из памятников письменности у алан — найденное в 1888 году известное зеленчукское надгробие с надписью греческими буквами на дигорском диалекте осетинского языка. Надпись относится к XI веку — времени существования Аланского государства. Вильгельм де Рубрук писал о том периоде: «Пришли к нам некие аланы, которые именуются там “Аас”, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников». Любопытно высказывание по поводу знаменитого зеленчукского камня осетинского публициста и общественного деятеля Г.Цаголова: «Греки, проповедуя христианство среди осетинского населения... несомненно, должны были оказывать на него сильное культурное влияние. Среди осетин распространялось ими не только христианство... но и грамотность, и ...культура греческая... Ведь не для удовлетворения же будущих археологов и историков снабжали они эти памятники надписями... были, стало быть, тогда осетины, умевшие писать по-осетински греческими буквами, были затем и такие, кто мог надписи читать и понимать. А если люди умели писать и читать на памятниках, несомненно, они могли применять эти свои знания греческой грамоты и в других случаях жизни»⁸.

Необходимо отметить, что Аланская епархия продолжала существовать и после татаро-монгольского нашествия, когда значительная часть Алании оказалась завоеванной и включенной в состав Золотой Орды. В.А.Кузнецов объясняет это обстоятельство тем, что татаро-монголы считались с влиянием аланских епископов и, сохраняя кафедру, стремились использовать ее в своих интересах⁹. Длительное, почти шестивековое существование Аланской епархии свидетельствует о

том, что христианство имело здесь широкую и прочную социальную базу.

Несколько столетий существования аланского христианства оставили многочисленные материальные следы на территории от Средней Кубани до Терека. Это множество каменных крестов, плит с крестами и надписями, руины церквей – от купольных храмов с фресками до маленьких приходских капелл, отдельные находки предметов христианского культа¹⁰.

Позже в распространении христианства в Осетии большую роль играли грузинские миссионеры. Особенно значителен вклад в дело христианского просвещения Осетии грузинской царицы Тамары. Она в XII веке возобновляла разрушенные церкви, строила новые храмы, посылала для проповеди священников в отдаленные горные ущелья. Она же прислала в дар Осетии знаменитую Иверскую икону Божией Матери, для которой была построена часовня в селении Майрам-кау в Куртатинском ущелье. Имя царицы Тамары было чрезвычайно почитаемо среди всех горцев Северного Кавказа.

Следующим, важнейшим этапом в распространении христианства среди народов Северного Кавказа, и Осетии в частности, стало образование в 1744 году Осетинской духовной комиссии, положившей начало миссионерской деятельности среди осетинского народа. Предыстория открытия «Осетинского подворья» чрезвычайно показательна для процесса становления русско-осетинских отношений.

Осетия стремилась к сближению с Российским государством по целому ряду причин. Ее толкали к этому прежде всего экономические факторы – малоземелье и потребность в торговых отношениях с русскими городами на Северном Кавказе. Вместе с тем способствовали развитию контактов и особенности социально-политического уклада жизни осетинского народа и его культуры. Осетия накануне зарождения русско-осетинских связей не представляла собой едино-

го государства. Она состояла из разных, достаточно обособленных обществ. Социально-политический уровень их жизни был различным, и, по точному определению М.М.Ковалевского, «каждое из этих обществ имело свою историческую судьбу, каждое развило в своей среде особую организацию...»¹¹. Однако, стремление к взаимному сближению определялось не взаимными заботами, а экономическими и политическими интересами каждой стороны, поэтому процесс становления и развития связей между ними был далеко не всегда гладким к мирным.

Существенно важным фактором, обусловившим не только возникновение и развитие русско-осетинских связей, но и особенность самого этого процесса, является политическое положение осетинского народа — его взаимоотношения с соседними странами: Кабардой, Грузией, Чечней, — и с теми державами, которые определяли политический градус времени, — Турцией, Персией и, наконец, самой Россией. Осетины, как и все остальные горцы, живущие на склонах Главного Кавказского хребта, до присоединения к Российскому государству были вольными. Как бы ни хотелось иным исследователям в защиту предвзятых взглядов и из соображений политической конъюнктуры приписать осетинам зависимость от соседней Кабарды и Грузии и даже от не граничащих с ними Турции, Персии и Крымского ханства, вся источниковедческая литература опровергает такую интерпретацию истории.

Еще в 1714 году князь Бекович-Черкасский, которому было поручено определить «меры склонения в российскую сторону горских народов», поскольку путь в Среднюю Азию, откуда предстояло открыть новые торговые пути в Индию, лежал через Кавказ, доносил Петру I о том, что «народ тот (горцы. — А.Х.) вольной есть и ни кому иному не присутствует», т.е. не принадлежит¹². Это тем более важное и правдивое свидетельство, поскольку Черкасский проехал по всему Северному Кавказу и дал описание горцев, не имея осо-

бых целей, поэтому подозревать его в фальсификации и предвзятости причин нет.

Следующий документ, подтверждающий положение о независимости горцев, в частности осетин, — это челобитная грузинских духовных лиц — архиепископа Иосифа и архимандрита Николая, поданная императрице Елизавете Петровне в 1742 году. В ней говорится: «А ныне оной многолюдной народ святым крещением не просвященной состоит в своей воли»¹³. Российское правительство действовало в Осетии очень осторожно, не желая создавать конфликтной ситуации, поэтому не торопилось с созданием миссионерского общества для работы в Осетии, пока не выяснило вопрос со всех сторон. Среди частных вопросов, которые надо было выяснить предварительно, был вопрос о независимости осетин — «тот... народ подлинно ль вольной и самовластной», а не под других государств, например, персидского или турецкого владением состоит «и в союзе ль с Россиею»¹⁴.

На этот и другие вопросы отвечают находящиеся в это время в Москве два кабардинских владельца Магомет Атажукин, Адильгирей Гиляксанов и кумыкский владелец Алеша Хамзин, которых трудно заподозрить в ложном или предвзятом ответе. Ответ их подтверждал сказанное в челобитной грузинских духовных лиц. «Оные горские народы, — заявили они, — как и выше написано, ни под чьею протекциею не состоят и никому ими действительно овладеть не возможно затем, что живут в крепких и непроходимых местах...»¹⁵ Более того, информаторы указывали, что «ис тех горских народов по нескольку человек ночным временем приходят и зажигают их кабардинские деревни, от чего им и немалые разорения приключаютца»¹⁶.

Правда, перед этим они отмечали, что дигорцы, живущие рядом с Малой Кабардой, «некоторую малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собой женятца, дюгоры и сюрдигоры на кабардинках, а кабардинцы на их дочерях, язык

имеют особливой, а закону никакого не имеют, а прежде все были христианского закона...». И, вероятно, это слово «дань» дало повод некоторым историкам утверждать, что осетины-дигорцы находились в вассальной зависимости от Кабарды. Но общий смысл документа свидетельствует о том, что речь идет не об отношениях господства-подчинения, ибо, во-первых, при вассальной зависимости браки недопустимы, во-вторых, из остального содержания данного документа проясняется, что означает в данном случае «дань». Это фактически плата за проезд по кабардинским землям в торговых целях. Такую же плату брали осетины с кабардинцев за проезд по Военно-Грузинской дороге. Последнее подтверждали и осетинские старшины, в одном из своих прошений властям указывавшие: «И вам известно есть наперед сего для смиренного союзного торгу и караула мы черкесам давали по одному молодому барашку, и за непостоянства их тому, ныне 14 год и того не даем»¹⁷.

В мирных, относительно спокойных взаимоотношениях были заинтересованы обе стороны. Этот интерес определялся, как всегда, материально-экономическим фактором. Если горские общества нуждались в плоскостных пастбищах, то кабардинцы, наоборот, — в альпийских лугах для выпаса скота в летние месяцы. Пользоваться же ими в условиях постоянной вражды с соседями было весьма проблематично. «Дигорцы, — писал в начале XIX века Г.Ю.Клапрот, — отправляют свои стада весной на равнины Малой Кабарды, которые в конце марта уже покрыты травой, тогда как горы еще лишены растительности. В течение лета черкесы вынуждены в свою очередь выводить свои стада из равнины, где все выжжено и где их мучают слепни и комары, и отправлять в горы к дигорцам. Это связывает обе народности и они живут в добром согласии, благодаря тому, что взаимно нуждаются друг в друге»¹⁸.

Авторитетным и заслуживающим доверия следует считать мнение игумена Христофора, покинувшего Грузию с Вахтан-

гом VI в 1724 году. Он также пишет об осетинах, как о независимом народе: «...Оной народ издревле, когда еще Грузия в полной своей силе состояла, то оной осетинский народ был под владением грузинского царя и в давние времена, когда Греция от варвар пришла в разорение, тогда, взяв силу, Турки и Персия и нападение учинили на Грузию, которую также привели в несостояние и ослабление и некоторую часть владения Грузии оные турки и персы разделили по себе, которыми и поднесь владеют. А сей народ, зовомый осетинской... с того времени остались в своей воли, где и поднесь состоят также своевольной»¹⁹. На основании всех этих данных Коллегия иностранных дел сделала заключение, что осетины «никому не подвластный народ»²⁰.

В донесении той же Коллегии иностранных дел Сенату от 9 января 1748 года также подтверждается положение о независимости осетин. В нем делается ссылка на Белградский договор и другие трактаты, заключенные с Турцией и Персией. По справедливой логике русских дипломатов, «если бы Осетия зависела от Кабарды, то в этих трактатах, в которых всегда шла речь о Кабарде, сказано было бы и об Осетии, но об Осетии в них не упоминается. Значит, она независима». «И потому о том народе, яко вольном и никому не подлежащем, — говорится в этом донесении, — в постановленных у Российской империи с Оттоманскою Портою и Персиею мирных трактатах ничего не упоминается»²¹.

Несмотря на то, что Осетия была независима и, как было выяснено российской дипломатической службой, «никому не подлежащей», все же дело сближения с ней для России (как и для самой Осетии) усложнялось тем, что территориально они не граничили друг с другом: между ними находилась Кабарда, объявленная по Белградскому договору (1739 год) вольной «барьерой» между Россией и Персией. Ввиду сложности и опасности политических осложнений при освоении этого края, российскому правительству пришлось искать скрытые способы сближения. Исторический опыт интеграции и адаптации дру-

гих народов дал много средств и методов, среди которых очень эффективным и действенным оказалось использование профессионального фактора.

Еще со времен Петра I православная церковь в России стала лишаться самостоятельности и превращаться в инструмент государственного управления. Последним и важнейшим актом, которым Петр I закрепил зависимость духовенства от царской власти, превращение церкви в «одно из учреждений самодержавия», было создание в 1721 году Духовной коллегии, вскоре переименованной в Синод²². В Синод входили назначаемые царем церковные иерархи. Члены Синода, подобно чиновникам, приносили присягу на верность императору, а за деятельностью нового учреждения присматривал обер-прокурор²³.

В последующие годы шло дальнейшее укрепление и превращение церкви в институт беспрекословного подчинения императору. Таким образом, использование духовных лиц в политических целях было не ново и вполне закономерно.

Российское правительство не ставило перед духовными лицами задачу присоединения Осетии к России. Перед Осетинской духовной комиссией были поставлены другие, не менее важные и трудные, специфические цели и задачи – посредством «божьего слова» постепенно предрасположить осетин к «российской стороне», подготовить нравственную почву для успешного достижения общегосударственной политической цели – присоединения края к Российской империи. Для этого же она обязана была вести кропотливую, подвижническую работу, прежде всего по пропаганде «христианского закона», просвещению в православной вере, укреплению религиозных знаний и убеждений и приведению этого народа к единоверию с Россией. Именно этими целевыми установками пронизаны все важнейшие руководящие документы комиссии: «...через проповедь слова божия по склонности упомянутых иноверцев во святое крещение и вечное ея императорскому величеству подданство привесть могут в непродолжительном времени всех без остатку»²⁴.

Деятельность Осетинской духовной комиссии протекала по трем направлениям — чисто миссионерской, политической, с целью установления постоянных связей между горцами и Россией, и, наконец, культурно-просветительской. Соотношение этих форм в разное время деятельности комиссии менялось.

Необходимо отметить, что в материальном отношении Осетинская комиссия была поставлена в худшие условия, чем остальные подобные общества, действующие в других краях. Правительство не жалело средств для достижения поставленных целей, но старалось не допускать напрасных трат. Посылая в Осетию не проверенных на практике духовных лиц из Грузии, власти выделили на их содержание минимальные средства. Если в других комиссиях архимандриту выплачивалось жалованье в сумме 300 руб., а игумену — 200, то в Осетинской — в первый год было определено соответственно 75 и 50 руб.²⁵ Всего, на все нужды, в первый год было выделено 1000 руб. При этом правительствующий Сенат объявил святейшему Синоду, «что де на первое время больше оной тысячнорублевой суммы на отправление их положить невозможно, а когда де старанием их во оном деле показаны будут явные опыты и тогда де по рассуждению и награждение учинено будет»²⁶. И это обещание было выполнено.

Уже в 1746 году жалованье архимандрита повысилось до 150 руб., а игумена до 100; в 1752 году — соответственно до 200 и 125 руб. Но выше этого оно уже больше не поднималось до того времени, пока комиссию не возглавил русский — протопоп А.Лебедев, что произошло лишь на втором этапе деятельности комиссии — в последней трети XVIII века.

Важной статьей в деле распространения христианства является строительство церквей. «Богослужение, — как верно отмечает историк церкви Е.Голубинский, — предполагает храмы или церкви, в которых оно совершается»²⁷. Безуслов-

но, их строительство требует времени и не может идти параллельно с крещением, однако же забота об этом должна проявляться одновременно. Князь Владимир, например, «приступив к крещению всего народа» Древней Руси, по сведениям летописца, «повелел рубить церкви по градам», а после городов «тотчас же было приступлено и к селам»²⁸. Осетинской же духовной комиссии была предоставлена лишь походная церковь²⁹.

Таким образом, Осетинская духовная комиссия, по сравнению с другими миссионерскими обществами, была поставлена в худшие материальные условия. Причиной тому было, вероятнее всего, недоверие правительства к грузинам — инициаторам отправки миссии. Однако, содержание и методы миссионерской деятельности в Осетии должны были соответствовать общей установке.

Методы деятельности миссионеров в Осетии были не новы и политически обусловлены.

Русская православная церковь с конца первой четверти XVIII века широко развернула миссионерскую деятельность, проникнув даже в Японию, Китай, Палестину и Египет. При этом формы и методы ее действий менялись в зависимости от условий, особенностей края и конечных целей. В исторической науке сделана попытка классифицировать эти методы и определить их причинную зависимость. Все способы христианизации разграничены на два — поощрительные и принудительно-репрессивные³⁰.

Действительно, в каждой из этих концепций есть определенная доля истины: в первой она состоит в том, что власть пыталась проводить очень осторожную политику в отношении других народов, особенно на начальном этапе их христианизации, а во второй — в том, что в итоге главная цель миссионерской деятельности определяла и средства, но на практике не всегда методы диктовались тем, кого обращают в христианство: собственных славян-раскольников возвращают в лоно православия или иные народы.

Выбор метода определялся, скорее всего, целым комплексом факторов: общественно-политическим положением народа, расстановкой политических сил в регионе в данный момент, характером народа, социальным уровнем его развития, предысторией его взаимоотношений с Россией и т.п. Примечательно, что члены Осетинской духовной комиссии, предлагая идею христианизации Осетии, ссылались на множество примеров – Камчатку, Иркутск, Казань, где «целыми уездами обоих полов святым крещением охотно просвещаются многолюдственно»³¹. Сенат и Синод выделили Камчатку и Пекин, «понеже таковы еже отправления учинены в Камчатку и в Пекин от Святейшего Синода...», а для окончательного инструктажа они остановились на примере одной Камчатки: «...в показанной осетинской народ для проповеди слова божия и призывания тамошняго народа в веру Христову, отправить, а в какой силе и з каким наставлением оную им проповедь исправлять дать им инструкцию с примеру данной инструкции ж отправленному в Камчатскую землицу архимандриту Хотунцевскому, которую сочинив предложить к аппробации»³². Однако следует заметить, что эта инструкция по существу ничем не отличалась от инструкций, составленных для комиссий, направленных в Иркутск, Якутию и Пекин. Основные исторические указания и требования сводились к следующему:

1. «...Всех иноземцев Божией помощью и своими труды приводить в Христианскую веру, и о том явить им словесно...»³³

2. «...Их кумиры и кумирницы и нечестивыя их чтилища ... пожечь». Взамен им строить церкви, украшая их соответствующей утварью. Обязательным пунктом всех инструкций было требование «дачи ... денег и товаров на украшение церкви, на церковные потребности для миссии»³⁴.

3. Таким общим положением было обязательное материальное вознаграждение тем, кто принимал христианскую веру, – деньгами и тканью. Так, в частности, в документе

1714 года по поводу Якутии говорится: «...все иноземцы крестятся, тем нашего царского жалованья давать холст ко крещению, на рубахи...»³⁵ Это же положение повторится 20 лет спустя в Китае. В документе 1735 года читаем о необходимости «дать из Иркутской провинции денег и товаров ... на potrzeby для миссии, находящейся в Пекине, также на жалованье крестьящимся китайцам»³⁶.

4. В качестве вознаграждения за принятое крещение предоставлялись определенные льготы: «и в ясаку им льгота будет»³⁷.

Все эти уже апробированные в Сибири методы христианизации нерусских народов были рекомендованы Осетинской духовной комиссии, но в отличие от тех, в целях предосторожности, — только в устной форме. Поскольку подготовка комиссии была глубоко законспирирована и подавалась как инициатива грузинского духовенства, то в ведении Сената Синоду о подготовке к отправлению созданной миссии было указано: «...Токмо тех духовных персон отправить одних из грузинцев, а российских людей как духовных, так и светских, как для конвою, так и в свете их при них посылать не надлежит и им с собою брать не велеть и инструкции не давать, дабы пограничным с тем осетинским народом местам не подать тем какого-либо к размышлению сумнительства, а паче от Оттоманской Порты и Персии»³⁸.

Однако, если еще не хорошо осознавая, но больше предполагая, что «сибирские» методы для проповеди в Осетии могут быть не вполне приемлемы, российские власти подвергли их серьезной корректировке. В частности, протокол Синода от 11 июня 1744 года и ведение Сената Синоду от 3 декабря того же года по вопросам отправления миссии и выделения им средств дают ясную картину того, какие методы работы были рекомендованы для духовных лиц Осетинской комиссии. В них отсутствует требование уничтожать «кумиры и кумирницы», равно как и положение о жалованье новокрещенным. Все внимание сосредоточено на богослужении и духовных вопросах. Денежные средства выделены на «церковь походную с

принадлежащую утварью... круг церковных книг и на кресты серебряные до ста, медных до тысячи и на то по пропорции шелкового шнуру»³⁹.

Средства на «жалованье крестящимся» поначалу не выделялись из соображений, связанных с недоверием к грузинским духовным лицам. Этот вопрос поднимет в первом же отчете сам начальник духовной комиссии архимандрит Пахомий: «...паче же ежели при крещении оных при первом случае дано будет им каждому по одной рубашке, то к тому крещению наиболее возымеют все в скорости охоту, что и учинить должно, когда же оных новокрещенных числом уменьжится, то и оную дачу тогда оставить можно»⁴⁰.

Утвердившаяся позднее, такая практика «жалованья» за принятое крещение имела и свои отрицательные последствия. Ученый Г.Ю.Клапрот, побывавший на Кавказе в 1807–1808 гг., так писал о христианизации Осетии: «Все их обращение ограничивается крещением; они находили для этого много охотников, т.к. многие повторили этот обряд вследствие того, что окрещенным выдавалось за счет государства 12 аршин грубого полотна на сорочки и штаны, две высушенные севрюги и один латуневый крест. Однако о христианстве горцы ничего не узнавали, кроме того, что они называли себя христианами и умели сделать знак креста»⁴¹.

По сведениям П.Г.Буткова, «с 1746 по 1764 г. из Осетинской комиссии показывали 2085 душ обоюго пола, обращенных в христианство. Но Астраханский преосвященный тогда же доносил, что за нерадением тех духовных лиц и за неисправлением служб, едва ли сей новопросвещенный народ имеет какое понятие о христианском законе»⁴². Осетинской комиссии приходилось действовать в чрезвычайно сложных условиях, как внешних, так и внутренних, что, безусловно, не могло не отразиться на качестве ее работы.

Порта, к примеру, по настоянию владетельных князей Большой Кабарды, выдвинула в 1764 году России формальный протест по поводу устройства Осетинского подворья на

кабардинской земле. В 1769 году во время поездки в Грузию был убит архимандрит Григорий, возглавлявший миссию после смерти архимандрита Пахомия. А само Осетинское подворье, из-за спора между грузинскими духовными лицами и жителями Куртатинского ущелья, возникшего по наущению кабардинских князей, было совершенно разорено. На место убитого архимандрита Григория во главе Осетинской духовной комиссии в 1770 году был поставлен архимандрит Порфирий. Однако уже тогда Св. Синод пришел к выводу о необходимости назначения руководителем миссии русского духовного лица и коренного преобразования всей миссионерской деятельности среди осетин, так как большинство недостатков «ни от чего иного, как от худого самих проповедников поведения, а именно: проповедники оные, оставляя близкие к городам здешней империи места без проповеди, отъезжают в отдаленные и дикие, проповедают на русском или грузинском языке тем, которые их не знают; крещенных оставляют без всякого наставления; возвращаясь же потом к ним, делают под разными видами привязки и чрез то сыскивают случай себя обогащать насильственно, делают всякие притеснения, не стараясь притом нимало их привести в познание веры и законы, а следовательно, те иноверные вместо чаемого веры и закона понятия единственно только изнуряются, а от проповедников происходят соблазны»⁴³.

Кроме того, выяснилось, что грузинские миссионеры жили на Осетинском подворье «временно... и торговали привозимую из Кизляра вялою рыбою и всякими мелочами, промышляя также приискиванием проводников для проезжающих из Грузии»⁴⁴.

Малое количество крещенных горцев и плохие отзывы о деятельности миссионеров со стороны кизлярского коменданта вынудили правительство обратить на осетинскую миссию более пристальное внимание и озаботиться проблемой улучшения ее работы.

Новая, реорганизованная комиссия была учреждена в 1771 году. Изменилось штатное расписание, почти полностью обновился состав комиссии. Ее большую часть составили русские духовные лица. Начальником был назначен ученый протопоп Афанасий Лебедев. Постоянным местом пребывания миссии был определен город Моздок. Комиссия была снабжена инструкцией, в которой содержались подробные указания о проповеди «слова Божия» среди осетин и «каким образом им во обращении тамошнего народа в православную грекороссийскую веру поступать должно».

Самому Афанасию Лебедеву инструкция предписывала находиться в Моздоке, «в поселении для новокрещенных горских жителей заведенном и осетинских людей наставлять в законе и иметь за ними присмотр». Все прочие духовные лица должны были находиться в самой Осетии, а протопопу Лебедеву вменялось в обязанность ездить в Осетию «для очевидного свидетельства и наставления», с тем, однако, условием, что «порядок же в пути и самое продолжение времени в положенном на вас деле зависит не от вашего выбора и произволения, но единственно от распоряжения и наставления кизлярского каменданта, которому все обстоятельства тамошних народов известны быть могут и без ведома ево ничего собою не предпринимать...»⁴⁵.

Проповедникам поручалось «навсегда в свежей памяти содержать» то, что им поручается «дело святое и великое, дело звания апостольского, чтобы людей, пребывающих во тьме заблуждения, просветить познанием спасительных истинны, открыть им пути небеснаго царствия... а чрез то привести к единомыслию и расположить к единому общей государственной пользы наклонению»⁴⁶. Миссионеры должны были избегать каких-либо насильственных методов и принуждения, «не склоняться ни под каким видом к какому-либо насилию и лихоимству», а в случае если со стороны местного населения будет оказана какая-либо «суровость, тогда оставить должны... дом тот с миром»⁴⁷.

В случае же возникшей опасности для жизни во время миссионерских поездок рекомендовалось требовать «вспоможения и защищения» от находящихся в Кизляре и Моздоке воинских команд.

Проповедь полагалось вести доходчиво, примеряясь к местным условиям, т.е. чтобы «учение... было такое, которое бы могло быть иноверному вместиельно».

Инструкция оговаривала, что церковная служба среди осетин могла проводиться на русском языке, предписывая, однако, «символ веры, десятословие и молитву Господню, с кратким объяснением предать иноверным вразумительным в сем им языком».

Вопреки сложившемуся в советской историографии штампу о русификаторской направленности деятельности миссионерских учреждений приведем десятый пункт «Инструкции от Святейшего Правительствующего всероссийского Синода находящимся в Осетии протопопу с протчими священнослужителями...», касавшийся деятельности Моздокской школы: «Самое трудное дело есть при проповеди иноязычным не разумение взаимное языка, для чего надобно, во-первых, сколько возможно стараться, чтоб из обращенных принимать в учрежденную в Моздоке школу учеников с тем, **дабы они никогда своего языка не забывали** (выделено нами. — А.Х.) и чтоб таких со временем по обучении российской грамоте и по способности мест можно было посвящать к церквам обращенных во священники и посылать для проповеди»⁴⁸.

Задолго до создания в 1764 году школы в Моздоке была предпринята попытка открыть миссионерскую школу при Осетинском подворье. Еще в 1744 году архимандрит Пахомий с товарищами требовал, «чтоб для обучения тамошняго народа детей, кои просветятся святым крещением, завести тамо школу». Синод ответил на это, что вопрос надо «оставить впредь до указа и рассмотрения»⁴⁹.

В 1745 году архимандрит Пахомий, игумены Христофор и Николай и иеромонах Ефрем вновь ставят перед Синодом

вопрос о необходимости учреждения школы, чтобы дело христианского просвещения осетин приобрело «прочный вид», «а ежели не так, то скоро опять могут уничтожить, ежели у них учение не имеет быть»⁵⁰.

В 1746 году, Пахомий вновь напоминает Синоду о школьной проблеме и на этот раз церковные власти пробуют положительно решить вопрос, но пока им это не удается. Прежде всего, в Синоде расспрашивают у прибывшего в Москву с «Донесением» иеромонаха Ефрема, знают ли осетины грузинский язык, имеют ли письменность, на что Ефрем отвечает, что грузинский язык знают некоторые осетины, «письмен никаких не имеют», но есть несколько грамотных осетин, получивших образование на грузинском языке. Таковы находящиеся в Грузии иеромонах Парфений и подготовленные им 12 учеников, из которых 9 неизвестно где, а трое живут в Осетии. Таков и Зураб Элиханов. Эти люди могли бы «грузинские книги на свой диалект перевести... Однако всего точно перевести им невозможно, того ради, что у них письменных литер нет и не будет доставать»⁵¹.

Из всего этого Синод сделал вывод, что прежде всего нужно «сочинить азбуку... на грузинских литерях», а затем — «к службе церковной нужнейшие книги перевести»⁵².

Пока архимандрит Пахомий будет выяснять вопрос о Парфении и его учениках, Синод обращается к епископу Астраханскому и Ставропольскому Иллариону с тем же вопросом, нет ли среди знакомых того грузин, знающих осетинский язык, и получает отрицательный ответ. Парфений же на просьбу архимандрита Пахомия вернуться в Осетию отвечает отказом, ссылаясь на то, «что уже от того народа отстал», и «за невыполнение приказа высших духовных лиц его заключили в один из грузинских монастырей»⁵³.

С 1746 по 1752 год Осетинская духовная комиссия занята организацией посольства в Петербург. Ее подготовка и проведение является самым значительным политическим успехом Осетинской духовной комиссии на первом этапе ее деятельности.

Уже в 1746 году, практически сразу после основания миссии, архимандрит Пахомий известил российское правительство о том, что осетинские старшины просят дозволения явиться ко двору, чтобы «доложить о всяких секретных тайностях и прочих состояниях осетинской земли». Для более обстоятельного доклада в Петербург был вызван один из членов духовной комиссии иеромонах Ефрем, который подтвердил намерение представителей Осетии выехать в Петербург со следующей целью: «1) Чтоб им в России креститься; 2) Что тое они себе и своей фамилии ... за честь почитать имеют; 3) Посмотреть российских обрядов и народа; 4) Что они желают быть в подданстве е. и. в.». 14 августа 1746 года был издан указ о проведении в Петербурге переговоров с осетинским посольством «ради крещения и для других секретов»⁵⁴.

Был определен состав посольства, включившего представителей всех осетинских обществ, однако выезд его в столицу, по целому ряду причин, был задержан до 1749 года.

В ходе переговоров осетинское посольство обратилось к российскому правительству с просьбой о присоединении Осетии к России, заявив, что «весь осетинский народ желает быть в подданстве Его императорского величества», с тем, чтобы защитить себя от нападения внешних врагов и иметь возможность переселиться на равнинные земли. Посольство, в свою очередь, обещало в случае достижения положительной договоренности выставить от Осетии 30-тысячную армию для участия в войнах против Турции и Ирана.

Переговоры завершились официальным приемом, устроенным в декабре 1751 года императрицей Елизаветой Петровной в честь осетинского посольства.

В результате переговоров предгорная равнина Центрального Кавказа, бассейны рек Ардон и Фиагдон были признаны российскими властями землями «вольными и свободными». Переселение осетин в эти районы считалось законным и поддерживалось российским правительством. Кроме того,

торговым людям из Осетии разрешалось вести в Кизляре и Астрахани беспошлинную торговлю. Согласно указу, «та пошлина вместо их взималась с российских купцов».

Со своей стороны осетинское посольство уверило петербургский двор, что Осетия, как и прежде, будет держаться «российской стороны». Оно обещало «по возвращении своем в дома и других осетинского народа к принятию святого крещения наилутче поощрять и к российской стороне доброжелательными склонять».

Находясь в Петербурге, Пахомий вновь поднял вопрос о школе, и в 1752 году Синод сообщает свое мнение о школе Сенату, что «хотя сие дело и зело нужное», но осуществить его пока невозможно и лучше оставить его «впредь до указу», «а между тем оному архимандриту», вернувшись в Осетию, выяснить: «в каком имянно месте ту школу завести», сколько учащихся будет, по воле родителей ли будут набраны, не будет ли «какого роптания» в народе, кто будет учителем, на каком диалекте будет обучение⁵⁵. В 1753 году архимандрит Пахомий, отвечая на поставленные вопросы, доносил Синоду, что местом для будущей школы выбран «Куртаульский уезд», учеников наберется около 30 по воле их родителей, учителей можно найти среди грузин, обучение будет вестись на грузинском языке. По поводу перевода книг, о чем говорилось еще в наставлении Синода от 1746 года, архимандрит сообщает: «Мы нижайше и стараемся и некоторых уже стихи из божественных писаний нами на осетинский язык и переведено»⁵⁶.

В 1756 году на очередной запрос Пахомия Синод по высочайшему императорскому указу передает дела Сенату, отмечая, что по поводу учреждения школы надо «предложить к докладу немедленно»⁵⁷.

Однако «немедленного доклада» не последовало, и вообще школьный вопрос был снят на длительное время — вплоть до 1764 года. Думается, что одной из основных причин столь долгой отсрочки решения этой проблемы послу-

жили обострившиеся внешнеполитические обстоятельства, в частности, начавшаяся Семилетняя война (1756–1763 годы). Вместе с тем, вероятно сыграли определенную роль и внутренние проблемы – смерть Елизаветы Петровны в 1761 году и последовавшие за ней дворцовые перевороты.

Школа, открытия которой архимандрит Пахомий добивался все 20 лет своей службы в должности начальника Осетинской духовной комиссии, была открыта в 1764 году в крепости Моздок спустя год после ее заложения.

Находившемуся в этом поселении полковнику Гаку было в 1765 году предписано позаботиться «о скорейшем заведении особой школы для преподавания обучения новокрещенным осетинским детям закона христианского и российской грамоты». В указании Синода говорилось также о том, чтобы «осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на другом каком диалекте», хотя первоначально, по замыслу архимандрита Пахомия, предполагалось вести обучение на грузинском языке⁵⁸.

Занятия в Моздокской школе фактически начались в 1767 году, когда закончилось строительство школьного здания.

Первыми учениками Моздокской школы стали Петр, Павел и Харитон Хетагуровы из с. Нар, Иван Еликанов из с. Мамисон, Андрей Битаров из с. Зака, Феофан Карабугаев из Дигории, Бери Мамиев, Иван Наниев и др.

На содержание учеников выделялись из казны деньги – от 2 до 4 руб. на каждого в год. При школе был и пансион.

Первым преподавателем школы стал дьячок Романов, из грузинских духовных лиц, которому кизлярский комендант строго наказывал, что в обращении с детьми горцев «такой строгости, как с российскими, употребить не можно... а надлежит их сколько можно приохочивать к науке, дабы оне нелепно учились и казенной интерес не праздно на них держан быть мог, в чем за ними и наблюдать без суровости, но подавая советы и толкуя им собственную чрез то пользу...»⁵⁹.

Первоначально пособиями для обучения служили переведенные архимандритом Пахомием в 1753 году с грузинского на осетинский язык некоторые духовные книги, а в 1798 году был издан первый букварь на осетинском языке вместе с катехизисом и алфавитом.

Новый начальник Осетинской духовной комиссии Афанасий Лебедев уже нашел Моздокскую школу в обветшавшем и запущенном состоянии. Придавая большое значение осетинской миссионерской духовной школе, Екатерина II в рескрипте на имя Астраханского губернатора Якобия предписала восстановить пришедшее в негодность школьное здание, ибо «нет лучшего способа по обстоятельствам Осетин(цов) и Ингушевцов учинить их прямыми христиана(ми, к) здешней стороне приверженными, как просвещ(ением) из них молодых людей»⁶⁰. В результате Моздокская школа была благоустроена, что позволило увеличить число ее воспитанников. Количество детей за все годы существования школы колебалось от 6 до 46 человек. Препятствием служила как отдаленность школы от Осетии, так и провокационная деятельность враждебно настроенных кабардинских князей, распустивших слух о том, что ученики после окончания школы будут оставлены в России в качестве аманатов.

Школа просуществовала до 1792 года (около 30 лет) и, безусловно, сыграла важнейшую роль в становлении и последующем развитии осетинской национальной культуры и образования.

Второй этап деятельности Осетинской духовной комиссии (1771–1793 годы) отличался и усилением контроля за ней со стороны кизлярского коменданта и Коллегии иностранных дел.

Вероятно, отсюда и сравнительно более высокие статистические показатели: если с 1744 по 1764 год окрестили 2085 человек, то с 1771 по 1793 год окрещено было более 6 тысяч человек, т.е. в 3 раза больше. Власти постоянно, хотя и с разной степенью успешности, пытались совершенст-

воват работу комиссии, предостерегая миссионеров от формализма и схоластики в возложенном на них деле.

Например, в одном из рапортов Св. Синоду протопоп Афанасий Лебедев писал, что наличие в штате Осетинской духовной комиссии лишь четырех священников затрудняет обращение осетин в христианство. В результате в 1777 году последовал рескрипт Екатерины II на имя Астраханского губернатора Якобия, в котором повелевалось: «От Святейшего Синода протопопу Осетинской комиссии дать наставление в том, чтоб он не считал исполненным звание и долг в торопливом сподоблении крещения, а старался бы внушить им силу христианского учения, и руководствовать ко всякому благонравию, без чего крещение, диким людям преподаваемое, едва ли не может быть названо злоупотреблением из величайших таинств веры христианской». На основании этого рескрипта Св. Синод дал новые указания Осетинской духовной комиссии: «1) Проповедники Слова Божия отнюдь не должны говорить, что присланы по указу; 2) предлагать крещение по довольном научении и утверждении в вере; 3) никаких непристойных и до звания проповеднического разглашений не чинить»⁶¹.

В 1780 году место Афанасия Лебедева занял протопоп Иоанн Болгарский. К этому времени внутренние условия для миссионерской деятельности в Осетии стали гораздо более благоприятными. В 1774 году по Кучук-Кайнарджийскому трактату состоялось окончательное присоединение Кабарды к России. В 1785 году было учреждено Кавказское наместничество, а вновь основанная Кавказская кордонная линия распространилась сплошной цепью военных укреплений от Терека до устья Дона. Донося Астраханскому архиепископу Антонию о религиозном состоянии Осетии, начальник Осетинской духовной комиссии протоиерей И. Болгарский в 1780 году писал: «...в некоторых же местах имеются и церкви каменные, только весьма древние, а имянно в Кургатском уезде в деревни Дживгисе церковь во имя вели-

комученика Георгия с олтарем... в деревни Мисир (Мизур. — А.Х.) развалившаяся, в деревни Лачи (Лац. — А.Х.) целая, а в чие имя не известно, в деревни Джоаркау (Дзуарикау. — А.Х.) церковь пророка Илии развалившаяся, близ деревни Кадат церковь Святаго Духа целая, в Даргавском пророка Илии, в Нарском близ деревни Истырнара видны развалины церковные, близ деревни Туриум церковь во имя святых апостол Петра и Павла, в Дигорском в деревни Фарасткатте, в деревни Чебойте церкви, а в чие имя неизвестно, в деревни Лесгоры церковь Николая Чудотворца, в Олагирском уезде близ деревни Дагом церковь святых Троицы развалившаяся, в деревни Мизур целая, в деревни Нузал целая ж, в которой видно отчасти стенное изображение святых великомучеников Георгия и Феодора Тирона и архистратига Михаила, а в чие имя не известно, в чей во имя Святыя Троицы деревянная церковь построена из красного дерева, называемого негниющего...»⁶²

«Оставшиеся древние церкви в самых недрах осетинских гор доказывают, что тут некогда господствовало христианство...» — писал декабрист В.С.Толстой, побывавший в Осетии в 1847 году⁶³.

Не только эти древние храмы, но и предания о прежней принадлежности к христианству, полуязыческие празднования чтимых православной церковью праздничных дней, соблюдение некоторых православных постов, почитание Иисуса Христа, Божией Матери, Ильи Пророка, Георгия Победоносца и других святых — все это и прежде способствовало миссионерской деятельности. Теперь же после окончательного присоединения всей Кабарды к России появились еще более благоприятные возможности для укрепления позиций православного христианства в Осетии.

Осетинской духовной комиссии в своей миссионерской деятельности приходилось, кроме прочего, противостоять и проидам католических проповедников. Об одном таком случае в 1765 году повествует П.Г.Бутков: «...Явилось на

Осетинское подворье к игумену Григорию с кистинским старшиною два католических патера и один переводчик, что они имеют от папы позволение проповедывать слово Божие. Подполковник Гак, начальник в Моздоке, приказал не допускать их к проповеди и водворению в Осетии; а между тем, донес о сем обстоятельстве Коллегии иностранных дел. Указом ея от 29 августа того же года кизлярскому коменданту генерал-майору Потапову поступок Гака апробован, предписано и впредь иноверных проповедников стараться удалять, и разведать откуда приехали, и не те ли они, которые в 1756 г. были в Астрахани два капуцина Франциск-Мария и Сотер, на коих были от армянского архиерея многия жалобы в том, что обращают Армян в католический закон. Оба тогда же высланы из России; но капуцин Сотер в 1758 г. чрез Гданск морем опять сюда прокрался и вторично выслан. Точно ли были те самые патеры, не получено известия. Разведано только, что они приезжали из Ахалциха, под видом купцов, для обозрения кистинского народа и православной церкви у них построенной при реке Балсу, и когда увидели в предприятии своем препятствие, то уехали обратно»⁶⁴.

Серьезной противодействующей силой в деле утверждения христианства в Осетии были действия кабардинцев, всячески препятствовавших этому процессу. Факты, свидетельствующие об этом, широко представлены в архивных материалах.

Протопоп А.Лебедев, объясняя в одном из своих донесений уменьшение числа крестившихся в 1773 году, указывал, что виною тому преследование кабардинцами крестившихся осетин и ингушей. «...Великую приносят жалобу на кабардинцев, — пишет он о куртатинцах, — что они, злобясь на них за принятие христианства весьма утесняют, бьют, ловят и продают, чего ради и проезд имеют в Моздок весьма опасной»⁶⁵.

Жаловались и ингуши, «что де мы крещения ради от кабардинцев погибаем, а Россия нас не обстаивает, и видно де, что вовсе оставила»⁶⁶.

Сообщая об этих фактах кизлярскому коменданту И.И.Штендеру, А.Лебедев ждет от него помощи. Но Штендер, учитывая политическую обстановку (война с Турцией и Крестьянская война под предводительством Пугачева), вместо практической помощи (вроде военного или казачьего караула, конвоя) дает указания дипломатического характера: «...кабардинцев не раздражать, караула к ингушевцам определить нельзя», а далее советует: «куртатцов и ингушевцев приласкивая, дать им знать, дабы несколько до времени приняли терпение, а впредь обиженными не останутся»⁶⁷.

Не имея ни опыта, ни возможностей решать какие-либо политические проблемы, духовные лица были беспомощны и за решением их обращались к военным властям, а те выжидали исхода войны, да и вообще зависели в своих действиях от сиюминутных внешнеполитических обстоятельств.

Примечательно, что к концу XVIII века добровольно крестились многие представители осетинской знати. Так, в 1787 году в Херсоне был крещен дигорский «владелец» Курман Кубатиев (в крещении — Александр), «восприемницею от купели» которого стала сама императрица Екатерина II. В 1782 году приняли крещение «тагаурские старшины» Кайтук Дударов с братом. Их крестным отцом стал князь Потемкин, и «наречены старший Петром, младший — Максимом».

Первому был пожалован чин капитана, другому — поручика. Крестился и «дигорский владелец» Айтек Туганов, получивший чин капитана⁶⁸. Позже, в 1790 году их примеру последовали старшины «поколений Алагирского, Закинского и Нарского»: Соломон Гуриев, Петр Цаликов, Григорий (Созарук) Арисханов и др.

Возвращаясь в Осетию, «сии три депутата... письменную просьбою просили между прочим у российского двора о возобновлении прежнего Осетинского подворья, которое стояло при реке Фаяге (Фиаг-дон. — А.Х.) ... о построении там церкви и о поставлении там священника»⁶⁹.

В этой связи Екатерина II в 1792 году дала следующее повеление генералу Гудовичу, стоявшему во главе военной

администрации на Северном Кавказе: «Почитая обращение сих народов в христианство и в политическом виде для нас полезным, поелику большая часть их обращалась бы в магометанство, тем более находим их достойными всякого внимания и всякого о них призрения и попечения. Чего ради повелеваем означенных осетинцев охранять от всяких притеснений прочих горских народов, а паче кабардинцев, подданных наших, коим строжайше запретить и всеми способами воздерживать, подтверждая, что всякое на них покушение приемлемо будет от нас в равной степени, как будто бы оные происходили подданными внутри империи нашей живущим»⁷⁰.

Тогда же Екатериной II был вызван в Петербург архимандрит Гай (Гайос), ученый монах, состоявший с 1784 года на российской службе и являвшийся «главным членом при Осетинской комиссии». Этим событием, пожалуй, открылась новая страница в истории распространения христианства на Северном Кавказе. В 1793 году, «для дальнейшего радения о народах осетинских веру христианскую приемлющих», была учреждена Моздокско-Маджарская викарная епархия и упразднена просуществовавшая почти полвека Осетинская духовная комиссия. Епископом этой епархии и был назначен архиерей Моздокский и Маджарский Гай. В указе Екатерины II об учреждении Моздокско-Маджарского викариатства говорилось:

«Употребление предками нашими старания о добровольном распространении Евангельского учения в народах, близости к линии Кавказской обитающих, с Божией помощью, имели успех, доказываемый обращением многих осетинцев и тому подобных к церкви нашей благочестивой. Желая, чтоб таковое распространение и утверждение православия в странах сих наилучшим и надежнейшим образом споспешествуемо было и уважая обширность Астраханской епархии, не позволяющую тамошнему архиепископу иметь ближайшее о сих народах радение, признали мы за благо учредить в г. Моздоке епископа викарного Астраханской

епархии с именованием Моздокского и Маджарского, поручая в его попечение все те обязанности, которые возложены были на Осетинскую духовную комиссию, касательно просвещения народов, в близости находящихся»⁷¹.

Причиной таких радикальных мер по отношению к Осетинской комиссии было недовольство центральных властей «успехами» миссии. «Действия Моздокской Осетинской комиссии, учрежденной в 1771 году, — писал один из иерархов церкви архиепископ Евгений, — продолжавшиеся с лишком 20 лет по 1792 год, несмотря на средства правительства, гораздо более успехов обещавшие, не представляют ничего особенного; только 6657 душ были окрещены в продолжении сего времени, — число весьма незначительное в сравнении с числом осетин, живущих по левой стороне Терека и по Военно-Грузинской дороге, в особенности неподалеку Владикавказа»⁷².

Св. Синод распорядился передать в управление епископу Моздокскому и Маджарскому Гаю храмы Моздока, Кизляра и других городов и крепостей Кавказской линии с их уездами, а также Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь. В Моздоке, где должен был находиться архиерейский дом, предписывалось также завести мужской и женский монастыри 2-го класса «для обучения юношества тамошнего обоего пола закону и мастерствам, в общежитии потребным».

При епископе была учреждена Духовная консистория, созданы штат архиерейского дома и певческий хор.

Образование в Моздоке Духовной консистории, данное Св. Синодом преосвященному Гаю разрешение строить церкви для вновь обращенных в христианство горцев и назначать к ним священников свидетельствует о том, что официально именованная викарной Моздокско-Маджарская епархия фактически являлась самостоятельной. Ее подчинение Астраханской епархии носило номинальный характер. В некоторых документах Св. Синода Моздокское викариатство так и именовалось особой Моздокской епархией.

Для успешного достижения главной цели новой епархии — проповеди христианства среди горцев, живших вблизи Кавказской линии, Св. Синод дал епископу Гаю особую инструкцию. Она предписывала в деле просвещения осетин следовать инструкции, данной Осетинской духовной комиссии в 1771 году. В случае же необходимости употребить какие-либо меры, не упомянутые в прежней инструкции, епископу надлежало предварительно испрашивать на этот счет указания Св. Синода. По вопросам отправки в Осетию духовных лиц и снабжения их подводами, он также обязан был предварительно получить согласие генерал-губернатора графа Ивана Васильевича Гудовича. Епископ обязан был «прилагать свое попечение» к миссионерской школе в Моздоке с тем, «чтобы учение в ней происходило с желаемым успехом, в пристойном порядке и удовольствии их пищею и одеянием, стараясь и об умножении оных согласными расположению тамошних жителей средствами...». Инструкция рекомендовала преосвященному Гаю заботиться как о возобновлении древних храмов, остатки которых сохранились в Осетии, так и о строительстве новых, «только бы сие происходило с довольным рассмотрением и твердым основанием относительно содержания их и будущих при них священно и церковнослужителей». Примечательно, что епископ Гай обязывался заботиться о том, чтобы духовенство этих храмов состояло «из тамошних жителей», преимущественно из воспитанников Моздокской осетинской школы, из которых наиболее способных надлежало отправлять для завершения образования в Астраханскую духовную семинарию.

«В удобные времена» епископу Гаю рекомендовалось по предварительном донесении Св. Синоду и по уведомлению генерал-губернатора Гудовича «посещать новопросвещенные христианством селения».

Открытие штатов при новых церквях обуславливалось численностью населения новых приходов и тем, «все ли положенное для священноцерковнослужителей отведено»...

После открытия в Моздоке архиерейской кафедры возросло и значение этого города. В 1794 году тут действовало 3 православных и 2 армянских храма. В первые же годы архиерейского служения епископа Гая из Куртатинского ущелья в Моздок была привезена осетинами-переселенцами древняя кавказская святыня — икона Иверской Божией Матери. Владыка Гай вышел навстречу из города с крестным ходом. Первоначально эта икона находилась в часовне, а затем в 1797 году была перенесена в построенный Успенский храм. В течение многих десятилетий эта глубоко почитаемая на Кавказе святыня притягивала множество паломников. В праздник Успения к ней стекались тысячи молящихся — русских, осетин, грузин, армян. Местночтимая Моздокская школа Божьей Матери оказывала тем самым огромную благодатную помощь в утверждении и распространении христианства среди народов Северного Кавказа. Однако существование Моздокской епархии оказалось весьма кратковременным, не позволив полностью развернуться дарованиям епископа Гая.

Через шесть с половиной лет после учреждения, в 1799 году епархия была неожиданно упразднена по причине, как говорилось в докладе Св. Синода, «малочисленности ее церквей», хотя к этому времени Моздокская епархия включала 75 церквей, в том числе 2 соборных, 53 приходских и 20 молитвенных домов. В епархии, несмотря на недостаток духовенства, уже насчитывалось свыше 160 духовных лиц. Все эти церкви с духовенством вновь были присоединены к Астраханской епархии. Сам епископ Гай был переведен на Саратовскую кафедру, оставив глубокий след в истории утверждения христианства на Северном Кавказе. «Объективно в его деятельности мы находим зерна, которые дали ниву для зарождения осетинской письменности... — писал профессор М.С.Тотоев. — История осетинской культуры обязана Гайозу (Такаеву) как зачинателю, как родоначальнику осетинской письменности, как первому автору осетинского

алфавита, пусть даже несовершенного и мало научного, но алфавита, запечатлевшего впервые осетинскую речь на страницах первой дошедшей до нас печатной книги, переведенной и изданной на осетинском языке, благодаря его трудам и хлопотам»⁷³. Не умаляя заслуг архиепископа Гая, справедливости ради отметим, что эту версию полностью опровергли изыскания профессора Б.А.Алборова, точку зрения которого впоследствии поддержал и историк З.Н.Гамрекели, выявивший дополнительные материалы, свидетельствующие о том, что перевел катехезис сын осетинского священнослужителя священник П.Генцауров (Хъесаты Пауле)⁷⁴.

Православному духовенству в Осетии на протяжении всего времени существования Осетинской комиссии приходилось противостоять, как уже указывалось, постоянным враждебным действиям кабардинцев, пытавшихся поддержать влияние ислама в Осетии. Так, в марте 1799 года, воспользовавшись упразднением Моздокской епархии и связанным с этим ослаблением позиций христианства в Осетии, кабардинцы крупной партией в 300 человек напали на село Каражаевское «Дугорского (Дигорского. — А.Х.) осетинского уезда», где в церкви вел проповедь «русский иеромонах Осетинской комиссии». Они разграбили церковь и изгнали из села иеромонаха вместе с находившейся при нем казачьей командой. Однако на этот раз «дерзкий поступок» кабардинцев не остался безнаказанным. По высочайшему повелению, генерал-лейтенант Кнорринг во главе сильного военного отряда двинулся в Кабарду и занял там несколько аулов. Это первое серьезное действие российских войск в защиту разоренной православной церкви привело кабардинцев в смятение, заставив их в дальнейшем вести себя более осторожно и сдержанно⁷⁵.

После упразднения Моздокско-Маджарской епархии к титулу Астраханского епископа было прибавлено наименование Моздокский и Кавказский. Первым архиереем, ставшим так именоваться, был архиепископ Платон Любарский, правивший кавказской паствой с 1800 по 1805 год.

С присоединением Грузии к России начался новый период в деле укрепления позиций христианства среди осетин.

В 1811 году кавказские власти озаботились серьезными успехами мусульманской проповеди среди горских народов. Проповедники ислама стали распространять фанатическую ненависть к христианству, как к одному из самых серьезных атрибутов российской власти на Кавказе, и эти действия необходимо было как-то нейтрализовать. Командующий войсками на Кавказе генерал Тормасов предложил использовать для обращения горцев в христианство иезуитов. Однако император Александр I выразил желание, чтобы для этой цели были найдены способные православные миссионеры. После чего в 1814 году была возобновлена деятельность Осетинской духовной комиссии, которая теперь находилась в Тифлисе и подчинялась учрежденному в 1811 году Грузинскому экзархату. В его ведение были также переведены из Астраханской епархии приходы с православным осетинским населением. Их число к этому времени заметно сократилось из-за участвовавших случаев «совращения» в ислам. На возрожденную комиссию указом Св. Синода были возложены те же обязанности, что лежали на прежней, Моздокской комиссии.

Реорганизованная Осетинская духовная комиссия, возглавленная архиепископом Досифеем, состояла из архимандрита, семи священников, пяти диаконов, пяти церковнослужителей и пяти светских лиц. Первоначально ее деятельность была направлена преимущественно на восстановление и распространение православия в Южной Осетии. В первый же год было обращено 14218 душ⁷⁶.

Особым оживлением в деятельности Осетинской духовной комиссии отмечен период, когда она была передана в 1817 году в подчинение экзарху Грузии архиепископу Феофилакту (Русанову). Предметом его особых забот являлись перевод богослужебных книг на осетинский язык, возобновление разрушенных и сооружение новых храмов, расширение и усиление миссионерской деятельности среди осетин,

«чтобы только путем убеждения приводить осетин к принятию христианства»⁷⁷. В короткий срок работа Осетинской комиссии была значительно улучшена. По предложению владыки Феофилакта Св. Синод в 1818 году составил ей новую инструкцию⁷⁸.

Обращение осетин в христианство теперь предписывалось вести только духовными средствами, не прибегая к мирским побуждениям и не входя в разбирательство мирских дел. Проповедь миссионеров следовало считать завершенной не прежде, чем обращенные пожелают иметь церковь и священников. Инструкция рекомендовала «идти на дело для благовестия без малейшей огласки и без конвоя и выдавать себя не за посланных от правительства, но за простых странников, желающих всем человекам спасения». Там же, где не примут христианской проповеди, рекомендовалось отходить с миром, «а где приемлется, там оставаться для научения и утверждения в вере». Проповедникам вменялось в обязанность «не преподавать крещения спешно, но удостоверяться многими опытами в искренности обращения»⁷⁹.

Во многом благодаря новым началам, положенным в основу деятельности Осетинской духовной комиссии, за время управления Грузинским экзархатом Феофилакта (1817–1821 годы) число новообращенных достигло 47100 человек. За этот же срок только для осетин было выстроено и восстановлено 29 православных храмов. Владыка Феофилакт обращал особое внимание на упорядочение богослужения среди горцев, которое велось в разных местах по-разному: на грузинском, армянском и даже на греческом языках.

Он привлек осетина Ивана Ялгузидзе (осет. гъуызаты Иуане) к переводу ряда книг духовного содержания. Вскоре в Тифлисе вышел на осетинском языке букварь, затем в 1820 году были изданы в одной книге утренние молитвы, катехизис и краткий молитвенник. Он же составил служебник и сокращенный требник, отпечатанные в Москве. Эти книги были разосланы по всем осетинским приходам, благо-

даря чему священники получили возможность служить литургию и обучать грамоте детей на осетинском языке⁸⁰. К примеру, в 1826 году в Дигорском приходе по этому букварю обучалось уже семь мальчиков, в Унальском приходе – восемь, учились по нему дети в с. Саниба, Джинат и др.

И.Ялгузидзе был сделан также при активном участии экзарха Феофилакта перевод Евангелия на осетинский язык. Его рукопись с одобрения Св. Синода была направлена в Российское Библейское общество для напечатания в количестве 2000 экз., что и было сделано, уже после смерти Феофилакта.

Значительные внешние успехи миссионерской деятельности Осетинской духовной комиссии не исключали, конечно, и недостатков и даже пороков, имевших, впрочем, субъективный характер. В отдельных случаях, по мнению протоиерея И.Беляева, «миссионеры побуждали осетин принимать крещение только путем раздачи денег и подарков без всякого научения догматам веры»⁸¹. Например, грузинский священник – миссионер Николай Самарганов показал в отчете, что он за один 1822 год крестил в Осетии 5 тыс. душ. «Но что то были за христиане, – замечает И.Беляев, – понять нетрудно. Новокрещенные из-за подарков крестились по несколько раз или в случае отказа в деньгах и подарках легко переходили опять в магометанство, т.к. христианство было для них в полном смысле неведомо». По рассказам стариков выяснилось, что Самарганов просто записывал в метрические книги имена всех осетин, фактически даже не совершая крещения. В 1828 году митрополит грузинский Иона следующим образом поучал в своем наставлении этого миссионера: «предлагать крещение горцам по довольном научении в вере и отнюдь не считать исполненным звание и долг свой в торопливом и скором сподоблении крещения; стараться внушать первее силу христианского учения и руководствовать ко всякому благонравию, без чего крещение, диким людям преподаваемое, будет величайшим злоупотреблением таинства веры христианской»⁸².

Проповедники-миссионеры требовали постоянного наблюдения и руководства со стороны грузинских экзархов, т.к. «дело в небрежении своими обязанностями доходило до того, что священники, считавшиеся на службе в Осетии и получавшие за это жалованье, жили большей частью в Грузии, приходы — ж свои — Осетию бросали на произвол судьбы»⁸³. Сам благочинный Самарганов, к примеру, жил в Карталинии и оттуда управлял осетинскими приходами. В 1829 году начальник войск в Кабарде Ушаков доносил митрополиту Ионе, что «в Дигорской области ни одного священника» не находится и неизвестно куда они более уже года как уехали; дети остаются без крещения и умершие погребаются без всякого христианского обряда»⁸⁴.

Естественно, что формальное исполнение своих обязанностей христианами проповедниками неизбежно влекло за собой усиление позиций ислама в Осетии, тем более, что она находилась в мусульманском окружении. Этому способствовало также и то обстоятельство, что те «из священников, которые желали удержать Осетию в христианстве, старались удержать их мерами исключительно административными», а не силой убеждения или достойным личным примером. Священники постоянно доносили о «явных действиях баделят осетинских к ослаблению ими православной религии между осетинами и к подавлению русских интересов в Осетии».

Так, в 1833 году благочинный священник Димитрий Канделаков и с ним еще шесть наличных священников жаловались Экзарху Грузии преосвященному Моисею «о недопущении священников новокрещенными прихожанами, по подстрекательству баделят, к исправлению у них христианских треб» и «о совращении новообращенных дигорцев при посредстве мулл в магометанство».

Экзарх Грузии обратился за помощью к начальнику российских войск в Кабарде генерал-майору Горихвостову и просил его «отклонить названных магометан и мулл от тако-

го их действия во вред православию». Однако, по всей видимости, эти уговоры были малодейственными и в следующем году экзарху вновь пришлось требовать от начальника российских войск в Кабарде полковника Перятинского «положить конец насилиям мулл». Более того, благочинному и священникам пришлось лично поехать к полковнику Перятинскому в Кабарду с просьбой защитить их от «обид и угнетений, делаемых им радетелями магометанства». После чего «Перятинский, разделяя жалобы священников, делает сильные внушения агитаторам мусульманства»⁸⁵.

В 1837 году другой благочинный Георгий Берзенов также донес Экзарху Грузии архиепископу Евгению, что старшины в Дигории препятствуют христианам совершать христианские обряды и что «они приводят из Кабарды мулл, которые обещанием подарков ведут христиан к совращению». Протоиерей Андрей Кульманицкий, посланный из г. Тифлиса в Дигорию для дознания по жалобе Берзенова, убедился в ее справедливости, после чего уже сам главноуправляющий в Грузии генерал-лейтенант Головин дал строжайшее предписание «воспретить старшинам вышеизложенные поступки их», а дигорскому приставу Казиханову поручено было «иметь за действиями старшин бдительнейшее наблюдение». Несмотря на обещания «никогда не делать никакого помешательства христианам к исполнению их обрядов», через короткое время священники вновь жалуются российским властям на противодействие баделят.

Священники Исаак Сухишвили, Иоанн Монаселидзе и Иоанн Гачечиладзе доносили архиепископу Евгению: «прихожане новокрещенные по большей части совратились в магометанство, оставшиеся же, смотря на них, запрещают им совершать в церкви священнодействия, что магометане смеются и ругаются над христианами, вступают в брак с новокрещенными осетинами и тем внушают им принять свою магометанскую веру...».

Противостояние баделят-мусульман и основной части свободного крестьянского населения в Дигории, имевшее

под конфессиональной окраской безусловную социальную основу, привело к тому, что в 1847 году христиане Стур-Дигорского прихода даже подали прошение экзарху Грузии, где жаловалась на притеснения и писали: «мы находимся среди волков-магометан, они, почитая свое сословие выше нашего сословия, угнетают нас христиан и свои силы простирают до того, что угрозами приводят христиан в магометанство»⁸⁶.

Было бы чрезмерным преувеличением обвинять осетинские социальные верхи в антироссийской направленности — большинство из них находились на службе в российской армии, имели высокие воинские чины и награды. Однако учитывая тот факт, что первыми приняли и исповедовали ислам представители именно социальной верхушки осетин, понятно, что утверждение здесь православия было менее всего в ее интересах.

Столкнувшись с такими сложностями, Осетинская духовная комиссия пришла к выводу, что основательное утверждение христианства среди осетин может быть достигнуто лишь подготовкой священнослужителей из местного населения. Для этих целей в сентябре 1836 года было открыто Владикавказское осетинское духовное училище. Цель воспитания детей в училище определялась «Правилами», в которых говорилось, что выпускники должны были восполнить острую нехватку церковнослужителей для осетинских приходов, «тем более, что таковые образованные священноцерковнослужители могут быть вместе и учителями в приходских училищах». Кроме того воспитанников предполагалось использовать, «смотря по испытанному уже усердию и способностям», в качестве миссионеров или проповедников «для горских же народов». Уже в первый год его деятельности в нем обучалось 34 ученика — 33 осетина и один ингуш. Для обучения детей на родном языке имелись по 50 экземпляров русского и осетинского букваря, а также катехизиса на осетинском языке. Учителем осетинского языка и закона

Божия был протоиерей грузин Шио Двалишвили, а инспектор училища Мжедлов был одновременно и учителем русского языка и арифметики.

Примечательно, что для поощрения воспитанников в получении дальнейшего духовного образования родителей их по приказу начальника Владикавказского военного округа освобождали от общественных повинностей – подводной и милиционерской. Более того, и в будущем местным начальникам предписывалось «всех родителей, дети коих отправлены будут из Владикавказского в высшие духовные училища, освобождать немедленно от общественных повинностей...».

Во многом благодаря этой мере, уже в 1848 году семеро воспитанников Владикавказского осетинского духовного училища поступили в духовные семинарии: в Екатеринославскую – Харитон Андиров и Тит Моргоев; в Воронежскую – Георгий Караев, Дмитрий Чехоев и Иларион Доев; в Тифлисскую – Петр Жукаев, а Василий Цораев поступил в Московскую духовную академию⁸⁷.

К сожалению, в 1863 году по жалобе воспитанников кавказскому наместнику на плохие бытовые условия в училище оно было закрыто.

Середина XIX века является важным этапом в истории православия в Осетии. Продолжающаяся Кавказская война и определенные успехи Шамиля в ней, усиление в связи с этим исламской пропаганды, сыграли вполне определенную негативную роль, замедлив, а в некоторых случаях и обратив вспять процесс укрепления позиций христианства в Осетии. В частности с 1845 по 1855 год из православия в ислам перешло сначала 141 семейство, затем 570 душ, позднее – 8 аулов с населением в 777 чел., и еще 323 чел.⁸⁸

В немалой степени успехам мусульманства в Осетии способствовал начальник Осетинского округа известный генерал Кундухов, ставший впоследствии одним из главных организаторов и идеологов переселения части осетин-мусульман в Турцию.

Известны его распоряжения, касавшиеся только осетин-христиан: так например, он приказывал штрафовать на 25 руб. каждого осетина-христианина, который женился без венчания или женился на несовершеннолетней девушке. Оставленный женой христианин также подвергался такому же штрафу. Все эти мероприятия должны были, по замыслу Кундухова, возбудить в осетинах-христианах, еще не окрепших в вере и только приучавшихся к православной обрядности, ненависть к вере, показать им, что требования христианской религии совершенно неисполнимы для осетин и, если мусульмане свободны от всех этих стеснений, «то только по превосходству их веры». Поддерживаемые и поощряемые им муллы также вели активную пропаганду против христианства. Женщинам они внушали не давать детям православных имен, говоря, что тогда он не будет долго жить. О школах, которые отрывали священники, они говорили, что всякий осетин, учившийся в них, будет отдан в солдаты.

По инициативе генерала Кундухова, кавказские власти предприняли попытку выселить осетин из Владикавказа, где они имели свой приход.

Несмотря на серьезное давление властей, владикавказские осетины категорически отказались выселиться, заявив, что они первые из горцев вступают в число граждан будущего города Владикавказа, и что «хотя не знают никакого ремесла, но при постоянной любви к труду, полагают дело для каждого найдется и надеются, что если не они, то по крайней мере дети их научатся каким-либо ремеслам...».

За владикавказских осетин вступился экзарх Грузии архиепископ Евсевий, который писал начальнику Главного штаба Кавказской армии в 1859 году, что переселение осетин из Владикавказа «может иметь неблагоприятные последствия для православной веры в Осетии и будет разорительно как для помянутых христиан, так и для казны». Кроме того, в 1857 году во Владикавказе был на 15 тыс. руб. серебром отстроен дом для размещения Осетинского духовного уездно-приходского училища, и к 1859 году там насчитывалось

97 учеников, две трети из которых осетины разместили в своих домах. «С переселением осетин в другое место, — указывал архиепископ Евсевий, — более двух третей учеников должны будут оставить училище, а самое училище, основанное во Владикавказе с особенною целью, должно будет расстроиться».

Против переселения владикавказских осетин самым решительным образом выступил и протоиерей Аксо Колиев. Более того, он возглавил лагерь противников выселения, в противовес Муссе Кундухову, исполнявшему на тот момент должность начальника Военно-Осетинского округа, и выступавшему если не инициатором, то деятельным сторонником выселения и не гнушавшемуся использовать в этом деле административную власть, бывшую у него в руках. Дело приняло характер открытого противостояния и дошло даже до публичных оскорблений между Колиевым и Кундуховым: встретившись с протоиереем, Кундухов пригрозил ему снести голову шашкой, если он не ослабит своих действий, противных духу ислама. На такую угрозу Колиев достойно ответил Кундухову, что он, Колиев, скорей отрубит ему ноги гусиным пером, если Кундухов не оставит христиан в покое.

Подоплека конфликта скрывалась в конфессиональной разобщенности осетинского народа, что безусловно самым отрицательным образом сказывалось на процессе формирования этнического единства и национального самосознания.

Активно выступая за выселение осетин и всячески ему способствуя, Мусса Кундухов преследовал целью помешать усилению роли христианства в Осетии, четко осознавая, что этим подорвет и надолго замедлит укрепление позиций православия здесь.

В частности, во Владикавказском ауле к тому времени уже много лет действовала церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная на народные пожертвования, и незадолго до того, как встал вопрос о выселении, осетины собрали 2000 руб. серебром на перестройку церкви, и выселение, безусловно, поставило бы крест на этих планах.

Пренебрегая интересами собственного народа, для которого городское будущее было реальной возможностью сделать новый, серьезный шаг в своем развитии и приобщиться к достижениям европейского образования и культуры, он всячески способствовал претворению в жизнь плана выселения соотечественников, цинично заявляя при этом: «Зная с давнего времени жителей Владикавказского аула во всех отношениях, я нахожу, что описанные ими полезные деяния для городской жизни, — есть только один пустой звук, потому что, непривыкшие к труду, редко кто захочет построить себе даже приличный дом, а по-прежнему жить будут в грязных своих саклях, заниматься воровством, кляузничеством и всякого рода развратом, так что эти мнимые горожане, кроме отягощения для города в поземельном отношении, будут составлять собою общество воров и разбойников в городе. А потому мнение мое таково, — что, несмотря на никакие просьбы и уверения в небывалых добродетелях жителей Владикавказского осетинского аула, я полагал бы выселить отсюда всех неблагонадежных людей...». В результате, часть жителей Владикавказского аула все-таки вынуждена была покинуть город⁸⁹.

Не будет преувеличением сказать, что именно усиление позиций ислама в Осетии и участвовавшие случаи перехода из православия в ислам явились одной из главных причин окончательного упразднения Осетинской духовной комиссии и открытия в 1860 году Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Идея учреждения Общества принадлежала кавказскому наместнику князю А.И.Барятинскому.

Обосновывая мотивы создания такого учреждения в своей докладной записке Кавказскому комитету в Петербурге он писал:

«Под русским владычеством христианство осетин, хевсуров, сванетов и абхазцев осталось в таком положении, как если бы Кавказ не принадлежал христианскому государству. В первые тридцать лет своего владычества на Кавказе прави-

тельство не обращало на этот предмет внимания; в последние двадцать пять лет, розлив в горах мюридизма, проникшего в Осетию, вызвал с нашей стороны несколько мер, чтобы остановить успехи врага, надобно было подумать о том, что, с обращением осетин к тарикату, нам пришлось бы пробиваться чрез Военно-Грузинскую дорогу, как чрез ущелье Дагестана. В тридцатых годах мюридизм еще не проникал в осетинские горы, но между осетинами, расселившимися по казбекской плоскости, значительнейшие семейства уже приняли коран, пример их был заразителен для осетинского населения. Фанатики, пробиравшиеся из Дагестана, не щадили никаких усилий, чтобы бросить в Осетии семена мюридизма»⁹⁰. Князь А.И.Барятинский представил на высочайшее рассмотрение и Устав Общества. По этому уставу общество должно было состоять «из лиц обоего пола всяких состояний, обязывающихся вносить ежегодно известную сумму на сооружение и содержание церквей и духовенства в кавказских горах, на образование достойных проповедников слова Божия и производство вообще всех расходов, ведущих к распространению Православной веры между дикими кавказскими племенами».

Председателем Общества назначался кавказский наместник, а вице-председателем Экзарх Грузии. В Совет Общества должны были стекаться все денежные суммы Общества восстановления православного христианства на Кавказе и о их расходовании управление обязано было ежегодно отчитываться непосредственно перед императором. В обязанности Совета Общества как его главного распорядительного органа входило: «учреждение особых классов при семинариях, как столичных, так и местных, для образования духовных лиц, предназначенных для проповеди слова Божия в горах... сооружение и содержание церквей... в тех горских племенах, где в настоящее время возможно восстановление христианской веры; заведение школ при церквах и монастырях... пе-

ревод св. Писания, катехизиса и молитвенников, сначала на языки **осетинский** (выделено нами. — А.Х.) и сванетский, а потом и на все кавказские наречия».

Совет Общества должен был заботиться о том, чтобы в школы на должности учителей «определялись на хорошем жалованье наставники способные, опытные и с доброю нравственностью», а надзор за школами поручался «в Осетии назначенному туда ... архимандриту; в других отдаленных от Тифлиса местах, местным благочинным...».

В соответствии с размером ежегодного денежного взноса, все члены общества делились на четыре разряда. При этом определялся только минимальный размер взноса для каждой степени: для члена Общества первого разряда он должен был быть не менее 1000 руб., для второго — не меньше 500 руб., а для третьего и четвертого — не менее 200 и 20 руб. соответственно в год.

Кроме взносов от членов, Общество должно было открывать ежегодную общую подписку по всей России для того, чтобы «каждый русский, ревнующий к делу распространения православной веры во славу Отечества, мог принести ему свою лепту»⁹¹.

9 июня 1860 года в Царском Селе на имя князя Барятинского была высочайше утверждена грамота, по которой учреждалось Общество восстановления православного христианства на Кавказе.

«Православная христианская вера, — говорилось в царском указе, — в древние времена была господствующей в тех местах Кавказа, где ныне преобладает магометанство. В горах, однако же, до сих пор сохранились многие остатки бывшего, но не угасшего еще там света христианства. С покорением Кавказа, желая действовать путем убеждений, распространяя в горах слова Евангелия, мы признаем полезным призвать к участию в этом великом деле всех ревнителей православия. Учреждая с этой целью особое общество под названием: Общество восстановления православного христи-

анства на Кавказе, мы утвердили составленный вами и рассмотренный Кавказским комитетом проект устава сего общества»⁹².

Важнейшим направлением деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе, особенно благотворно отразившимся на культуре осетинского народа, стала ее просветительская деятельность.

К 1869 году в ведении Общества состояли уже начальные школы четырех типов: одноклассные, двухклассные, трехклассные и воскресные школы для взрослых.

К 1871 году во Владикавказском округе действует уже 15 сельских школ с общим числом учащихся в 470 человек, а в 1874 году школ уже 20, из которых пять женских – Ольгинская (30 чел. учащихся), Хумалагская (20 чел. учащихся), Дарг-Кохская (27 чел.), Ардонская (10 чел.) и Салугарданская (30 чел. учащихся). Общее число учащихся достигает 581 чел.

Всестороннее исследование роли Общества восстановления православного христианства на Кавказе в сложном и достаточно длительном процессе укрепления христианства в Осетии еще предстоит провести, поэтому, в качестве заключения, сделаем некоторые предварительные выводы.

Политика христианизации в целом не имела насильственного характера. Началась она в середине XVIII века, когда в самой России изменилась общественно-политическая ситуация, стали распространяться идеи Просвещения и веротерпимости. Тогда же изменилась и религиозная политика: была разрешена деятельность нехристианских конфессий, принимались попытки компромисса со старообрядцами, осуществлялся поиск новых путей и методов миссионерской деятельности. В XVIII веке миссионерская деятельность приобретает уже государственный характер.

Безусловно, в миссионерской деятельности были серьезные проблемы. Представители правящей элиты осетинского общества, так же как и соседние народы, были носителями исламской культуры, и несмотря на серьезный христианский

пласт в традиционной культуре и верованиях осетин, усилия российских властей по возрождению и укреплению христианского наследия встречали определенное сопротивление. Опыт его преодоления христианская церковь имела со времен средневековья, но он нуждался в серьезном обновлении, — старые средства не годились, а новые часто не давали ожидаемых результатов.

Распространение и укрепление христианства среди осетин ускорило и, в некоторой степени изменило процесс консолидации этноса. Церковь сыграла интегрирующую роль, способствовала культурному сближению с Россией, хозяйственному взаимообмену, распространению грамотности. Большое значение имели морально-регулятивная и этическая функции церкви, т.к. любой народ сохраняется в воспроизводстве присущего ему образа жизни.

К началу XIX века одновременно с повышением образовательного уровня миссионеров усложняются и расширяются задачи миссионерской деятельности: от внешних, формальных приемов христианизации переходят к проповедническим, просветительским. Приходят к выводу о необходимости привлечения к церковной службе представителей местного населения и ведения службы на осетинском языке, что способствует, в свою очередь, созданию церковно-приходских школ и распространению грамоты.

Особо значительна просветительская роль церкви, — распространение грамоты, открытие школ, а переводы священнослужителями христианских текстов и первые печатные издания на осетинском языке стали важнейшим звеном для последующего создания осетинской письменности.

Роль христианской церкви в истории осетинского народа до сих пор изучена недостаточно и предстоит еще немало сделать, чтобы до конца ее осмыслить. Это тем более важно, потому что в Российском государстве православие служило важной цивилизационной основой полиэтнической общности, сближая различные народы, бытовые уклады, ментальности и мировоззрения и обеспечивая на евразийском про-

странстве устойчивую межэтническую солидарность. Современные подходы цивилизационных исследований безоговорочно признают за религией (в частности, христианской) роль ключевого системообразующего фактора культуры и цивилизации, оказывающего первостепенное влияние на самоидентификацию культурно-исторических общностей. Именно религия, не претендуя на охват всей совокупности духовного производства, создает особый социокультурный механизм, обеспечивающий поддержание в данной цивилизационной общности типа духовности и его согласование с другими формами социальной регуляции.

-
- 1 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. I, II; 1874. Т. V; 1893. Т. XII, ч. II.
 - 2 *Акртас П.Г.* Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки / Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик, 1959. Т. XVI. С. 154.
 - 3 *Алексеева Е.П.* Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды / Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск, 1954. Вып. II. С. 117–118.
 - 4 *Ее же.* Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // Труды / Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск, 1959. Вып. III. С. 153.
 - 5 *Гатев А.* Христианство в Осетии. Владикавказ, 1901. С. 4.
 - 6 *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 145.
 - 7 *Васильев А.П.* Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской семинарии. Ставрополь, 1896.
 - 8 *Цаголов Г.* Культурное движение среди осетин // Северный Кавказ. Ставрополь, 1900. № 11. С. 17.
 - 9 *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 324.
 - 10 *Его же.* Два византийских креста из Алании // Советская археология. 1971. № 2.
 - 11 *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. I. С. 143.
 - 12 ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. С. 109.

- 13 Русско-осетинские отношения в XVIII веке / сост. М.М.Блиев. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 30.
- 14 Там же. С. 52.
- 15 Там же. С. 38.
- 16 Там же.
- 17 Материалы по истории осетинского народа: сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Орджоникидзе, 1942. Т. 2. С. 119.
- 18 Цит. по: *Блиев М.М.* Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе, 1964. С. 37.
- 19 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 98.
- 20 Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. С. 127.
- 21 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 121.
- 22 Об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 188.
- 23 История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 277.
- 24 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 32, 41.
- 25 Там же. С. 56.
- 26 Там же. С. 95.
- 27 *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1, 2-я пол. С. 1.
- 28 Там же. С. 2.
- 29 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 56.
- 30 *Ключков В.* Закон и религия. М., 1982; *Церковь в истории России.* М., 1987.
- 31 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 29.
- 32 Там же. С. 56.
- 33 ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. С. 133.
- 34 Там же. С. 458–459.
- 35 Там же. С. 133.
- 36 Там же. С. 458–459.
- 37 Там же. С. 133.
- 38 Там же. С. 46.
- 39 Там же. С. 56.
- 40 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 81.
- 41 *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 175.
- 42 *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 2. С. 141.
- 43 *Беляев И.* Русские миссии на окраинах. СПб., 1900. С. 117.
- 44 *Бутков П.Г.* Указ. соч. СПб., 1869. Ч. 1. С. 437.
- 45 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Орджоникидзе, 1984. Т. 2. С. 235.
- 46 Там же. С. 234–235.
- 47 Там же. С. 235.

- 48 Там же.
- 49 Там же. Т. 1. С. 58.
- 50 Там же. С. 76.
- 51 Там же. С. 88.
- 52 Там же. С. 92.
- 53 Там же. С. 243.
- 54 Материалы по истории Осетии / сост. Г.А.Кокиев. Орджоникидзе, 1933. Т. 1. С. 115.
- 55 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 341.
- 56 Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. С. 77.
- 57 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 384.
- 58 Материалы по истории осетинского народа. Т. 5. С. 40.
- 59 Там же. С. 37, 43.
- 60 *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 441.
- 61 Материалы по истории осетинского народа. Т. 5. С. 401.
- 62 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 2. С. 385.
- 63 Там же. С. 332.
- 64 *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 437–438.
- 65 Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 2. С. 314.
- 66 Там же.
- 67 Там же. С. 262.
- 68 *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 259.
- 69 Там же. С. 263.
- 70 Моздокско-Маджарское викариатство в Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. 1880. № 32.
- 71 Материалы по истории осетинского народа. Т. 5. С. 54.
- 72 Там же. С. 78.
- 73 *Тотоев М.С.* Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1962. С. 24.
- 74 *Алборов Б.А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979. С. 12–51; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / документы подобрал, подготовил к печати и предпослал им исследование В.Н.Гамрекели. Тбилиси, 1968. С. 88–91.
- 75 *Малицкий П.* Руководство по истории Русской церкви. Пг., 1916. С. 29.
- 76 *Беляев И.* Указ. соч. С. 116.
- 77 *Доброклонский А.* Руководство по истории Русской церкви. М., 1893. Вып. IV. С. 73.
- 78 *Беляев И.* Указ. соч. С. 117.
- 79 *Гатиев А.* Указ. соч. С. 44.
- 80 *Беляев И.* Указ. соч. С. 119.
- 81 Там же. С. 120.
- 82 Владикавказские епархиальные ведомости. 1896. № 2. С. 188–189.

- 83 *Гатуев А.* Указ. соч. С. 49.
- 84 Там же. С. 50.
- 85 *Беляев И.* Указ. соч. С. 120.
- 86 Материалы по истории осетинского народа. Т. 5. С. 82.
- 87 *Беляев И.* Указ. соч. С. 162.
- 88 ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 8. Д. 9. Л. 65–68.
- 89 Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910. С. 92.
- 90 Там же. С. 97–98.
- 91 Там же. С. 100.
- 92 Материалы по истории осетинского народа. Т. 5. С. 131.

КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ В XIX ВЕКЕ: АДАПТАЦИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ханы и султаны составляли отдельную феодальную группу и не входили в состав казахской родовой общины. В Казахстане до 20-х годов XIX века существовала ханская власть и султано-бийское управление, хотя оба эти института начиная с XVIII века претерпели значительные изменения. Казахские ханы по традиции избирались из султанов, и их власть передавалась по наследству. Вопрос о том, к кому должна переходить власть, решало экономическое и политическое положение претендента¹.

Падение экономического и политического влияния казахских ханов в XVIII — начале XIX века имело следствием постепенную ликвидацию ханской власти в Младшем и Среднем казахских жузах и, позднее, в Букеевском ханстве. Ханская власть была ликвидирована в Младшем жузе в 1821 г., но законодательно это было оформлено в 1844 г. Одновременно была ликвидирована ханская власть в Среднем жузе, в Букеевском ханстве ханская власть была ликвидирована в 1846 г.

После ликвидации ханской власти царизм в Младшем и Среднем жузах опирался на группу султанов. В начале XIX века она была наиболее сильной в экономическом отношении и организованной феодальной группой². В начале XIX века, опасаясь, что лишение феодальных прав султанов может привести к волнениям, царское правительство передало султанам административную власть в среднем звене управления, оставив за собой верховную власть в управлении областями. Во второй четверти XIX века начинает па-

дать экономическое и политическое влияние султанов. Все устройство системы управления казахской степью было направлено на ограничение феодальных прав султанов, превращение их в служилых чиновников местного аппарата управления. Привилегии были сохранены только за султанами, находившимися на государственной службе и получившими от правительства потомственное дворянское звание. Большая часть султанов фактически была приравнена в правах к основной массе казахского населения. Часть кочевых коллективов, возглавляемых феодалами — противниками нового устройства, боровшимися за восстановление ханской власти и сохранение своих прав и привилегий, оказала сопротивление, которое к середине XIX века было подавлено.

Царское правительство, упразднив ханскую власть создало новый аппарат управления в крае. Например, в Области сибирских казахов округа были подчинены Омскому областному правлению. Был введен коллегиальный порядок деятельности этого высшего административного органа в степи. Во главе округов были поставлены окружные приказы, где под председательством старшего султана присутствовали два российских заседателя по назначению и два из почетных казахов по выбору. Старшие султаны избирались только султанами. Старший султан имел чин майора российской службы и считался земским чиновником, поставленным во главе местного управления. За девятилетнюю службу старший султан получал дворянское звание. В случае отставки или срочной смены он оставался в числе почетных султанов. Старший султан был обязан действовать только через окружной приказ. Правами членов приказа пользовались: старший султан (председатель) и четыре заседателя. Правом участия в рассмотрении основных вопросов в приказе пользовался также начальник казачьего отряда, расквартированного при ставке старшего султана.

Коллегиальный порядок рассмотрения вопросов в приказе давал возможность царской администрации ограничивать

власть старшего султана и осуществлять через него административные мероприятия. Старший султан должен был заботиться о «сохранении тишины и порядка» в округе и о благосостоянии местного населения. Управлял округом старший султан через окружной приказ, который должен был распространять просвещение среди населения, способствовать развитию его хозяйства, искоренять грабежи и барымту (угон скота), в случае нарушений и злоупотреблений вести суд и следствие, в случае волнений в степи организовывать разъезды и пикеты, но только с полицейскими полномочиями.

Окружной приказ должен был собирать сведения о местной администрации в округе, количестве народонаселения, о землях, занимаемых волостями и аулами, и о всех транзитных караванах. Окружной приказ подчинялся областному правлению³.

В волостном и аульном звеньях управления коллегиальность не соблюдалась. Во главе волостей стояли волостные султаны. Звание волостных султанов считалось наследственным, право их на управление передавалось по прямой нисходящей линии и по первородству. Общество могло производить перевыборы, но с согласия Омского областного правления. Если султан не имел наследника, то его брат или родственник могли занять его место, но по выбору волости и с утверждения областным правлением. Султаны, не управлявшие волостями, звание сохраняли, но в дела управления вмешиваться не имели права. Волостные султаны имели звание чиновников 12-го класса и пользовались правами волостного головы. Они подчинялись окружному приказу, и их власть была исполнительного характера: выполнение приказов и постановлений окружного приказа и выполнение судебных приговоров⁴.

Аульные старшины избирались жителями (султаны в выборах не участвовали) через каждые три года, утверждались окружным приказом, отменить выборы могло лишь началь-

ство области. Старшинам чинов не полагалось, они в правах приравнивались к сельским головам, подчинялись волостным султанам, исполняли их приказания и были обязаны представлять им сведения о своем ауле⁵.

Известно, что М.Сперанский в своем проекте «Плана государственных преобразований» выступал сторонником выборной системы в государстве. Его личные взгляды сыграли определенную роль при включении в «Устав о сибирских казахах» 1882 г. суда биев и начал выборной системы. Предложение было одобрено в правительственных верхах, так как предполагалось, что оно облегчит управление огромной территорией Области сибирских казахов. Это была пограничная область империи, и царское правительство стремилось создать здесь гибкую систему управления, подконтрольную центру, в то же время обладающую достаточным влиянием в казахском обществе и способную проводить его политику.

При этом контроль над выборами, особенно при избрании старших султанов и волостных управителей, был полностью в руках правительства. Обычно на выборах выдвигались кандидатуры от нескольких кочевых групп, но право утверждения в должности Омским областным правлением делало выборы формальными. Хотя в Уставе и подчеркивалось, что волостные управители избираются «целой волостью», право наследства и пожизненная несменяемость волостных управителей также сводила выборы на нет.

Если закон нарушался при выборе старших султанов, то еще проще обстояло с выборами волостных султанов. При открытии округов число волостных управителей — султанов и представителей других сословий было почти равным, а со временем возросла разница в пользу лиц несултанского происхождения.

Постепенно царское правительство вводило в аппарат местного управления старшин-родоуправителей. В письме председателя Омского областного управления С.Б.Броневского генерал-губернатору Западной Сибири было дано сле-

дующее разъяснение: «Хотя по уставу о киргизах (казахах. — *Н.Б.*), высочайше утвержденному, и должны допущены быть к управлению в волостях и приказе султаны, но как волости Тротуыльская, Канжыгалинская и Басентеинская не имеют у себя таких, кои бы достойны были занять должности, то и разрешить согласно желанию народа на определение бия Шона Едигина председателем в приказе в качестве старшего султана, а прочих правителей по выборам самих киргизов»⁶.

Правительство, приступая к постепенной ликвидации прав и привилегий казахской феодально-родовой знати, стремилось постепенно уравнивать ее в правах с рядовыми кочевниками. Последние имели право зачисляться в сословия крестьян, купцов и мещан. В «Уставе об управлении инородцами» от 22 июня 1822 г. об этом говорилось следующее: «Кочевые инородцы составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оногo в образе управления... Позволяется кочующим, если некоторые из них водворятся оседло, по собственной их воле вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываться в гильдии, на установленных правилах, без всякого ограничения и стеснения и притом с свободой от рекрутства» (§ 24, 57). В «Уставе о сибирских казаках» 1822 г. разрешалось казакам «переходить в другое государственное сословие, селиться внутри империи, вступать в службу и записываться в гильдии, где пожелают, на общих правилах... Вступая в сословие, обязанное платежом податей, пользуются киргизы (казахи. — *Н.Б.*) пятилетнюю льготой и свободой от рекрутства» (§ 270, 272)⁷.

В указанном районе была также введена новая судебная система. Суд не был отделен от администрации. Органы местной власти были наделены преимущественно полицейскими функциями. Они производили розыск, следствие и задержание лиц, совершивших то или иное преступление. По «Уставу о сибирских казаках» 1822 г. все судебные дела делились на три категории: уголовные, исковые, по жалобам

на управление. К уголовным делам относились: государственная измена, убийство, грабежи, барымта и «явное неповиновение установленной власти». Все остальные виды правонарушения, в том числе кража скота, считались исковыми. Уголовные дела рассматривались в окружных приказах на основании общих законов империи. Предварительное следствие проводилось одним из русских чиновников с участием казахского бия, выделенного властями. В течение первых лет после организации округов официально дела о барымте разбирались биями под контролем чиновников из окружного приказа⁸.

В связи с феодально-монархическим движением в 20–40-х годах XIX века усиливалась роль военных судов, а также власть военных и областных начальников. Все заподозренные в участии в волнениях по решениям и без решения судов, а во многих случаях распоряжениями военного губернатора или областного управления, ссылались в отдаленные районы Сибири, отдавались в солдаты, направлялись на принудительные работы. Военные суды группами приговаривали к смерти, в особенности участников движения султана К. Касымова. Указом 1852 г. казахи за убийство, грабежи и барымту передавались военному суду.

В отличие от уголовных исковые дела разбирались биями в аулах и волостях на основании местных обычаев. Суды биев подразделялись на инстанции: родовые, подродовые, аульные. Бии в первой четверти XIX века еще прочно удерживали свои позиции. Связь бийских судов с официальными органами власти и надзор за их деятельностью со стороны последних со временем привели к фактическому огосударствлению значительной их части. Все большее отражение находили в их решениях интересы царской администрации. Существование судов биев не препятствовало планам правительства. Постепенно многие из биев были превращены в разновидность местных государственных чиновников, что было закреплено в последующих законодательных реформах.

Одни бии приближались к положению судебных чиновников и назывались «новыми биями»; другие придерживались традиционных правил и именовались «старыми биями», они имели большой авторитет при решении дел.

В 30–50-х годах XIX века был принят целый ряд новых законодательных актов. Царское правительство стремилось добиться в административном устройстве большей централизации власти и усиления контроля над местным управлением⁹. В этот период усилился кризис феодально-крепостнического строя в России, что вызвало установление своеобразной военно-полицейской диктатуры с крайней централизацией распорядительной и исполнительной деятельности. Одновременно с принятием 6 апреля 1838 г. «Положения об отдельном управлении сибирскими казахами» была проведена в жизнь реформа П.Д.Киселева, в результате которой был создан огромный, разветвленный аппарат по управлению государственными крестьянами. Киселев стремился подчинить хозяйство государственных крестьян системе правительственной опеки. Попечительный абсолютизм — система недоверия к трудящимся массам, стремление вмешиваться в детали управления — характерен для царствования Николая I. Путем распространения на казахов порядков, установленных для государственных крестьян, правительство как бы стремилось уравнивать эти две группы населения.

В 1838 г. для общего управления сибирскими казахами было создано отдельное ведомство под названием Пограничного управления сибирскими казахами. Во главе управления областью был поставлен пограничный начальник, председатель Пограничного управления и четыре советника, в числе которых один казахский чиновник. При пограничном начальнике находились: старший адъютант-аудитор и штаб-лекарь. Во главе округов по-прежнему стояли старшие султаны, во главе волостей — волостные управители, во главе аулов — аульные старшины. Несколько изменился поря-

док подчинения и степень их власти. Пограничный начальник и председатель Пограничного управления назначались и увольнялись царскими указами. Пограничный начальник подчинялся генерал-губернатору Западной Сибири и имел власть гражданского губернатора и дивизионного начальника для местных войск. Он имел право на переговоры с представителями соседних государств по пограничным делам, но решения согласовывал с генерал-губернатором, а тот — с МИД. Пограничный начальник стоял во главе Пограничного управления. Его советники, в том числе и казахский асессор, чиновник для особых поручений и секретарь, назначались и увольнялись генерал-губернатором¹⁰.

Местное управление осталось без изменений. Старшие султаны избирались на три года, но утверждались они теперь генерал-губернатором Западной Сибири с одобрения пограничного начальника¹¹.

Централизация в управлении Областью сибирских казахов повысила роль царской администрации в степи¹². В середине XIX века, когда феодально-монархические движения были окончательно ликвидированы, в Области сибирских казахов стали проводиться в жизнь новые административные мероприятия. Были расширены судебные права биев. Они имели право приговаривать виновных, помимо штрафа, к наказанию розгами и аресту от 7 дней до одного месяца. Делались исключения для семидесятилетних, старших султанов, должностных лиц, имеющих чины, награды, и больных¹³. Расширяя права биев, царское правительство ввело ограничения при занятии этой должности: звание биев сохранялось у тех, кто его имел, но в будущем оно предоставлялось только султанам и старшинам, прослужившим 6 лет, лицам, имеющим награды, и всем должностным лицам. Местный суд был поставлен под контроль правительства, передан в руки лиц, зависимых от русской администрации. Еще считаясь с местными законами (адатом), царское правительство готовило почву для введения в степи общеимперского судопроизводства.

В 1855 г. был пересмотрен вопрос об избрании старших султанов. По положению Сибирского комитета «О порядке избрания по сибирской степи» в старшие султаны избирались лица не только султанского происхождения, но и волостные управители, заседатели окружного приказа с трехгодичным стажем службы, а также все лица в офицерском чине. Расширен был круг избирателей старших султанов, наряду с султанами теперь избирателями могли быть казахские офицеры и почетные казахи с девятилетним сроком службы. Начала также практиковаться в этот период замена старших султанов в окружных приказах русскими чиновниками. Во главе Кокпектинского и Сергиопольского округов по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири были поставлены русские чиновники из военных штаб-офицеров, старшие султаны при них исполняли обязанности товарищей председателя приказа¹⁴.

Была изменена система выборов волостных султанов. Если на эту должность ранее избирались только султаны и это право было наследственным, передавалось по прямой линии и первородству, то по положению Сибирского комитета от 4 апреля 1861 г. «Об изменении порядка выборов волостных управителей в Киргизской степи и Семипалатинской области» это право было отменено. Волостными султанами могли теперь быть избраны лица, имеющие офицерские чины, знаки отличия, и каждый, кто пользовался «особым уважением народа». Было расширено избирательное право. Помимо султанов могли избирать также лица, имевшие чины и знаки отличия, аульные старшины, почетные бии и пять зажиточных казахов из каждого аула¹⁵. Волостные управители избирались на неопределенное время. В 1866 г. Государственный Совет уточнил срок службы волостных управителей до трех лет с правом переизбрания на следующий срок¹⁶.

Законодательные акты 1867–1868 гг. закрепили юридически ограничение прав местной аристократии, что отвечало задачам царского правительства по превращению кочевых,

полукочевых и оседлых народов края в сословие государственных крестьян. Этому способствовала централизация власти и сосредоточение в руках русского чиновничества главных функций в системе управления краем. Волостное и аульное управление было построено на началах крестьянского самоуправления. Общественное управление в волостях и аулах было подробно разработано и создавалось по образцу крестьянских волостных и сельских сходов с отступлениями, связанными с кочевым и полукочевым бытом населения и разбросанностью зимовок.

Волостные и аульные начальники в своих правах и обязанностях были уравнены с крестьянскими волостными старшинами и сельскими старостами, на них были возложены полицейские и распорядительные функции в пределах волости и аула, им присвоено было право созывать, руководить и распускать волостные и аульные сходы, а также право административных взысканий за неисполнение их распоряжений. Разница была только в системе подчинения: волостные управители утверждались губернаторами, а аульные старшины — уездными начальниками, сельские же старшины вступали в должность без утверждения. Из этого сравнения следует, что местное управление в крае находилось под более четким контролем. Правительство контролировало самоуправление даже в низовых звеньях местного аппарата в Казахстане и Средней Азии.

Установив специальные органы для заведования общинными делами — волостные и аульные сходы, законодательные акты 1867—1868 гг. наметили, хотя в недостаточно, круг действий этих органов. Новая выборная система была во многих чертах тождественна выборной системе в русской деревне Европейской России, где обеспечивала место в общественном управлении наиболее зажиточной части населения. Новая система управления способствовала укреплению царского правительства в Казахстане и Средней Азии.

В 1867—1868 гг. в крае было введено новое устройство суда. Казахи судились военным, народным судом и на осно-

вании общих законов империи. Военным судом казахов судили за измену, побуждение к сопротивлению и сопротивление властям, нападение на почтовые и казенные транспорты, повреждение телеграфов, убийство должностных лиц. По общим уголовным законам империи судили за убийство, грабеж, барымту, нападение на купеческие караваны, побег за рубеж, поджоги, изготовление фальшивой монеты и преступления по должности чиновников местного управления. Все прочие дела решались народным судом.

Органами судебной власти являлись уездный судья, военно-судные комиссии, областные правления, Правительствующий сенат.

Уездный судья исполнял обязанности мирового судьи в уезде на основании судебных уставов от 20 ноября 1864 г. Он назначался правительством. Его приговоры по уголовным делам были окончательны, когда он выносил выговоры, замечания, сажал под арест на три дня и присуждал штраф до 100 руб. По гражданским делам он решал тяжбы и иски не свыше 2 тыс. руб. При решении дел обратившихся к нему казахов он должен был руководствоваться совестью, местными обычаями и общими гражданскими законами.

Областное правление действовало на основании общих уголовных законов России, на правах съезда мировых судей и Палаты уголовного и гражданского судов. Съезда мировых судей в степи не было, но на правах такого съезда областное правление контролировало деятельность уездных судей. Оно решало дела на сумму свыше 2 тыс. руб.

Военно-судные комиссии решали дела о государственной измене, выступлениях против правительства, нападениях на почту и военные транспорты, убийстве христиан и должностных лиц. Военно-судные комиссии были созданы для быстрого решения неотложных дел.

Был сохранен народный суд с биями по выбору. Областное правление определяло число биев с таким расчетом, чтобы в каждой волости находилось от четырех до восьми

биев, по одному на аул. Выборы проходили в присутствии уездного начальника. Бии разбирали все гражданские и уголовные дела, за исключением дел, переданных общеимперским судам: против личности, крупные имущественные дела, преступления в области семейно-брачных отношений. Бием мог быть избран каждый не моложе 25 лет, не имеющий судимости. Выбранные утверждались губернатором, вместо жалованья они получали с повинного бийлык — десятую часть суммы, присужденной по иску. Суд биев производился гласно и публично. Было три инстанции народного суда: 1) единоличный суд бия, рассматривавший дела с иском на сумму не свыше 300 руб. (15 лошадей или 150 баранов), и притом окончательно до 30 руб.; 2) волостные суды биев решали дела независимо от иска, но окончательные решения выносились по делам до 500 руб. (25 лошадей или 250 баранов); 3) чрезвычайные съезды биев решали дела между несколькими волостями уезда, собирались они уездным начальником, и их решения были окончательны¹⁷.

Правительство стремилось урезать права суда биев, передавать наиболее важные гражданские и уголовные дела русскому суду. Но несмотря на эти ограничения, большая часть дел в степи продолжала решаться казахским судом. Суд биев был популярен не только среди казахов, к нему нередко прибегали и русские жители края по спорным делам с казахами. Царское правительство сохранило суд биев, но не на прежней основе, когда должность бия считалась наследственной. Суды биев могли обеспечивать защиту экономических и политических интересов нарождавшейся национальной буржуазии. Выборное начало суда биев обеспечивало места в нем прежде всего зажиточной части населения. Кроме того, утверждение биев губернаторами и наблюдение за их деятельностью со стороны уездного начальника обеспечивали надежный контроль. Признание прав народных судов на выборной основе ослабило влияние родоначальников, защищавших интересы бийства, объективно способствовало развитию новых форм хозяйства, усиливало диффе-

ренциацию общества, более отвечало интересам царской политики в крае.

Законодательные акты 1867–1868 гг. радикально изменили политико-административное управление краем. В области социальной политики правительство отказалось от союза с феодальной знатью и юридически оформило права нарождавшейся национальной буржуазии. В области земельной политики правительство перешло к ограничению землепользования у кочевников и полукочевников. В области судебной политики правительство сохранило народный суд биев с выборной основой, но поставило его под контроль. Царское правительство, называя эти реформы временными, проводило их твердо и последовательно. Эти реформы имели переходный характер.

25 марта 1891 г. было принято «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями». В Семиреченской и Сырдарьинской областях действовал проект положения, данный в 1867 г. в руководство туркестанскому генерал-губернатору; в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях – «Временное положение» 1868 г. Подчинялись эти области генерал-губернаторам: оренбургскому, западносибирскому.

В 80-х годах произошли некоторые изменения: 11 июля 1881 г. было упразднено Оренбургское генерал-губернаторство, а главное управление Уральской и Тургайской областями перешло к МВД; 18 мая 1882 г. были упразднены Западносибирское генерал-губернаторство, должность западносибирского генерал-губернатора и Совет главного управления Западной Сибири. По Указу 28 мая 1882 г. было создано Степное генерал-губернаторство и введена должность степного генерал-губернатора, которому подчинялись Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области, последняя была изъята из ведения туркестанского генерал-губернатора. Области, вошедшие в состав Степного генерал-

губернаторства, управлялись по положениям 1867–1868 гг., которые не получили законодательного утверждения и, хотя испытательный срок закончился, управлялись на основании временных постановлений¹⁸.

В 1883 г. Государственный совет в соединенных департаментах законов и государственной экономии решил, что существующее положение требует изменения.

Функции степного генерал-губернатора не были четко определены, включали особые права по военно-народному управлению в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, а в остальных областях определялись положениями 1867–1868 гг. Была образована Комиссия под председательством товарища министра внутренних дел сенатора Плеве. Большая работа была проделана в Комиссии чиновником Гирсом.

По «Степному положению» 1891 г. в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областях была принята судебная система, предусмотренная «Положением об управлении Туркестанским Краем» от 12 июля 1886 г.¹⁹ Вводились общеимперские суды, действовавшие по общегосударственным законам, и суды биев, руководствовавшиеся при решении дел нормами адата – обычного права. Общеимперские суды включали мировых судей, окружные суды и мировые суды – высшая инстанция судебной власти в области. Мировые судьи были введены в Казахстане в 1886 г. согласно судебной реформе 1864 г. Назначались и смещались мировые судьи Министерством юстиции при соглашении со степным генерал-губернатором. Мировые судьи были во всех уездах областей и городах Омске, Семипалатинске, Верном и Уральске. Они решали все уголовные дела, за исключением тех, которые касались лишения или ограничения прав состояния, и пользовались широкими полномочиями при решении гражданских дел. Суд биев был единоличным и коллективным, когда решение дела выносилось на волостные или чрезвычайные съезды биев.

Бием мог быть избран каждый, кто пользовался уважением и доверием народа, не подвергался суду, аресту или денежному взысканию. Избранных биев утверждал губернатор, он же назначал чрезвычайные съезды биев для решения дел жителей разных уездов или волостей.

Значительная перестройка судебных органов в крае произошла на основании «Временных правил» от 2 июля 1898 г. о применении судебных уставов 1864 г. в Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях. По этим правилам судебная система перестраивалась в соответствии с судебными уставами 1864 г., определившими судебное устройство всей России. По судебным уставам определялись полномочия мировых судей, съездов мировых судей, окружных судов, судебных палат, Правительствующего сената (верховного кассационного суда). Теперь в указанных областях окружной суд рассматривал подсудные ему уголовные дела с участием присяжных заседателей²⁰. Некоторые уточнения были сделаны и относительно суда биев. 1 ноября 1895 г. был издан указ о подсудности казахов, принадлежащих к различным уездам или волостям, народному суду²¹.

В 1910 г. началась подготовка нового судебного устройства в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах, но до 1917 г. оно не было проведено в жизнь²².

В течение второй половины XIX – начале XX века царское правительство неоднократно меняло судебную систему в крае. От попыток отказаться от народного суда и перейти к судебной системе, общей по всей империи, оно вновь возвращалось к восстановлению некоторых прав суда биев. Но при этом оно вводило выборное начало, отменяя этим наследственные права биев. Вводя выборное начало, правительство давало возможность зарождавшейся национальной буржуазии защищать свои политические и экономические права. Правительство учло популярность среди местного населения суда

биев, его многовековой опыт. Сложное законодательство общеимперских судов, их неприспособленность к местным условиям заставляли пестрое по этническому составу население края нередко прибегать к помощи суда биев.

Однако важнейшие дела оставались в руках общеимперских судов. Царское правительство старалось приспособить их к местным условиям. Например, для быстрого решения крупных уголовных дел были созданы военно-судные комиссии. В 1886 г. была введена система мировых судей, порядок разрешения дел которыми имел много общего с судом биев. Тем не менее общее направление судебной политики царского правительства оставалось неизменным. Оно стремилось постепенно отказаться от местных особенностей судебного устройства в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах и ввести здесь административное и судебное устройство, идентичное общеимперскому.

По «Положению об управлении Туркестанским краем» от 2 июня 1886 г.²³ в Семиреченской и Сырдарьинской областях Главное управление находилось в руках туркестанского генерал-губернатора. Его права определялись правилами, содержащимися в статьях общего губернского учреждения²⁴, и вышеуказанным положением. Кроме того, генерал-губернатор заведовал делам и городского хозяйства, распоряжался казенными строительными работами, имел право высылки политически ненадежных лиц на срок свыше пяти лет. Дела по особо важным преступлениям (убийствам, грабежам, сопротивлению власти) он мог передавать для решения военным судам. При этом он обязан был отчитываться перед министрами военным и внутренних дел. При генерал-губернаторе состояли совет, чиновники особых поручений, переводчик и канцелярия. Ведению совета подлежали вопросы общего управления краем, все законодательные вопросы, рассмотрение денежных смет, определение размера натуральных земских повинностей, общее руководство поземельным и податным устройством. Существовало также управление по частям: финан-

совой, контрольной, учебной, почтово-телеграфной, медицинской, государственных имуществ.

Во главе областного правления стоял военный губернатор. Административно-полицейское управление уездами осуществлялось через уездных начальников и уездное полицейское управление.

В уездах для заведования определенным районом назначались стантовые приставы, полицмейстеры и полицейские. Уездные начальники имели право ареста за нарушение порядка на срок не свыше семи дней или наложения денежного взыскания не свыше 5 руб.

Городами в Туркестанском крае ведало общественное управление, до его введения городами управляли уездные начальники, а где их не было — участковые приставы, под наблюдением областных правлений и военных губернаторов, а также при участии депутатов от городских обществ. Управление Ташкентом вверялось начальнику города, которому присваивались права и обязанности уездного начальника. В других городах Туркестанского края заведование полицией возлагалось на уездных начальников, а в городе Казалинске и Петро-Александровском укреплении назначался особый полицейский пристав. Города делились на русскую и туземную части. Заведование частями возлагалось на старшин (аксакалов), выбиравшихся домовладельцами²⁵.

Оседлое туземное население в каждом уезде делилось на волости, а волости — на сельские общества (аксакальства). Сельское общество состояло из одного или нескольких мелких, ближайших друг к другу селений или выселков, хуторов, курганчей, имевших общие земли и оросительные каналы.

Волости образовывались из нескольких смежных сельских обществ, включавших до 2 тыс. дворов. Перечисление волостей из уезда в уезд разрешалось генерал-губернатором. Перечисление сельских обществ из волости в волость разрешалось областным управлением с утверждения военного губернатора. Перечисление мелких селений из одного акса-

кальства в другое разрешалось уездным начальником, с согласия сельских обществ, оформленного в виде приговора сельского схода, и при полной уплате податей, сборов и повинностей. Волостями заведовали волостные управители, а сельскими обществами — сельские старшины (аксакалы). Волостные управители, сельские старшины и их помощники назначались по выбору населения на три года. Избран мог быть любой человек с 25 лет, кто не подвергался суду, взысканиям, превышавшим семидневный арест или 30 руб., не находился под судом и следствием.

Выборы представителей на волостной съезд производились на сельских сходах простым большинством голосов, если присутствовало не менее половины всех домохозяев общества. Время и место съезда волостных избирателей определял уездный начальник, который наблюдал за порядком выборов. Если собиралось две трети выборных, волостной съезд избирал волостного управителя и кандидата. Их утверждал в должности военный губернатор²⁶. Права, обязанности и круг действий волостного управителя, сельского старшины, волостного и сельского съездов были определены в соответствии с постановлениями учреждения общественного управления сельских обывателей в империи²⁷. Дополнительно на волостного управителя возлагался учет населения. Волостным и сельским обществам разрешалось открытие при мечетях школ (медресе и мектебе). На волостных съездах избирались также народные судьи, проводилась раскладка общественных сборов и повинностей. Сельские старшины созывали сходы в селениях для выбора уполномоченных, которые проводили раскладку податей, вели сбор с населения податей и повинностей и представляли собранную сумму в казначейство.

Заведование главными оросительными каналами возлагалось на арык-аксакалов, а побочными арыками — на мирабов. Арык-аксакалы назначались военным губернатором, а мирабы избирались на сельских сходах. Их права и обязан-

ности определялись инструкцией, утвержденной генерал-губернатором.

Управление кочевого населения имело некоторые отличия. Кочевники разделялись на волости, а волости – на аульные общества. Число кибиток, входивших в состав волостей и аульных обществ, определялось областным правлением, но не должно было превышать в волости 2 тыс., а в ауле 200 кибиток. Кибиткой считалось отдельное жилище (юрта, землянка или дом). Волости образовывались из аульных обществ, соседствующих по земельному пользованию на зимовках. Переселение кибиток из одного аула в другой и из волости в волость разрешалось уездным начальником при условии согласия обществ принять на себя уплату за переселявшихся всех податей и повинностей до новой податной переписи. Переселение целых аулов из волости в волость разрешалось областным правлением с утверждением военного губернатора. Переселение волостей из уезда в уезд разрешалось генерал-губернатором. При переходе на летовки или зимовки за пределы своих уездов, а также при прохождении по чужим уездам и областям кочевники подчинялись местным властям, а казенные, земские сборы и повинности они отбывали в своих уездах. Должностные лица при перекочевках оставались при своих обязанностях²⁸.

Для селений, образованных переселенцами из России, права и обязанности сельского старосты, состав, предметы ведения и порядок действий сельского схода определялись правилами, установленными для общественного управления сельских жителей в империи.

В Туркестанском крае судебная власть принадлежала мировым судьям, областным судам и Правительствующему сенату. У местного казахского и киргизского населения действовали народные суды.

Лица, принадлежавшие к туземному населению, привлекались к областному суду на основании общеимперских законов за следующие преступления: против христианской веры; государственные: против порядка управления; по службе

государственной и общественной; против постановлений о государственных и земских повинностях; нарушения постановлений об эпидемиях и эпизоотиях; против общественного спокойствия и порядка; против законов о состояниях: за составление ложных доносов и лжесвидетельство за укрывательство беглых; за порчу телеграфов и дорог; за убийство, нанесение ран и побоев, изнасилование; за истребление пограничных и межевых знаков; за поджоги, разбой, грабежи; за подлог документов.

Гражданские споры и иски между представителями разных народов, имевших отдельные народные суды, а также по искам, основанным на актах, совершенных при участии русских властей, решались мировыми судьями и областными судами. Мировые судьи рассматривали иски по личным обязательствам и договорам, дела об имуществе не свыше 2 тыс. руб., дела о личных обидах и оскорблениях. Мировым судьям разрешалось по желанию истца рассматривать и дела, подведомственные народным судам²⁹.

Ведению народного суда подлежали гражданские и уголовные дела, которые не находились в ведении областного суда и мировых судей. Гражданские дела разрешались по месту жительства, а уголовные — по месту совершения преступления. Приговоры и решения народного суда, превышающие его полномочия, не приводились в исполнение и опротестовывались уездным начальником в областном суде.

Народный суд в случае непримирения сторон по делам о преступлениях и проступках мог налагать на виновных следующие наказания: денежные взыскания не свыше 300 руб., заключать под стражу на срок не свыше одного года и шести месяцев, мог ходатайствовать перед областным правлением о высылке подсудимого с места жительства. Народные судьи назначались по выбору населения на три года. Число народных судей и пределы их участков определялись областными правлениями с учетом, чтобы не приходилось больше одного судьи на волость, а у кочевников число судей в волости было не менее четырех и не более числа аулов в волости³⁰.

Народный суд составляли единоличные судьи, съезды судей и чрезвычайные съезды судей. Решения судьи о штрафе в 30 руб. и семи днях ареста признавались окончательными. Судьи имели право свидетельствовать акты и договоры между подведомственными их суду жителями, за исключением сделок о недвижимом имуществе. У оседлого населения время, место, число съездов народных судей и район их действия определялись губернатором. У кочевников съезды судей созывались в каждой волости из всех судей названных волостей. Съезды собирались по мере необходимости, в сроки, определявшиеся уездным начальником. Народный суд совершался гласно и публично.

Чрезвычайные суды созывались губернатором для решения дел между жителями уездов или волостей. Приведение в исполнение решений народного суда возлагалось на волостных управителей и сельских старшин под наблюдением уездного начальника³¹.

Присоединение Казахстана к России имело важные последствия для общественно-экономической и культурной жизни всего региона. Шла частичная ломка старой системы управления, распространение в крае начал общеимперского управления с системой административных и судебных учреждений. Результатами этих перемен была ликвидация политической и экономической обособленности края, феодальных междоусобиц, барымты. Постепенно капиталистическая экономика России втягивала восточные окраины в систему товарно-капиталистических отношений.

¹ День. 1862. № 32.

² ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29146. Л. 1–14об.; *Бекмаханова Н.Е.* Царское правительство и институт султаната в Среднем жузе в XIX в. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1968. № 2.

³ ПСЗ-И. Т. 38. № 29127, § 18, 36, 51, 52, 56–69.

⁴ Там же. § 16, 30–34, 54, 96, 104, 105.

⁵ Там же. § 15, 25–28, 109–115.

- 6 Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. Док. 76.
- 7 ПСЗ-I. Т. 38. № 29126, 29127.
- 8 ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 407. Л. 7.
- 9 *Бекмаханова Н.Е.* Законоположения царского правительства в 30–50-х годах XIX в. в Среднем казахском жузе // История. Алма-Ата, 1970. Вып. 1.
- 10 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1839 г. Д. 167. Л. 28.
- 11 ПСЗ-II. Т. 13. № 11122, § 2, 3, 5, 8, 9–13, 15, 17, 19, 20.
- 12 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1838 г. Д. 167. Л. 28.
- 13 ПСЗ-II. Т. 29, отд. 1. № 28284, § 1–6.
- 14 Там же. Т. 31, отд. 1. № 31089; Т. 30, отд. 1. № 29069.
- 15 Там же. Т. 36, отд. 1. № 36816.
- 16 Там же. Т. 11, отд. 1. № 43306.
- 17 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82, 1891 г. Д. 5. Л. 122–143.
- 18 Там же. Д. 6. Л. 1–15.
- 19 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 125; ПСЗ-III. Т. 6. № 3814.
- 20 ПСЗ-III. Т. 18. № 15493; Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 130.
- 21 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 129.
- 22 Там же. Док. 133–136.
- 23 Там же. Док. 125; ПСЗ-III. Т. 6. № 3814.
- 24 Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. С. 415–462.
- 25 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 125, § 10–72; ПСЗ-III. Т. 6. № 3814.
- 26 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 125, § 73–107.
- 27 Общие учреждения губернии. СПб., 1876. Ст. 2151–2160.
- 28 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 125, § 108–116; ПСЗ-III. Т. 6. № 3814.
- 29 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 125, § 117–207; ПСЗ-III. Т. 6. № 3814.
- 30 ПСЗ-III. Т. 6. № 3814.
- 31 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Док. 125, § 208–254.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС НА КАВКАЗЕ

Наступил 1905 г., отмеченный на календаре российской истории началом революционных потрясений XX столетия. Знаковым событием стало «кровавое воскресенье» – расстрел самодержавной властью мирной демонстрации. 9 января на улицах российской столицы погибло 96 и было ранено 333 человека, но, быть может, и больше¹. С того дня число жертв в последующих событиях уже становилось статистикой.

Россию охватило стачечное движение, в которое были вовлечены основные экономические центры. Особенно широкий размах оно получило в Прибалтике, Польше и на Кавказе. Последний, по масштабам революционного движения среди национальных окраин империи, по праву мог считаться первым. Здесь уже прошли массовые выступления пролетариата Баку в 1903 г. (первая всеобщая политическая стачка в Закавказье) и в 1904 г.

Не менее массовыми на Кавказе были крестьянские выступления с его запутанностью аграрных отношений и острым малоземельем местных крестьян. Крестьянская реформа на Кавказе не могла быть равнозначной для разных его частей, в силу субрегиональных особенностей аграрного строя. Так, в пределах Азербайджана и Армении отсутствовало крепостное право, а землевладение и землепользование основывалось на основе обычного права. В Грузии, напротив, крепостнические отношения были кодифицированы в законодательстве и других памятниках грузинского права. В Азербайджане же и Армении, где, согласно мусульманскому праву, земли принадлежали Аллаху, и потому превалировало казенное землевладение. Оно сосредотачивалось в руках ха-

на (дивана-казны) и раздавалось им на различных условиях землепользования привилегированному сословию — аналогу российского дворянства. По этой причине крестьянская реформа в Азербайджане и Армении практически установила временнообязанные отношения, а не освободила от них крестьян в частновладельческой деревне, а ход выкупных операций свидетельствовал о ее провале². Число безземельных и малоземельных крестьян в казенной деревне составляло более половины крестьян (от 50,8% в Бакинской губернии до 62,5% в Эриванской). О преобладании этой социальной группы крестьян говорят также данные и по Кутаисской губернии, в некоторых уездах которой удельный вес малоземельных и недостаточно обеспеченных земель крестьян доходил до 70—80%³.

С начала пореформенного периода Кавказ (Предкавказье) превращается в один из основных районов миграций русского крестьянства из внутренних губерний России. Правительство, борясь с аграрным перенаселением, вынуждено было специальными законодательными актами 80—90-х годов открыть «клапан» для переключения переселенческого движения не только в пределы Северного Кавказа, но и Закавказья. Однако уже к началу XX века становится очевидным аграрное перенаселение прежде осваиваемых районов на самом Кавказе. В этой связи правительство направляет переселенческие потоки из территорий Предкавказья в Восточное Закавказье, его степные районы, где создаются компактные массивы русских переселенцев. Однако в ходе землеотводных работ, по созданию переселенческих участков власти пренебрегли правовой стороной землепользования местного крестьянства, зиждившегося на обычном праве. Дело в том, что в пределах Восточного Закавказья располагались пастбища, составлявшие кормовую базу для кочевого скотоводства и находившихся в общественном пользовании крестьян-кочевников. С присоединением края к России пастбища были причислены к казне, оставаясь тем не менее в

землепользовании крестьян-кочевников. Отсутствие же в сфере кочевого хозяйства наделного землепользования в глазах правительства не могло служить препятствием для отвода пастбищных земель в колонизационный фонд. Таким образом, правительство своей переселенческой политикой, вторгаясь в сферу земельных отношений местного крестьянства, создавало путаницу, провоцируя тем самым конфликт между русскими переселенцами и азербайджанскими крестьянами-кочевниками.

Наибольшую огласку получил случай, который произошел в Бакинской губернии, в связи с размещением русских переселенцев на землях, принадлежавших кочевому обществу «Алар». Крестьяне были выселены принудительным образом без обеспечения земель, на произвол судьбы, что не могло не вызвать столкновения между местными крестьянами и переселенцами. Подобные случаи не были единичными⁴.

В контексте системного кризиса, поразившего Россию в начале XX века, одной из его существенных составляющих стали межэтнические конфронтации. Накопившиеся проблемы социально-экономического, политического порядка нередко являлись той почвой, которая порождала напряжение среди местного населения на окраинах, выплескивавшегося в различного рода протесты, все более принимавшие формы межэтнических конфликтов. Но если во внутренних губерниях России они были единичными и локальными, то на территориях с дисперсным расселением этносов образовывались ареалы хронической конфликтности и конфликтности⁵. География их была достаточно обширной и уровень этнической конфликтности постоянно повышался. Следует отметить также набравшее силу погромное движение в России, особенно поразившее ее западные губернии, и пик которого пришелся на 1905 г.

Можно лишь представить себе, каковыми должны были быть масштабы «этносамосознаний» в таком полиэтниче-

ском крае, как Кавказ, поскольку именно отсюда вытекало этнопротивопоставление себя другим. Длительные же процессы сосуществования этносоциумов вырабатывали инстинктивные механизмы переноса «от себя – вне себя» всех негативных причин, при этом весьма гипертрофированных.

Территория Кавказского края составляла 415234 кв. версты и являла собой географо-климатическое многообразие, сочетавшее высокогорье и степные пространства, лесные массивы и равнины. По численности населения он занимал 2-е место в Российской империи, лишь незначительно уступая ее европейской части – на Кавказе проживало около 7,5% (9289364 человека) всего населения России. Плотность населения равнялась 200 человекам, однако, в условиях субрегиональных особенностей, она колебалась от 56 человек до 328 на кв. версту⁶.

Хозяйственно-экономическая карта Кавказа характеризовалась большим разнообразием и полярностью – от экстенсивного кочевого хозяйства до высокоразвитого капиталистического, пестротой социальных отношений и бытовых укладов.

Кавказ отличали полиэтничность и большая языковая дробность населения – в его пределах проживало более 50 этносов. Этому способствовало и разнообразие религиозных верований. Здесь исповедовали основные конфессии и их разновидности: христианство (православие и католицизм, протестантизм, армяно-грегорианская церковь, сектантство), мусульманство и иудаизм.

Складывавшиеся веками историко-культурные традиции способствовали формированию соответствующего мировосприятия, миропонимания у каждого из этносов, населявших Кавказ.

В процессе инкорпорирования Кавказа в состав империи власть стремилась унифицировать систему управления, распространяя на край российские административно-правовые институты. Однако местные особенности, в недостаточное

понимание которых она неизменно упиралась, приводили либо к незавершенности преобразований, либо к непредсказуемым последствиям.

Кавказ управлялся в соответствии со сложившейся имперской формулой – «полное слияние окраин с империей», в основе которой лежал геополитический фактор, равно значимый как для самой России, так и для Кавказа. Прецедент подобной модели взаимодействия России с присоединенными территориями был сформулирован применительно к Польше. После разгрома восстания 1831 г. Николай I в своем манифесте, апеллировавшем к общественному сознанию, высказался за тесное, твердое соединение этого края с прочими областями империи⁷.

При всех проявлениях колониалистских устремлений самодержавия необходимо характеризовать его политику в целом как лишенную этноцентристских приоритетов. Главным было укрепление общей для империи государственности (этатизм).

Забегая вперед, отметим, что длительный процесс слияния Кавказа с империей, включавший в себя совокупность хозяйственно-экономических, социально-политических, этнодемографических, культурных и прочих аспектов взаимодействия, по существу так и не был завершен к концу правления династии Романовых.

Обострение национального вопроса в Российской империи к началу XX столетия стало предметом осмысления, обсуждений, практических действий. Правительственная власть, общественно-политические деятели с разных позиций ищут пути выхода из сложившейся в национальном вопросе критической ситуации. В лексиконе тех лет все чаще звучат термины – автономия, федерация. В 1-й Государственной Думе образуется партия автономистов. В 1904 г. в Париже собирается конспиративный съезд представителей различных народностей и русских политических партий. Принимавший в нем личное участие П.Н.Милюков отмечал весьма общий

и умеренный характер их требований. На съезде присутствовали делегаты от грузинских социалистов и федералистов и армянской партии революционной федерации. Декларация съезда провозгласила принципы самоопределения народностей, свободы национального развития, гарантированной законом, требование о прекращении «насилий русского правительства над различными национальностями»⁸.

Вопрос о правах национальностей обсуждался на заседаниях московских земских съездов в 1905 г. При этом ставился он в контексте будущего России — быть ли ей свободной федерацией самостоятельных штатов (или кантонов) или совокупностью автономных областей и провинций, или же остаться единым нераздельным государством. На съезде прозвучала одна весьма важная мысль: «Россия не станет спокойной и свободной пока в ней не осуществится на широких началах федеративное устройство»⁹.

Весной 1905 г. выборные представители армянского населения всего Закавказья выработали петицию для подачи в Совет Министров и кавказскому наместнику. В числе выдвинутых требований — бессловное самоуправление, земства — от самоуправляющейся мелкой земской единицы до общественного Земского собрания с правом законодательной инициативы. При этом было обращено внимание на то, что межнациональные отношения, как и вообще культурно-экономические вопросы Закавказья, могут найти «наибольшее соответственное и компетентное разрешение лишь при условии установления организованного единства всего южного Кавказа»¹⁰.

Наиболее репрезентативным был съезд автономистов и федералистов, прошедший в ноябре 1905 г. в Петербурге. На нем собрались представители азербайджанцев, армян, белорусов, грузин, евреев, киргизов, латышей, литовцев, поляков, татар, украинцев и эстонцев. Съезд высказался прежде всего против централизации законодательства и управления, недопустимой в государстве, столь обширном и разнообраз-

ном и сложном в экономическом, религиозном и национальном отношениях, как Россия.

Было обращено специальное внимание на национальные меньшинства, не проживавших компактно на одной определенной территории, как говорилось в заключении съезда, на каждой из подобных территорий. Как говорилось в заключении съезда, общегосударственной конституцией устанавливаются такие нормы, которые обеспечивали бы национальному меньшинству и любой народности неприкосновенность ее национальных прав и интересов. Реализация этого тезиса возможна лишь при системе национального представительства в парламенте, местных сеймах. Наконец, съезд считал необходимым «создание союза народностей в целях взаимной поддержки в борьбе за национальные права»¹¹.

Национальные стремления мусульман были публично сформулированы основанном во время Нижегородской ярмарки летом 1905 г. «Всероссийским мусульманским союзом». Союз требовал отмены существовавших для мусульман гражданских ограничений, равноправия, свободы культурного развития, образования местных медресе и т.п.¹² Отметим, что на съезде не поднимались вопросы, связанные с автономизацией, не говоря уже о наличии каких-либо сепаратистских настроений.

В различного рода публикациях анализируются причины, истоки и формы национальных движений, в том числе в компаративном плане: Австро-Венгрия, Германия, Польша, Финляндия, Прибалтийский регион, украинский вопрос, Кавказ. Применительно к национальным регионам России — неизбежны попытки прогнозирования будущего российской государственности¹³.

Весьма симптоматично появление центральных периодических изданий с такими названиями как газета «Украины России» (СПб., 1906—1912) и сборник «Вопросы колонизации» (СПб., 1907—1916). В ходе революции 1905—1907 гг. все монархические организации стали уделять особое внимание

национальным движениям, видя в них реальную угрозу разрушения целостности России. «Борьба с сепаратизмом окраин» — одна из популярных тем правой печати. Помимо «Союза русского народа» возникали националистические организации и печатные органы, подчинявшие свою деятельность исключительно задаче борьбы с «инородческим засильем». Так, была основана газета «Окраины России», на основе которой было создано «Русское окраинное общество» (1908). Как заявили учредители, наблюдая за «шатанием власти» в деле управления окраинами, общество видело свою задачу в содействии властям в деле укрепления позиций правительственной политики.

Наряду с этим, следует отметить и появление органов периодической печати, которые стремились занять нейтральную позицию, возвышая свой голос равно как в защиту русского населения, так и коренного. В 1906 г. во Владикавказе была основана ежедневная политическая и общественная литературная газета. Как сообщалось в анонсе в связи с подписной кампанией на 1914 г.: «“Голос Кавказа” был основан восемь лет назад в разгар революционной смуты, охватившей всю Россию и с особенной силой проявившейся на Кавказской окраине... “Голос Кавказа” с первых же дней своего существования являлся газетой... поставившей своей целью охрану интересов русского населения края и подданных России инородцев и поддержку... государственного дела на Кавказе».

В публикациях того времени нередко ставился вопрос — каким образом в России, несмотря на давнее присоединение «инородческих окраин» к России, еще существует национальный вопрос. Рассматривая его в историческом ракурсе, совокупности всех факторов: социально-экономического, политического и культурного, ряд авторов называет в качестве решающей причины национализм в царствование Александра III, пришедший на смену либерального курса 60–70-х годов XIX века. «Осложнению и обострению наших окраин-

ных вопросов, — писал Г.А.Евреин, — в значительной степени содействовала наступившая после реформ шестидесятих годов всесторонняя в правительственной политике реакция... Национальная идея, в качестве отвлеченной тенденции, а не идейной основы практической политики, направила политическое настроение наших ретроградов в сторону ограничения прав инородцев или уравнивания всех в общем бесправии»¹⁴.

Как отмечал П.Н.Милуков: «К началу XX века русский национализм в союзе с правительственной властью успел в корню испортить добрые отношения, какие начинала создавать в среде наиболее сознательных национальностей* русская государственность в течение столетия». По убеждению Милукова: «Русский национализм стал агрессивным и официальным; и ответом на него был такой же агрессивный национализм пробуждавшихся окраин»¹⁵.

С изменением социальной структуры азербайджанского общества связано развитие национального самосознания, преломлявшегося сквозь призму идей панисламизма и пантюркизма. В первом случае — вследствие традиционной этноидентификации азербайджанцев с мусульманами, во втором — этногенетической и языковой общностью с турками. Основной формой выражения национальных интересов буржуазии являлись петиционные кампании. Их характерной особенностью являлись единство платформы с мусульманами России. В условиях армяно-азербайджанской конфронтации возникали националистические организации, нередко прибегавшие к террористическим актам¹⁶.

Азербайджанская национальная элита принимает активное участие в организационном единении мусульман. Эта объединительная тенденция сыграла роль в консолидации мусульманских депутатов в Государственной Думе как единой партии. Следует отметить, что в платформе мусульман

* Подразумеваются преимущественно народы Закавказья.

не просматривается никаких сепаратистских тенденций. Напротив, они рассматривали себя в общности со всеми народами России, в процессе демократизации государственного строя как основы для восстановления своих прав.

Национальные требования грузин выражала партия социалистов-федералистов, пропагандировавшая идею автономии, самоопределения и самоуправления в пределах грузинской территории. «Идея эта, – писал известный грузинский историк З.Д.Авалов, – является... действительной и первой по времени попыткой формулировать грузинский национальный вопрос, как вопрос об организации в интересах народного процветания грузинского самоуправления в рамках российского государства». Но как отмечал Авалов, практически программа федерализма если чем и грешила, то «безмерностью своих требований, а также сложностью и крайним оптимизмом предпосылок (федерация Российская, Кавказская и т.п.)»¹⁷.

Изначально острие национальной борьбы армян было направлено против Турции для освобождения турецкой Армении. В этой связи среди армян преобладала партия сепаратистов – «Дашнакцутюн» (мы к ней еще вернемся). Однако, несмотря на правительственные преследования, армяне смотрели на Россию, как на свою необходимую и естественную союзницу в этой борьбе. Закавказье они хотели видеть в целом, как составную часть русской федеративной республики, независимую во внутренних делах, но связанную с Россией в вопросах защиты государства, внешней политики и т.п.

Национальный вопрос на Кавказе закономерно упирался в проблему управления им. Каждая из исторических эпох по-своему отвечала на этот вопрос. Создание Кавказского наместничества (1844) предполагало развитие внутрирегиональной системы управления, временная ликвидация наместничества (1882), напротив, предполагала его жесткую централизацию. Колебания власти в своих политических воз-

зрениях на Кавказ, оставляя, в данном случае, в стороне тенденции исторического развития России в общеимперском масштабе, в большей степени наталкивались на его внутри-региональные особенности. Не последнее место в этом ряду занимал образ самого Кавказа, его восприятие в массовом сознании, не исключая и верхи. Прошло не одно столетие существования Кавказа в составе Российской империи, но оказался невероятно живучим сложившийся стереотип:

«Для так называемой “большой публики”, – писал редактор книги “Формы национального движения в современных государствах”, – Кавказ заслоняет собой все местные различия и оттенки, как бы значительны они не были. За “Кавказом” большинство не различает ни Грузии, ни Армении, не говоря уже о какой-нибудь Чечне или Дагестане. Грузин, кабардинец, закавказский турок (или татарин) сливается на расстоянии в один расплывчатый шаржированный образ “кавказца”, “восточного человека”, с такими атрибутами, как акцент, черный цвет волос и, по возможности, кинжал»¹⁸.

Наибольшую опасность для власти на Кавказе представляли набиравшие силу межэтнические конфликты, перманентно возникавшие в исторически сложившихся контактных зонах.

В начале февраля (6–10) 1905 г. страна содрогнулась от кровавого межэтнического конфликта, получившего в истории известность под названием «армяно-татарская резня»*.

Возникшая спонтанно, она, тем не менее, явилась следствием тех процессов, которые происходили в регионе на рубеже XIX–XX столетий.

Азербайджанцы и армяне относились к самым многочисленным этносам на Кавказе: первые составляли 16,2% (1509785 человек) всего населения, вторые – 12,04% (1116458 человек). Численность армян возрастала на протя-

* Татарами называли азербайджанцев, населявших Закавказье.

жении XIX века, ввиду их репатриации в пределы Кавказа: русско-турецких войн первой трети века и присоединением Карсской области после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Расселялись эти народы по территории Кавказа как компактными массами, так и дисперсно, при этом в большинстве случаев соседствуя друг с другом.

В Закавказье располагалась их преобладающая часть: азербайджанцы составляли около трети его населения, а армяне – менее четверти. Азербайджанцы в численном отношении преобладали в губерниях Бакинской и Елизаветпольской (около 60% жителей), а армяне – в Эриванской (более 50%), но при этом удельный вес их в той же Елизаветпольской губернии был достаточно высоким – более трети населения губернии. Примерно таким же был удельный вес азербайджанцев (около 38%) среди жителей Эриванской губернии.

Статистика расселения азербайджанцев и армян чрезвычайно важна, т.к. она помогает понять и объективно оценить те коллизии, которыми были отмечены и надолго омрачены контакты этих двух этносов. Следует обратить особое внимание на их сословно-этнодемографическую стратификацию.

К началу XX столетия азербайджанцы продолжали оставаться в большинстве своем сельскими жителями. В Закавказье они составляли около четверти городского населения края (23,0%), но среди самих азербайджанцев удельный вес горожан достигал немногим более 10% (11,4%). Наиболее ощутимой была их численность в городах Бакинской (17%), Елизаветпольской (9,3%) и Эриванской (7,8%) губерний. Армяне составляли треть (30,3%) всех городских жителей края. В процентном отношении численность городских жителей среди всего армянского населения была оптимальной в Эриванской губернии (58,4%), затем в Карсской области (43,9%), Елизаветпольской губернии (36,9%), Тифлисской (33,0%), Бакинской (13,6%) и т.д.¹⁹

Перемены в социально-экономической жизни края на рубеже XIX–XX столетий, обусловленные в значительной степени нефтяным бумом 70-х годов, усилившаяся урбанизация внесли изменения в социальную и этнодемографическую стратификацию населения края. Национальная буржуазия и пролетариат – знамение нового времени, проявление интенсивно совершавшейся поляризации общества.

В Бакинском нефтепромышленном районе возникли крупнейшие нефтяные монополии, соперничество между которыми окрашивало их взаимодействие в тона межэтнического недружелюбия. А укрепление позиций армянских предпринимателей, издавна инкорпорированных в купеческое сословие, усугубляло его.

Бакинский нефтепромышленный район аккумулировал огромное количество рабочего люда, устремлявшегося сюда не только из окрестных мест, но и внутренних губерний России, соседнего Ирана. В канун первой русской революции численность бакинского пролетариата достигала 80 тыс. человек, разнообразного по своему этническому составу и вероисповеданиям. Здесь трудились представители 29 национальностей, из которых без малого 50% составляли азербайджанцы, более четверти – русские и немногим менее четверти – армяне²⁰. Поставленные в тяжелые экономические условия, социально-ущемленные, они оказались восприимчивыми к идеям социал-демократии, быстро распространившимся в крае под воздействием российских социал-демократических организаций.

Однако во всем спектре сложившихся в крае проблем весьма важным фактором следует считать политический. Речь идет о поведении власти, о необдуманных действиях правительства, ущемлявших гражданские права азербайджанцев и армян, что приводило к непредсказуемым последствиям.

Так, на города Закавказья были распространены городские положения 1870 и 1892 гг., определившие неравные из-

бирательные квоты при выборе гласных для христианского и нехристианского населения. Число гласных от нехристиан ограничивалось квотой $1/3$ от общего количества гласных. И хотя это ограничение избирательных прав предназначалось для еврейского населения, впоследствии оно было распространено на магометан Закавказского края, которые в ряде его городов составляли преобладающую часть населения. А это сказывалось на сословно-социальном представительстве азербайджанцев, по существу узаконивая их национальное неравенство в органах общественного управления. Ограничение числа гласных в составе городской думы и членов городской управы из нехристианского населения против христианского большинства в таком этнически пестром крае, как Кавказ, уже само по себе создавало обостренно-болезненную ситуацию при решении тех или иных вопросов жизни горожан, придавая конфликту религиозно-национальную окраску. В городах участились конфликты на бытовом уровне.

Необходимо отметить, что кавказская администрация заявила о необходимости уравнивания прав магометан и христиан-армян по участию в образовании городских дум и городского общественного управления. Совершенно неожиданно в 1888 г. появляется указ, уравнивавший в городах Закавказского края число гласных в органах городского самоуправления для нехристиан и христиан. Однако этот, выбивавшийся из общего политического контекста эпохи контрреформ законодательный акт не мог просуществовать долго. Последовавшее в 1892 г. городское положение, пожалуй, одно из самых реакционных, ликвидировало квоту 1888 г., установив общий для всех городов империи предел числа нехристиан — $1/5$ общего числа гласных. Впредь избирательная квота для христианского и нехристианского населения становится камнем преткновения при попытках распространения городского положения 1892 г. в городах Кавказского края²¹.

В ряду опасных тенденций, проявившихся на Кавказе в начале XX столетия, прежде всего должна быть названа активизация деятельности армянской националистической партии «Дашнакцутюн» («Союз»)²². Усилению влияния партии на население способствовали два обстоятельства. Первое, в 1901 г. был издан закон, приписывавший до 75 тыс. беженцев армян из Турции к городам Закавказского края. А это означало появление в крае обездоленных людей, социально неоднородных и ожесточенных в силу сложившихся обстоятельств – как правило, эта категория людей потенциально являлась носителем наиболее экстремистских проявлений социального протеста. Как подчеркивал И.И.Воронцов-Дашков, не прошло и года, как городское и сельское население стало попадать под влияние партии «Дашнакцутюн», основной ареал деятельности которой находился в Турции, но с появлением беженцев из Турции идеи партии были экспортированы в пределы России. Второе, принятый в 1903 г., по инициативе кавказской администрации (в лице ее главы кн. Г.С.Голицына), в качестве ответной меры на террористическую деятельность партии «Дашнакцутюн», закон о конфискации имущества армяно-грегорианской церкви и закрытии армянских школ был справедливо воспринят как акт национальной дискриминации. Когда в Баку был назначен сбор имущества армянской церкви, завязалась рукопашная схватка между полицией и собравшейся толпой. Такие же столкновения произошли в других местах Закавказья: Елизаветполе, Тифлисе, Шуме, Эривани, Эчмиадзине и др.²³ Как следствие – усиление позиций и других партии, созданных для освобождения армян турецко-подданных из-под власти Турции и создания автономного государства.

В ходе революции 1905–1907 гг. партия «Дашнакцутюн» радикализировалась, была создана российская программа – «Кавказский проект», предусматривавший создание Закавказской демократической республики в составе Российской Федерации путем вооруженной борьбы с самодержавием. На

четвертом общем собрании партии (Вена, 1907 г.) была принята программа, в которой «Дашнакцутюн» объявлялся «партией армянского трудового класса». На Кавказе должна была быть образована союзная демократическая республика на основе всеобщего избирательного права, провозглашено равенство всех народов и религий, уничтожение классовых привилегий в составе свободной России, связанную с ней федеративными отношениями. Выдвинутая партией социально-экономическая и культурная программа включала в себя также позицию о преподавании в школах на родном языке с обязательным изучением русского языка как общегосударственного²⁴.

Национальные требования грузин, по численности занимавших второе место среди населения Кавказа (1350255 человек – 14,5% всего населения), ярче всего проявились в требовании о восстановлении автокефалии (самостоятельное управление) грузинской церкви. Толчком к выдвиганию этого требования, находившегося в сфере канонического права и подлежавшего компетенции Священного Синода, послужили восстания крестьян, отказавшихся платить духовенству «драмовый» налог. Объявленный духовенству бойкот к 1905 г. охватил почти все сельское население Кутаисской и Тифлисской губерний. Экономическое и правовое положение грузинской деревни, инициировавшее также и антиклерикальные выступления крестьян, с одной стороны, стремление грузинской церкви к ее обособлению, с другой – таковы были наиболее характерные черты революционного движения в Грузии.

На окраины империи проникали движения, распространявшиеся во внутренней России: упоминавшееся уже социал-демократическое, а также и русское националистическое, которое вовлекло в сферу своего влияния различные слои русского населения.

Непосредственным поводом к бакинским событиям 1905 г. послужили два убийства, породившие в городе слухи

об их преднамеренности. Об этом сообщала газета «Кавказ» уже 11 февраля 1905 г. Стихийно возникшие беспорядки, убийства и поджоги быстро распространились по городу, вспыхивая в различных его частях и перекидываясь на нефтепромысловые пригородные районы Баку. Необходимо отметить, что в армяно-татарском конфликте были и другие этнические компоненты — всколыхнулась вся городская чернь. Об этом сообщали следовавшие одно за другим телеграфные обращения к правительству и местным властям: «Процессия хулиганов русских татар сопровождаемая казаками городскими подожгла армянские дома... хулиганы совместно солдатами городскими грабят, убивают...» и т.п.²⁵

Прекратить их удалось лишь в результате совместных усилий армянского и мусульманского духовенства при участии влиятельных лиц города обеих национальностей. Было устроено два шествия по городу, возглавляемые бакинским губернатором М.А.Накашидзе (он будет убит террористом через четыре месяца). 18 февраля Высочайшим повелением Баку и Бакинская губерния были объявлены на военном положении. Во время февральских событий было убито 269 человек (из них армян — 224, азербайджанцев — 41 и русских — 4) и ранено 220 (в том числе армян — 95 человек, азербайджанцев — 87 и других национальностей — 38). Однако цифры эти нельзя признать точными. Одна из причин заключалась в том, что многие из убитых и раненых, особенно из мусульман, были унесены и скрыты родственниками.

В Баку был командирован сенатор уголовного кассационного департамента А.М.Кузминский, «законник», как уважительно называл свояка Л.Н.Толстой. В семье Толстых ужасались бакинским событиям, о которых они узнали из газеты «Русское Слово». После отъезда А.М.Кузминского в Баку особенно волновалась его жена Татьяна Андреевна: именно после визита к А.М.Кузминскому был убит брошенной в него бомбой Накашидзе²⁶. В беседе с корреспондентом

том газеты «Русское Слово» А.М.Кузминский изложил свое понимание возложенной на него миссии — дать всестороннюю оценку тех причин, в результате которых «разразились кровавые февральские события, взволновавшие весь мир»²⁷. Основные итоги своей инспекции Кузминский изложил во «Всеподданнейшей записке, содержащей главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году, по Высочайшему повелению сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии» (СПб., 1906). Вывод сенатора был однозначным: в основе конфликтов как в Баку, так и в местности «Алар» лежали причины социально-экономического порядка, вызванные сложившейся в обществе социальной полярностью с неравными позициями того или иного этноса в сфере хозяйственно-экономической. Посетив кочевое общество «Алар», Кузминский был поражен увиденным: «Положение их, — отмечал он в своем отчете, — производило удручающее впечатление»²⁸. Его ревизия позволила сделать еще один весьма важный вывод.

А.М.Кузминский отметил растерянность и бездействие властей, не только не предотвративших назревавшие события, но и их неспособность справиться с ситуацией. Кроме того, он назвал «чудовищной» версию о провокационной роли администрации — правительства, возникшей и особенно популярной в революционно настроенных слоях общества, поскольку это давало им повод к новым антиправительственным выступлениям. Против подобной версии существовал и весьма веский аргумент: в результате февральских событий была парализована экономическая жизнь Бакинского нефтепромышленного района и поставлены под угрозу интересы крупнейших российских и иностранных монополий, что нашло отражение в документальных материалах²⁹.

Попутно отметим, что Л.Н.Толстому импонировал взгляд Кузминского на февральские события, поскольку, по его убеждению, правительство не могло желать истребить целый народ: «О Баку то же самое говорили, что власти науськива-

ют татар против армян. Мне было приятно слышать от Кузминского, что ничего подобного не было... Он выслушал 80 свидетелей, и ему хотелось узнать правду, в том я уверен, и он не нашел ничего другого, кроме бездействия властей»³⁰.

* * *

В 1905 г. правительство вынуждено восстановить упраздненное в 1892 г. Кавказское наместничество. 26 февраля 1905 г. последовал именной указ «О восстановлении должности наместника». Как и прежде, наместник наделялся особыми полномочиями как в гражданской, так и в военно-полицейской сферах управления. Кавказский наместник являлся членом Государственного Совета, членом Совета и Комитета министров; Главнокомандующим войсками, расположенными в пределах наместничества, и Войсковым Начальным Атаманом Кавказских казачьих войск. Однако, вскоре, 3 мая 1905 г. полномочия наместника в области гражданского управления были еще более расширены: ему предоставлялась бóльшая независимость по отношению к центральным органам власти, по гражданской части он подчинялся непосредственно царю, а по своему положению приравнивался к министрам. С созданием же так называемого «объединенного правительства» в лице Совета министров, в состав которого наместник не был включен, глава кавказской администрации юридически оказался вне сферы влияния Совета министров³¹. Столь значительные масштабы функций кавказского наместника позволяли ему быть более автономным при принятии решений и это стало возможным, благодаря личному доверию Николая II Воронцову-Дашкову.

Трудно сказать, кому первому пришла мысль о назначении на пост главы кавказской администрации гр. И.И.Воронцова-Дашкова. Это мог быть С.Ю.Витте: «Я советовал

назначить графа Воронцова на Кавказ после Шереметева, — вспоминал Витте, — когда назначили Голицына. Если бы его назначили тогда, то не произошел бы весь сумбур, который наделал Голицын, и теперь Кавказ был бы гораздо спокойнее. Граф Воронцов человек немудреный, но благородный, честный благонамеренный»*. Но скорее всего, это мог быть сам император Николай II, который, как мы помним, еще в 1897 г. обращался к мысли назначить Воронцова во главе кавказской администрации. Быть может, решение государя укрепилось и после настоятельных рекомендаций со стороны генерал-адъютантов кн. З.Чавчавадзе и кн. И.Амилахвари — однокашников Воронцова-Дашкова еще по Кавказской войне. По их мнению, Воронцов, более чем кто-либо другой, обладал качествами, отвечавшими требованиям того времени. Во главе управления Кавказом должен был стоять человек уравновешенный и недюженного ума, смелый, с независимым характером, дальновидный и, наконец, волевой, с добрым сердцем, «легко воспринимающий и понимающий душу Кавказа»³². Таков взгляд на нового правителя Кавказа «изнутри».

Начальник канцелярии министра двора (при В.Б.Фредериксе) А.А.Мосолов дал следующую интерпретацию отставки Воронцова: «Перемещение графа Воронцова-Дашкова... наместником на Кавказ, происшедшее не без влияния Александры Федоровны, оттолкнуло от нее многочисленных родственников и все окружение этой в высокой степени великосветской семьи»³³.

* В период ликвидации Кавказского наместничества должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа попеременно занимали генерал-адъютант гр. С.А.Шереметев (1890–1896) и генерал кн. Г.С.Голицын (1897–1904). В салоне Богданович еще осенью 1889 г. поговаривали, что великий князь Владимир Александрович отказался от назначения на Кавказ.

В царской семье считали, что Воронцов-Дашков принял эту должность «из преданности»³⁴. Существовала, кажется, альтернатива его назначения на пост главы администрации в другой части империи – в Царстве Польском. Как явствует из письма генерал-адъютанта кн. А.И.Амилахвари Воронцову-Дашкову, назначению в Варшаву воспротивилась его жена³⁵.

Родовитый сановник, выдвинувшийся в эпоху Александра III, занимавший видные государственные посты, человек с большими материальными средствами, с заслуженной репутацией, в возрасте, когда покончено с честолюбивыми помыслами, бросает все удобства своей почтенной жизни и обрекает себя на деятельность в должности, быть может, одной из труднейших во всей российской бюрократической иерархии. И когда Воронцов-Дашков принимает назначение, сдается, двигало им не только чувство преданности, но и масштабы его личности, понимание им своего гражданского долга. Весьма симптоматично, что на черновике одного из своих писем к императору, в которых он испрашивает разрешения явиться с докладом в связи с предстоящим отъездом на Кавказ, Воронцов написал поверх письма: «Самоотвержение?». Несомненно одно, что в условиях ситуации, сложившейся к тому времени на Кавказе, требовалась сильная административная власть, с широкими полномочиями, способная действовать оперативно, но при этом с учетом местных особенностей края.

¹ *Петров Ю.А.* 1905 год: пролог гражданской войны // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 362.

² Более подробно см.: *Исмаил-Заде Д.И.* Русское крестьянство в Закавказье, 30-е годы XIX – начало XX веков. М., 1982. С. 156, 157.

³ Там же. С. 172, 173.

⁴ Там же. С. 178-180.

⁵ *Гатагова Л.С.* Межэтнические отношения // Россия в начале XX века. С. 143.

⁶ Исчисления произведены по данным «Общего свода по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи

- населения, произведенной 28 января 1897 г.» (СПб., 1905. Т. II. С. 42, 43, 48, 49, 55).
- 7 Цит. по: Николай I и его время: документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. I. С. 318.
 - 8 *Милуков П.Н.* Национальный вопрос: происхождение национальности и национальные вопросы в России. Б.м., 1925. С. 163.
 - 9 *Евреинов Г.А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. СПб., 1908. С. 3.
 - 10 *Авалов З.* Армяне // *Формы национального движения в современных государствах / под ред. Кастьянского.* СПб., 1910. С. 523–525.
 - 11 *Евреинов Г.А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. С. 5, 6.
 - 12 *Милуков П.Н.* Указ. соч. С. 170, 171.
 - 13 См., например: *Формы национального движения в современных государствах.* СПб., 1910; *Евреинов Г.А.* Автономия Царства Польского. СПб., 1906; *Милуков П.Н., Берендтс Э.Н.* К финляндскому вопросу. СПб., 1910. Перманентно вспыхивающий интерес к национальным проблемам России, тем не менее, продолжает оставаться предметом постоянного внимания исследователей. Особенности Российской империи породили многообразие форм и типов национализма, национальных движений, а, следовательно, вытекающую отсюда необходимость изучения отдельных национальных феноменов (см.: *Каппелер А.* Образование наций и национальных движений в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005. С. 398).
 - 14 *Евреинов Г.А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. С. 1, 2.
 - 15 *Милуков П.Н.* Указ. соч. С. 159, 160.
 - 16 История Азербайджана. Баку, 1960. Т. 2. С. 585.
 - 17 *Формы национального движения в современных государствах.* С. 491.
 - 18 Там же. С. 471.
 - 19 Более подробно см.: *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказья в XIX – начале XX в. М., 1991. С. 220–224.
 - 20 *Казиев М.А.* Из истории революционной борьбы бакинского пролетариата (1895–1910). Баку, 1956. С. 16, 144, 145.
 - 21 Более подробно см.: *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказья. С. 192–196.
 - 22 Более подробно см.: *Кирокосян Н.Б., Оганесян Э.В.* Энциклопедия Отечественной истории. М., 1994. Т. 1. С. 676, 677.
 - 23 *Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883–1914: документы и материалы.* М.; Л., 1961. С. 699.

- 24 *Киракосян Н.Б., Оганесян Э.В.* Указ. соч.
- 25 РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Л. 10, 17.
- 26 У Толстого, 1904–1910. «Яснополянские записки» Д.П.Маковицкого. М., 1979. Кн. 1. С. 232, 287 (Литературное наследство; Т. 90, кн. 1); Русское Слово. 1905. 12 мая (№ 126).
- 27 Русское слово. 1905. 5 мая (№ 120).
- 28 РГИА. Ф. 1535. (Ревизия сенатора А.М.Кузминского г. Баку и Бакинской губернии. 1905 г.). Оп. 1. Д. 1. Л. 512. Отчет более пространен, чем «Всепопданнейшая записка».
- 29 «В Самом Отечестве Нашем Поднялася Смута»: документы о Бакинской резне 1905 г. // Источник. 1995. № 5. С. 48–65.
- 30 У Толстого, 1904–1910. Яснополянские записки» Д.П.Маковицкого. Кн. 1. С. 350, 351.
- 31 Полное собрание законов Российской Империи (III). СПб., 1908. Т. 25. № 25891, 26166. См. также: *Флоринский М.Ф.* Совет министров и кавказское наместничество в 1905–1914 гг. // Вестник ЛГУ. Серия: История–язык–литература. 1984. Вып. 1, № 2. С. 25.
- 32 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 247. Л. 11–12.
- 33 *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора: записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 92.
- 34 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 862. Л. 1–2.
- 35 ОР РГБ. Ф. 5811. К. 2. № 19. Л. 7.

**УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ КРАЕМ
ПРИ ГРАФЕ М.Н.МУРАВЬЕВЕ
(1863—1865)**

Государственная и военная деятельность М.Н.Муравьева (Муравьева-Виленского) многие годы была связана с Северо-Западным краем. В конце 20-х — середине 30-х годов XIX века он был: витебским вице-губернатором (1827), моголевским гражданским губернатором (1828), во время польского восстания в ноябре 1830 г. — октябре 1831 г. состоял при главнокомандующем Резервной армией гр. П.А.Толстом, с 9 августа 1831 г. — гродненский гражданский губернатор¹.

1 мая 1863 г. М.Н.Муравьев был утвержден виленским, гродненским, ковенским и минским генерал-губернатором, командующим Виленским военным округом, главным начальником Витебской и Моголевской губерний².

Муравьев вступил в должность главы Северо-Западного края уже опытным государственным деятелем (в возрасте 67 лет). К этому времени за его плечами были годы руководства Министерством государственных имуществ (1857—1862), членство в Комитете остзейских дел (1857), Главного комитета по крестьянскому делу (1858).

Участник Отечественной войны 1812 г., член преддекабристской организации «Священная артель», Союза спасения (1817), генерал от инфантерии (1856), крупный правительственный чиновник — М.Н.Муравьев в многочисленной деловой и частной переписке, мемуарной, публицистической литератур своих современников имел полярные оценки и как человек, и как государственный деятель. Не менее разноречивы его характеристики (особенно виленского генерал-губернатора и командующего Виленским военным округом) в энциклопедиях, в

российской дореволюционной, советской и постсоветской историографии, в исследованиях зарубежных авторов³.

Цель данной статьи – рассмотрение на основе новых документов наиболее важных мероприятий, осуществленных Муравьевым в гражданской части управления подчиненных ему губерний.

Почти два года (1 мая 1863 – 17 апреля 1865) в его руках была сосредоточена огромная военная и административная власть в Северо-Западном крае. Польское восстание (1863–1864) дестабилизировало жизнь в этом регионе Российской империи.

Для подавления вооруженного восстания и очищения края от всех повстанческих отрядов Муравьевым была сформирована централизованная система военно-полицейского управления. На местах войска, полиция и сельские караулы находились в распоряжении станowych военных начальников, подчинявшихся военным начальникам уездов, а последние, в свою очередь, были под началом военных губернаторов, отчитывавшихся непосредственно перед генерал-губернатором. Эта система была призвана контролировать все сферы жизнедеятельности края и восстановить мир и спокойствие.

Одновременно шла работа по обновлению гражданского управления, по существу разрушенного восстанием.

В письме к князю В.А.Долгорукову Муравьев писал: «Мы небольшие мастера администрировать. Это совершенно справедливо и доказано в Западном крае. Однако можно было бы исполнять волю правительства, если она будет ясно и положительно указана»⁴.

Подавляющее большинство чиновников в канцеляриях и присутственных местах было из польско-литовской среды. Поэтому одной из мер по укреплению правительственной власти в подчиненном ему крае Муравьев видел в привлечении русских служащих из центральных губерний. В 1863 г. он писал П.А.Валуеву: «Убедительно прошу Вас ... высылайте скорее ко

мне побольше чиновников, для замещения должностей исправников и станowych и вообще полицейских»⁵.

Добившись военного и полицейского «умиротворения» края, Муравьев пришел к убеждению, что назрела необходимость коренных преобразований, которые гарантировали бы устранение любой возможности повторения событий 1863 г. Именно с этого момента Муравьев начинал в своем управлении краем «эпоху внутреннего преобразования»⁶. В письме к П.А.Валуеву он писал: «...главная болезнь администрации Северо-Западного края — бессистемность, отсутствие твердоопределенной цели, отсюда шатание то в одну, то в другую сторону, бесцветность, неуловимость характера действий»⁷.

Мероприятия Муравьева по переустройству Северо-Западного края не должны были расходиться с общим курсом правительственной политики, напротив, они нуждались в одобрении и поддержке официальных кругов Петербурга, а также в их законодательном оформлении. В письме к А.А.Зеленому 25 сентября 1863 г. он писал о необходимости «думать о будущем устройстве сего края мерами законодательными»⁸.

Весной 1864 г. Муравьев представил императору записку с изложением своей программы. Предложения генерал-губернатора, как отмечено выше, предусматривали замену состава администрации русскими чиновниками из внутренних губерний, наделение обезземеленных крестьян землей.

Эта записка Муравьева вызвала значительный политический резонанс, хотя и не отличалась новизной или оригинальностью, все эти меры в той или иной форме уже обсуждались в правительственных «верхах» и были частично реализованы после восстания 1830—1831 гг. Однако она прозвучала в то время, когда и император, и часть его советников оказались подготовлены к восприятию этой программы.

Муравьев с самого начала стремился выработать целостную стратегию управления, которую следовало затем корректировать в зависимости от изменявшихся условий. В

воспоминаниях он определял свои мероприятия как «систему, принятую к обрусению Северо-Западного края»⁹.

Муравьев ставил своей целью укрепить власть правительства в Северо-Западном крае и провести русификацию.

Недоверие к местным чиновникам основывалось на множестве конкретных фактов, подтверждавших их связи с повстанцами. «Лицами польского происхождения» считались все чиновники, исповедовавшие католичество и происшедшие из западных губерний¹⁰. Таких чиновников увольняли не только при малейшем подозрении в неблагонадежности, но и при медлительности в исполнении приказов. Одновременно отстранялись от должности те русские чиновники, которых Муравьев считал не отвечающими его требованиям и равнодушными к делу. Все губернаторы также были заменены, свое место сохранил только могилевский губернатор А.П.Беклемишев¹¹.

Этими мерами Муравьев, видимо, хотел продемонстрировать местным чиновникам, что новое начальство настроено жестко и решительно.

Для наблюдения за благонадежностью Муравьев издал серию циркулярных распоряжений, обязывавших местное начальство представлять сведения и информировать генерал-губернатора о политической благонадежности лиц, предложенных для замещения свободных вакансий в губернских и уездных управлениях, о вероисповедании их жен и семейств¹², а также наблюдать, чтобы русские чиновники женились преимущественно на православных и избегали браков с местными уроженками «польского происхождения»¹³. В июле 1864 г., Муравьев рекомендовал виленскому губернатору С.Ф.Панютину следить за тем, чтобы его подчиненные «тщательно посещали православные церкви и тем самым подавали благой пример прочим православным»¹⁴.

Виленский губернатор С.Ф.Панютин писал в частном письме в июле 1863 г.: «...Надобно отдать справедливость, что из России прибыло много очень порядочных людей, у

меня уже определено более 20-ти. Все мировые посредники уже назначены, а в земской полиции осталось только несколько поляков действительно преданных»¹⁵. Согласно губернаторским отчетам, в течение 1863 г. в Виленскую губернию по вызову М.Н.Муравьева прибыло из внутренних губерний 252 русских чиновника. В результате в этой губернии на три чиновника польского происхождения приходился теперь один русский. В 1864 г. в Виленской губернии число русских чиновников увеличилось еще на 342 человека, и их общее количество даже превысило численность служащих польского происхождения католической веры.

В 1864 г. их уже было 1000, но как писал И.И.Корнилов в письме М.Н.Каткову и П.М.Леонтьеву: «...этого было мало»¹⁶. «На его (Муравьева) вызов вместе с десятком дельных и честных людей явилось много голодных, ищущих, где бы поживиться, явилось много неспособных... которые были возвращены обратно»¹⁷.

Чтобы привлечь на службу в Северо-Западный край русских чиновников, Муравьев создавал для них особые условия: их содержание было увеличено на 60%, им выдавались прогонные и подъемные деньги. Все это должно было способствовать тому, чтобы русские чиновники оставались в крае как можно дольше. Для этого был установлен даже обязательный двухлетний срок службы. Соответствующий циркуляр последовал 12 июля 1864 г., а Западный комитет одобрил его на заседании 1 сентября 1864 г.¹⁸

Муравьев считал, что русское чиновничество, достойное, способное и благонадежное, поможет более эффективно управлять краем, где все было парализовано восстанием.

Социальные конфликты, которые пришлось решать новой администрации всех уровней, частично были определены еще и этническими, языковыми, религиозными особенностями населения губерний Северо-Западного края.

Многие прибывшие чиновники, имевшие профессиональный опыт и желание работать, не могли, однако, обойтись без помощи бывших местных служащих. Этим объясня-

ется немалое число (как в штабе, так и «негласно») польских канцеляристов¹⁹.

От ближайших сотрудников Муравьев требовал личной преданности, деловых качеств, они должны были разделять его взгляды на политику правительства в Северо-Западном крае — «полное единство в стремлениях и действиях». Его помощниками были: И.П.Корнилов, И.А.Никотин, П.А.Черевин, А.Н.Мосолов, Н.Г.Лошкарев, П.Л.Соболевский, М.В.Шаховской. Все они не только входили в ближайшее окружение М.Н.Муравьева, но и составляли часть административного аппарата, который олицетворял империю, и через эффективность его управления зримо ощущалось присутствие центральной власти в крае. Муравьев прекрасно осознавал эту роль чиновничества и придавал большое значение формированию и деятельности бюрократии. В проведении своей политики он стремился к жесткой централизации власти, что соответствовало условиям края, находящегося на военном положении, а также увеличивало его личный контроль и личное влияние, становился «центром притяжения» системы управления и ее «мозговым центром», накапливал и анализировал всю информацию о состоянии дел и вырабатывал политику администрации в крае.

Другим острейшим вопросом в повседневной жизни подавляющего большинства населения края был крестьянский вопрос.

Реформаторство М.Н.Муравьева в 1863—1865 гг., несмотря на локальный характер, было направлено на разрешение общеимперских социальных проблем.

Его деятельность на посту генерал-губернатора Северо-Западного края по улучшению условий освобождения литовских и белорусских крестьян в 1863 г. высоко оценили даже прежние либеральные ненавистники, полагая, что «за это ему многое должно проститься».

Крестьянская политика, помимо прямых задач, должна была выполнить и более масштабную миссию социального

конструирования – внедрить в общественное сознание целостный образ крестьянства западных губерний.

В отечественной, особенно обширной советской историографии, в работах историков начала XXI века крестьянский вопрос в западных губерниях 60-х годов XIX века был и остается в центре внимания.

Поэтому интересен любой новый документ по этой теме. Ниже впервые полностью публикуется список письма М.Н.Муравьева к П.А.Валуеву от 23 августа 1863 г., в котором он обосновывает предпринятые им меры по крестьянскому вопросу в период польского восстания²⁰.

Список письма генерала от инфантерии Муравьева
к /господину/ министру внутр/енних/ дел

Милостивый государь

Петр Александрович

При вступлении моем в управление здешним краем, я обратил особенное внимание на положение, в котором находилось тогда местное сельское население.

Внимание мое обращено было преимущественно на крестьян, вышедших из крепостной зависимости в быту которых, вследствие именного Высочайшего указа 1-го марта, должна была совершиться коренная реформа.

Крестьянское сословие с самого начала происходящего здесь мятежа, несмотря на постоянные и настойчивые старания бывших Мировых Посредников, помещиков и ксендзов привлечь народ к участию в беспорядках, осталось, за весьма редким исключением, верным законному своему Правительству.

Верность свою Государю здешний народ доказал на самом деле не подаваясь заманчивым для него обещаниям злонамеренных пострекателей, многочисленными жертвами павшими от злобы и зверства мятежников и наконец принятием участие в подавлении мятежа, чрез скорое устройство сельских караулов.

События, совершившиеся в здешнем крае в течение последней половины нынешнего столетия и настоящее обстоятельство убеждают меня что единственною прочною связью этого края с Россией может и должно быть одно только крестьянское сословие, которое, несмотря на угрозы, жесткости и иногда раззорение от мятежников, продолжает оставаться верным своему долгу.

Крестьянское дело, со времени обнародования положений 19-го февраля 1861 года, развивалось в Северо-Западных губерниях при совершенно других условиях, чем во всех остальных частях Империи. Можно почти с достоверностью сказать, что благотворительный закон, улучшивший быт крестьян в других местностях, оставался здесь мертвою буквою. Мировые Посредники из местных дворян помещиков, вскоре по вступлении своем в должности, старались всеми зависящими от них способами положить преграду к развитию самостоятельной жизни крестьян, с явною и худо скрываемою целью, оставить их надолго в непосредственной зависимости от помещиков. Все действия бывших Мировых учреждений носили на себе отпечаток польской революционной пропаганды, или угнетение народа, с тем, чтобы доказать ему, что действительное облегчение своей участи они должны ожидать не от Правительства, а только от бывших своих помещиков.

Такое положение дела побудило меня, как известно Вашему Превосходительству, закрыть прежние Мировые учреждения, заменив их, по мере имеющихся в распоряжении моем средств, чиновниками от Правительства из Русских уроженцев. Вступление новых лиц в отправление своих обязанностей и открытие действий Пове-рочных комиссий немедленно обнаружили до какой степени были злонастроены действия прежних Мировых учреждений.

Находя, что при обязательном выкупе крестьянами представленных им в собственность угодий, необходимо приступить к окончательному, по возможности, устройству сельского населения и еще более укрепить в нем чувства благодарности и преданности Правительству, должно было принять некоторые меры, настоятельная потребность коих вызвалась в тех видах, что только в одном сельском населении Россия может найти опору к своему преобладанию в этом крае и только при помощи его, она будет иметь возможность противодействовать польским стремлениям дворянства и духовенства. В обыкновенное, не столь смутное время, меры эти не могли бы быть применяемы с успехом, не возбудив неудовольствия, но при настоящих обстоятельствах они возможны и положительно необходимы, и непременно послужат вернейшим средством к совершенному умиротворению края и положат конечный предел преступным настроениям помещиков-возмутителей, которые так долго и так безнаказанно обманывали народ, умышленно скрывая от него права и льготы, дарованные ему законодательством 19 февраля.

По полученным мною донесениям и из сведений, сообщенных начальником губерний Мировыми Посредниками, большая часть уставных грамот составлена неправильно, повинности крестьян исчислены неверно, в весьма многих имениях крестьянам не отве-

дено земель, следующих им по местному положению и почти повсеместно неудобные земли, как исключенные из надела, обложены повинностью наравне с удобною.

В таком явно противозаконном применении положений следует искать начала и тех многочисленных беспорядков, которые возникли в здешних губерниях при проведении в действие уставных грамот.

Обстоятельство это побудило меня представить Поверочным Комиссиям право исправлять все замечаемые ими неточности и отводить крестьянам следующие им по местному положению земли. В Инфляндских уездах Витебской губернии, где, некоторые из дворян, помещиков состоят еще на службе Мировыми Посредниками, я признал необходимым сделать распоряжение о немедленном удалении от должностей тех их них, в участках которых Поверочными Комиссиями будут обнаружены подобные злоупотребления. Допустить оставление уставных грамот без изменения я не считаю возможным, так как на этих существенно важных для каждого имения данных, должно было опираться составление выкупных актов и следовательно будущее поземельное устройство крестьян. Сверх того распоряжением моим об их исправлении и окончательном отводе земель, следующих крестьянам по местному положению, помещики лишатся на будущее время возможности под видом благодеяний переманивать народ на свою сторону, возвращая ему те угодия, коими он должен ныне же воспользоваться по праву. Крестьяне же, как неудовлетворенные в своих ожиданиях, имели бы справедливый повод к ропоту и неудовольствию.

Другая мера, заключающаяся в предоставлении Губернским и Уездным по крестьянским делам учреждениям, право принимать и разбирать жалобы крестьян на отобрание у них помещиками земельных участков, в промежутке времени от оставления инвентарей до введения в действие уставных грамот, вызвана тем важным обстоятельством, что безземельные крестьяне, как ничем не обеспеченные, по легковерию своему уступили обещаниям и угрозам мятежников, приняв в некоторых местностях, участие в беспорядках.

Подтверждением сего служат как донесения местных начальников, так и неоднократно заявлены мне волостными старшинами сведения, что только безземельный крестьянин как ничего не лишавшийся и надеявшийся на получение дарового надела земли, мог поддаться ложным и заманчивым для него обещаниям крамольников и ксендзов.

Итак, последовавшие от меня распоряжения, вызванные крайнею необходимостью, имели целью как устройство быта сельского населения, так и отнятие на будущее время у революции всех

средств пользоваться стеснительным положением крестьян. Ограждая насколько представляется в настоящее время возможность, сельское население от того гнета и унижения, в котором оно так долго находилось, я полагаю прочное основание владычеству России в здешнем крае и будущему предстанию народа в нравственном и экономическом его развитии.

Настоящее положение края оправдывает вполне мои распоряжения и дает возможность удобно приводить их в исполнение.

Спустя два или три месяца, т.е. при дальнейшем успокоении края, они будут уже несвоевременны и невозможны.

Я убежден также, что временное неудовольствие некоторых помещиков уступит впоследствии, при более хладнокровном обсуждении дела и его результатов, чувству справедливости, так как только при подобном образе действий может быть в будущем обеспечена собственность и личность каждого благонадежного владельца, не принимавшего участия в крамоле и потрясениях, произведенных при содействии здешнего польского Дворянства, которое повинувшись приказаниям мятежных властей не (нрзб.) возбуждать всех вообще крестьян к восстанию обещаниями дарового надела.

Наделение землею крестьян, лишившихся своих участков, по произволу владельцев и устройство всех остальных, на более широких и справедливых основаниях, будет залогом к спокойствию и умиротворению Северо-Западного края и народ, переживший в последнее время так много тяжелых испытаний, сделается твердым оплотом против той части дворянства и Римско-Католического Духовенства, которые покоряясь ныне сим предпринятых для уничтожения революции мер, не перестанет однакож в тайне оставаться враждебно нашему Правительству.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

№ 1649

23 августа 1863 г.

Его превосходительству

П.А.Валуеву

г. Вильно.

Мероприятия Муравьева выстраивались так, чтобы сделать «невидимыми» различия между литовцами и белорусами, между католиками, православными и старообрядцами, между фермерами и батраками. Однако старообрядцев, которые проживали разрозненными селениями в Витебской,

Виленской, Ковенской губерниях, он все же выделял, т.к. именно они в апреле 1863 г. помогли правительству предотвратить захват повстанцами крепости Динабург.

Муравьев много раз заявлял, что они «более других сохраняют русскую народность» и «неизменно преданы правительству», что не «было еще случая, чтобы старообрядец, оставив свои родные привычки, поверья, обычай и образ жизни, слился с местным инородским элементом». Поэтому местная власть защищала старообрядцев, арендующих земли в помещичьих имениях, от попыток землевладельцев согнать их с участков или повысить арендную плату²¹.

С этой целью Муравьевым был издан специальный циркуляр от 17 июня 1863 г. «в ограждение старообрядцев от произвола и преследования землевладельцев», по которому землевладельцы: 1) не имеют права удалять старообрядцев с арендуемых ими земель, не только до истечения срока пользования, но даже и в тех случаях, когда условия или контракты уже окончились, и 2) не брать со старообрядцев наемной цены свыше 3-х рублей с десятины.

В тех же случаях когда старообрядцы, сверх денежной платы, отбывают еще какие-либо работы, то таковые должны быть оценены на деньги с тем, чтобы в общей сложности наемная плата не превышала 3-х руб. за десятину²².

Главнейшими акциями Муравьева по крестьянскому делу были: распространение указа от 1 марта 1863 г., введившего обязательный выкуп наделов с понижением их оценки в так называемых литовских губерниях – Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, на белорусские губернии – Могилевскую и Витебскую; учреждение повсеместной проверки крестьянских наделов и повинностей, записанных в 1861–1862 гг. в уставные грамоты; восстановление в полном объеме наделов крестьян, обезземеленных в период после 1857 г.; попытка полного восстановления крестьянского земельного фонда, зафиксированного в инвентарях 1846 г., и придания законодательной силы инвентарным правилам 1852 г. (в свое

время так и не вступившим в действие); разрыв контрактов на аренду казенных ферм с лицами дворянского сословия и раздача этих земель в пользование государственных крестьян²³.

В 1863–1865 гг. он внедряет в крестьянское хозяйство уравнилельно-перераспределительные принципы, настаивает на ликвидации категории батраков (посредством раздачи земель), вполне традиционной для здешнего сельского населения. Более того, им была предпринята попытка нарочитой архаизации крестьянского землепользования — восстановление так называемых сервитутов, т.е. крестьянского коллективного права пользования частью помещичьих угодий (прежде всего пастбищами и лесом), что укрепляло элемент общинных порядков в сфере подворного или участкового хозяйства²⁴.

Отношение Муравьева к крестьянству края нельзя назвать однозначным и неизменным, его взгляды постепенно трансформировались. Наиболее политически лояльной группой населения он считал православных крестьян, хотя уровень их гражданского и интеллектуального развития оценивался им довольно низко. Крестьяне же католического вероисповедания, прежде всего, литовцы, не рассматривались Муравьевым как «ненадежный элемент», но они не причислялись и к безоговорочно благонадежным²⁵.

Генерал-губернатор все чаще подчеркивал, что крестьяне — «главная опора» России в этом крае, в то время, как польские помещики — главные виновники мятежа.

Муравьев восхваляет преданность крестьянства и высказывает намерение «возродить в нем» чувство «независимости от землевладельцев». Видимо, одной из причин изменения подхода Муравьева к крестьянскому сословию было его разочарование в лояльности местных русских и немецких помещиков, которые, по его мнению, не поддерживали должным образом правительство.

Меры, предпринятые виленским генерал-губернатором, в области гражданского управления в регионе, потрясенным

польским восстанием, оказались действительны и при его приемниках в мирное время.

- 1 Декабристы: биографический справочник. М., 1988. С. 119.
- 2 Там же.
- 3 См.: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 6–13, 38–40.
- 4 ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Письма генерал-губернатора Северо-Западного края М.Н.Муравьева кн. В.А.Долгорукову. 1864 г. Д. 2051. Л. 2об.
- 5 Литовский государственный исторический архив. Ф. 439. Оп. 1. Д. 217. Письмо Муравьева П.А.Валуеву 1863 г. Л. 15. (Далее: LVIA).
- 6 Четыре политические записки графа М.Н.Муравьева-Виленского // Русский архив. 1885. № 6. С. 187, 197. (Далее: РА).
- 7 LVIA. Ф. 439. Оп. 1. Д. 251. Письмо Муравьева Валуеву. 1863 г. Л. 10.
- 8 Письмо М.Н.Муравьева к А.А.Зеленому, [25 сентября 1869 г.] // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 252.
- 9 *Мосолов А.Н.* Виленские очерки: (Муравьевское время), 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 97–101.
- 10 *Павлов А.С.* В.И.Назимов генерал-губернатор Северо-Западного края, генерал-адъютант. СПб., 1885. С. 13, 14.
- 11 *Никотин И.А.* Из записок // Русская старина. 1902. № 12. С. 486. (Далее: РС).
- 12 *Цылов Н.И.* Сборник распоряжений графа М.Н.Муравьева. Вильна, 1866. С. 75.
- 13 ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2. Д. 703. Л. 1–2.
- 14 Из переписки М.Н.Муравьева относительно религиозных и церковно-обрядовых вопросов Северо-Западного края (1863–1864 гг.) / публ. А.И.Миловидова // РА. 1914. № 12. С. 564.
- 15 ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 38: 1863 г. Д. 23, ч. 121. Л. 51.
- 16 ОР РНБ. Ф. 377. Д. 360. 1864 г. И.И.Корнилов. Л. 4об.
- 17 Там же. Л. 3об.
- 18 *Цылов Н.И.* Указ. соч. С. 242–243.
- 19 *Морозов П.* Русское дело в Литовской Руси // Русский вестник. 1883. № 7. С. 32; *Комзолова А.А.* Указ. соч. С. 63, 64.
- 20 РГИА. Ф. 908. Д. 195. Л. 1–11.
- 21 См.: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 243–244.
- 22 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 207. Л. 53–53об.
- 23 *Черевин П.А.* Воспоминания, 1863–1864 гг. Кострома, 1920. С. 45.

- ²⁴ См.: *Неупокоев В.И.* К вопросу о восстановлении инвентарных наделов крестьян Литвы в результате восстания 1863 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. ст. к 70-летию акад. М.Н.Тихомирова. М., 1963. С. 418–427.
- ²⁵ РС. 1904. № 8. С. 381–384; *Черевин П.А.* Указ. соч. С. 21–23.

*А.В.Михайлюк
(Днепропетровск)*

**ИЗ КРЕСТЬЯН В НАЦИЮ?:
Отношение крестьян Украины
к национальному вопросу в начале XX века**

Название статьи позаимствовано из книги Ойгена Вебера «Из мужиков во французы: модернизация французской деревни, 1870–1914». Во Франции, по мнению О.Вебера, крестьяне стали французами по мере распространения в сельской местности городских обычаев и организаций, железных дорог, школ, мануфактур, газет, образованности, книг на национальном языке. Превращение «из крестьян в нацию» происходит в контексте модернизации и является одной из ее составляющих. Эта книга стала предметом обсуждения теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», материалы которого опубликованы в журнале «Отечественная история». Участники семинара отметили наличие множества типичных черт аграрного развития, общих для России и Франции. При сопоставлении исторического развития французского и российского крестьянства был поставлен вопрос: когда российское крестьянство превратилось (и превратилось ли?) в часть российской нации?¹ Процессы превращения «из крестьян в нацию» специфичны для каждой страны. Но здесь важна сама постановка вопроса об этом превращении. Это важно и для понимания особенностей формирования украинской нации.

В условиях получения Украиной государственной независимости понятия «народ», «нация» приобретают значения мистических сакральных символов, национальная идея предстает формой своего рода «квазирелигии». Но постоянное уместное и неуместное использование слово «нация», вплоть до попыток ввести курс «научного национализма» вместо

«научного коммунизма», напоминает заклинание и говорит скорее о том, что украинская нация даже на сегодня не сформировалась. Власть активно использует национальную идеологию, но эта идеология нужна ей не сама по себе, в ее сакральном (или даже квазисакральном) значении, а лишь как средство собственной легитимизации и обоснование отрыва от российской цивилизации и «вхождения в Европу». Все это, несомненно, препятствует собственно научному изучению национальной проблематики.

Украинцы к началу XX века, по определению многочисленных авторов, оставались «аграрной нацией», если вообще уместно такое словосочетание. М.С.Грушевский писал: «Протягом цілого століття українство і селянство стало ніби синонімами»². Он считал крестьянство практически единственным репрезентантом украинской этничности, сохранившейся в течение всего исторического времени. Именно оно, по убеждению М.С.Грушевского, было единственной социальной базой для украинского национального возрождения, для формирования современной нации³.

В понятия «нация», «национализм», «национальное» вкладывают различное содержание. Их нельзя понять просто как идеологию или разновидность политики, — их следует трактовать и как культурные феномены⁴. Специалисты выделяют три подхода к пониманию национального феномена: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. В западной науке позиции конструктивизма отстаивают Б.Андерсон, П.Бурдьё, Э.Геллнер, Э.Хобсбаум и др. Согласно конструктивистской интерпретации, нация является «воображаемым сообществом»⁵, чисто современной конструкцией⁶. «Национализм не заключается в пробуждении наций к самосознанию; он скорее изобретает нации там, где их не существует» (Э.Геллнер).

Нация — не реальный феномен, а социальный конструкт, воображаемое сообщество, члены которой не взаимодействуют между собой, но рассматривают себя как единый кол-

лектив с общим характером, надеждами и судьбой. Нация – это слово, наполненное смутным, но привлекательным содержанием, категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая не стала и не может быть категорией анализа, т.е. стать научной дефиницией. Оно используется активистами для специфических целей мобилизации и для утверждения своих внутригрупповых и внегрупповых статусов, считает В.А.Тишков⁷.

Ключевую роль в мобилизации членов этнической группы на коллективные действия во имя политических или социальных целей играют лидеры, которые нередко преследуют собственные цели. Создание нации является собой результат сознательной деятельности представителей элиты, которые стремятся свои интересы оформить как общенациональные и с этой целью для их защиты и осуществления сплотить основную массу народа в единое политическое целое, т.е. нацию. Нация является для них не столько явлением реальной жизни, сколько идеальной моделью, конструкцией, которую они должны воплотить в жизнь. Конструктивистская парадигма ярко демонстрирует возможность манипулятивного влияния на этнос, обусловленного влиянием «социальных конструкторов» на этническое сознание.

Ф.Знанецкий в работе «Современные нации» выдвигал идею о том, что нация создается группой интеллектуалов данного этноса, своего рода умственной аристократией данной эпохи, которая и производит комплекс культурных ценностей, который должен лечь в основу кристаллизующейся национальной культуры⁸. Национальное чувство, писал А.Грамши, «не народно национальное, то есть чисто “субъективное” чувство, не связанное с объективной действительностью, объективными факторами и учреждениями. И потому это еще одно чисто “интеллигентское” чувство, ведь именно интеллигенция чувствует свою преемственность и непрерывность своей истории, только у интеллигенции и была непрерывная история»⁹.

Для дореволюционной России был характерен разрыв в культуре между социальными слоями. Современники отмечали, что «разрыв между городом и деревней был не только экономический, но и психологический и даже языковой. Культурная городская прослойка плохо понимала язык села и даже отбрасывала его, а село совсем перестало понимать городской культурный язык. Они плохо понимали друг друга и расходились, не договорившись ни о чем... Так образовались две культуры: городская и крестьянская, два разных мира. Город был ближе к миру европейскому, село не отличалось от мира, каким он был при Петре Великом, до “реформ”»¹⁰.

Внутри одной страны, в сущности, возникли два типа цивилизации. На Украине исторически сложилось так, что национальный состав города и села был не одинаков. Это придавало национальную специфику культурному различию между социальными слоями. Социокультурное противостояние между традиционалистским селом и модернизированным городом во многом обусловило весь ход культурно-исторического развития украинских земель. В контексте социокультурного противостояния города и села можно рассматривать и проблему роли национального фактора в жизни крестьянства Украины.

Украинское движение составляла и представляла, главным образом, «национально сознательная» интеллигенция и так называемая «полуинтеллигенция», как это признают и современные исследователи¹¹. «Українство, — отмечает В.Липинский, — по природі своїй є рухом верхів»¹².

Авторы «Вех» видели историческую драму интеллигенции именно в ее культурном маргинализме. Интеллигенция, будучи своего рода представителем другой культуры в своей культурной среде, явление сугубо национально. Более того, именно интеллигенция и создает нацию — по западному образцу. Нация возникает на развалинах сословного общества. Процессы распада, развивающиеся в этом обществе, порож-

дают большое число «отщепенцев», или «аутсайдеров», людей, которые выпали из прежних устойчивых социальных структур. Усиливается движение больших масс людей из сел в города и между городами. Люди переходят из одних групп в другие часто неоднократно в течение своей жизни. Человек перестает быть с рождения прикрепленным к одной социальной группе, к единственной системе групповых ценностей¹³.

Именно эти маргинализованные элементы были наиболее восприимчивы к национальной идеологии. Более того, они нуждались в ней как заместители утраченных ценностей. Национализм интеллигенции сформировался в результате западных влияний, был результатом модернизации и развития буржуазных отношений (в этом плане не может быть национализма небуржуазного), имел модернизационную, антиимперскую, западническую направленность. Практически все общественные идеи, которые в разное время распространялись на Украине и среди украинцев, отмечает Л.А.Зашкильняк, были порождены в европейском культурном поле и адаптированы украинскими интеллектуалами. Украинский национализм в широком понимании был следствием европейского просветительства и романтизма, внедривших в историю понятие «народа-нации» и, тем самым, давших толчок формированию национальных идеологий и движений¹⁴.

«Українство, як рух державно-національний, є дитиною культури європейської, не азійської», — отмечал В.Липинский¹⁵. При этом интеллигенция распространяла свое западничество и на весь «народ». «В порівнянні з народом великоруським український являється народом західної культури — одним з найбільш багатих східними, орієнтальними впливами, але все-таки по всьому складу своєї культури й свого духу західним», — писал М.С.Грушевский¹⁶.

Национализм Э.Геллнер называет «изобретенной традицией». Интеллектуалы, претендующие на возрождение народной культуры, вместо этого формируют культуру новую,

хотя и основанную на местных стилях и диалектах. Национальная интеллигенция, которая создавала современные национальные культуры, верила и декларировала, что эти культуры были лишь возрождением и сохранением уже существующей, но пришедшей в упадок и униженной культуры народа, который творит нацию, пишет И.-П.Химка. Но «в действительности была не чем иным, как местной версией универсальной современной культуры», она является «отрицанием» традиционной культуры и она маскирует сущность отрицаемой ею культуры¹⁷.

Под этносом понимается понятие более широкое, чем нация. Его относят ко всем типам социума¹⁸. Но этническая идентичность не тождественна национальному сознанию, отмечает Я.Грицак¹⁹. Если трактовать понятия «нация» и «этнос» как тождественные, то есть определенный смысл в словах И.Нагаевского: «Ніде правди діти, революція 1917 року застала Придніпрянську Україну скаліченою духовно, національно, культурно і соціально. Учасники війни кажуть, що тільки селянська маса залишилася українською, а всі інші прошарки суспільства були зденаціоналізовані»²⁰. «З усіх суспільних верств на Україні українським залишалось лише селянство і звязане з ним сільсько-господарське робітництво», — писав И.Мазепа²¹.

Украинская интеллигенция, даже «национально сознательная», являла собой маргинализованную прослойку, возникшую в результате модернизации и в этом плане была «зденаціоналізована» (т.е. выпала из традиции, потеряла этнические корни), хотя именно она и выработала под воздействием западных влияний национальную идеологию. Интеллигенция пыталась внести в крестьянство национальное сознание. Крестьянство же, будучи носителем этнических особенностей, не могло их отрефлексировать, как и вообще самостоятельно выработать какую-либо идеологию.

Крестьянское население в массе своей не имело национального самосознания, хотя и сохраняло родной язык и культуру. «Двохсотлітня московська неволя скалічила

український народ: знищила його нормальну соціальну будову, підпорядкувала широкі українські маси культурним, господарським і політичним впливам російського суспільства, створила з українського народу сиру етнографічну масу несвідомих і неорганізованих робітників і селян... Фактично на Україні напередодні революції панував “русский дух” і майже не було помітно проявів якого-небудь ширшого, масового національного руху», – писав І.Мазепа.

Но объясняют это лишь «многовековой политикой имперских властей», тем, что «синдром “малороссийства” за три века целеустремленной идеологической обработки населения адептами “православия, самодержавия и народности” слишком глубоко проник в народную толщу», – весьма поверхностно. Тем более некорректными выглядят попытки некоторых современных украинских исследователей напрямую связать украинский национализм с украинским крестьянством.

К.Маркс писал о крестьянстве, что оно образуется простым добавлением одноименных величин, похоже на то, как мешок картошки образует мешок с картошкой. Поскольку между parcelными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой *национальной* связи, никакой политической организации²². Как пишет Э.Геллнер, «даже когда локальная группа является внутренне более-менее однородной, незначительной является вероятность того, что она будет совмещать собственную самобытную культуру с каким-то политическим принципом, будет думать о политической легитимности своей культуры. Существует немало очевидных причин, почему при этих обстоятельствах такая мысль была бы неестественной и абсурдной в глазах тех, кому ее пытались бы втолковать»²³.

Мир села был замкнут и самодостаточен. Дореволюционная литература говорит об отсутствии у крестьян чувства причастности к судьбам страны или нации, их огражденно-

сти от внешних влияний. В соответствующем состоянии находился и уровень национального сознания. Н. Шаповал свидетельствует: «Селянська думка не має ніякого соціологічного світогляду ні в якій формі: ні в релігійній, ні в суспільно-політичній, ні в національно-культурній»²⁴.

Среди крестьянства всегда существовали весьма значительные различия. Как писал Василий Иванов, «интересно посмотреть на народную жизнь глазами самого народа, прислушиваться к его взглядам, выслушать его собственное мнение о своей жизни. Далеко не однородной массой представится тогда крестьянство. Своеобразные классы с разными взглядами, обычаями и интересами замечаются среди этого на вид однородного люда»²⁵. В начале XX столетия имело место значительное отличие между отдельными рядами крестьян Украины: различались бывшие казаки, государственные крестьяне, помещичьи, удельные общинники, подворники, колонисты, чиншовики, однодворцы и т.п.²⁶ Они отличались условиями землевладения, размером наделов, правовым положением, нормами общественного уклада. Часто в соседних селах или в одном селе проживали различные категории крестьян. Крестьяне различались также по этническому и конфессиональному признакам. На территории Украины существовали десятки микрорегионов, культурные нормы которых значительно отличались.

Современные украинские исследователи акцентируют внимание на том, что Украина складывалась как конгломерат нескольких отличных историко-географических территорий, каждая из которых имела собственную историческую судьбу²⁷. Не только каждый регион, даже каждое село имело свои особенности. Крестьянству присуще разнообразие местных обычаев, диалектов, жизненных укладов. Культура в аграрном обществе имеет тенденцию или делиться горизонтально (на общественные касты), или вертикально, в рамках мелких местных сообществ.

Э. Геллнер отмечает значительную культурную дифференциацию среди небольших крестьянских сообществ, кото-

рые обычно живут изолированной, замкнутой жизнью. Там уважение к горизонтальным, подчас почти незаметным отличиям, важным именно для определенной местности, может быть очень серьезной проблемой²⁸. С одной стороны, происходит «уравнивание» в юридическом, этническом, культурном аспекте — между «хохлами» и «москалями», между «вольными» и «панскими». Но возникают новые особенности, новые отличия. Как писал Василий Иванов, «миры» сближаются, но увеличивается бездна, разделяющая «классы»²⁹.

Крестьянам не была присуща самоидентификация в понятиях этноса или нации. Крестьянин мыслит всегда конкретно. В первую очередь он идентифицирует себя не с воображаемым, а с конкретным сообществом — семьей, общиной, селом. О степени неосознанности крестьянством этнонациональной принадлежности свидетельствуют многочисленные записи наблюдателей о крестьянской самоидентификации и употребляемых ими этнонимах. Н.Шаповал констатирует: «Український народ жив до революції традиційно, цебто нова генерація жила переказаним, у спадщину одержаним примітивним світоглядом відповідно до соціальної групи: чи селянство, чи робітництво, чи ремісництво, чи сільська і міська інтелігенція та напівінтелігенція. Подавляюча більшість українців не мала навіть найменшої національної свідомості, навіть не мала окремого національного імені — більшість міських українців називали себе росіянами і в кращому разі малоросами, селяни ж не називали себе ніяк. Це стан примітивний»³⁰. Б.Гринченко писал: «наш мужик не знає навіть свого національного імені. Він тільки знає, що він не москаль, не турок, не німець, але хто саме він — Бог його знає»³¹.

Типичным явлением было непонимание разницы между религиозным, этническим и языковым признаками. Земские статистики даже не разграничивали эти понятия, употребляя термин «национальный вероисповедный состав»³². Весьма

распространенным самоназванием, хотя и достаточно искусственным было «малороссы». Понятие «Украина», «украинец» было мало знакомо крестьянам. В Полтавской губернии, например, Украиной называли южные регионы – Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую губернии, Крым, Северный Кавказ – куда ходили на сезонные заработки, а тех, кто ходил на заработки, называли украинцами³³. Уже после 1917 г. во время украинизации воинских частей, на предложение украинцам выйти из рядов солдат не выступил никто, на малороссов отозвалось несколько человек, а остальные выдвинулись вперед при слове «хохлы»³⁴.

Связи между отдельными регионами были слабыми, а усиление этих связей в результате модернизации вызывало напряженность и конфликты. Пришлые рабочие вызывали враждебность местных крестьян, для которых они были конкурентами – им не давали работать, прогоняли из экономий, временами били. А для Херсонщины, например, слова «полищук» и «полтавец» были не только географическими понятиями, но и унизительно-презрительными прозвищами³⁵.

Среди крестьянства проявлялось деление на «местных» и «чужих». За местными крестьянами признавалось право на покупку земли «при селе». Местные прогоняли посторонних крестьян, которые приобрели землю «іхнього пана», безземельных других сословий и пришлых из других мест, хотя и приписанных к селу. «Нашего пана земля должна быть нашей, а вы ступайте в свою сторону». На этой почве возникали конфликты и с помещиками-арендодателями, от которых требовали не давать землю в аренду жителям других сел. В этом проявились присущие крестьянству партикуляризм и узко местная исключительность.

«Національна свідомість, національне чуття – це є вже абстракція часової реальності, це є передбачання дальшого, підрахунок минулого, скомбінування в щось одне всього минулого, сучасного й майбутнього. Український селянин не

мав ні змоги, ні часу до таких складних комбінацій», — признавал В.Винниченко³⁶. То есть нация как «воображаемое сообщество» не вписывается в представление крестьян, которые мыслят всегда конкретно.

Наблюдатели не могли не заметить, что упадок традиционного строя, вызванный промышленным развитием, ростом мобильности населения, влиянием школы и централизованных правительственных усилий, негативно отражается на сохранении этнических признаков. Масса населения безразлично относилась к потере форм своего местного языка, вообще этнической самобытности. Побывав в городе или на военной службе, крестьяне начинали говорить ломаным русским языком, одевались в городскую одежду, пели не народные песни и думы, а «модные» песенки наподобие: «У матроса кудри выютца, а в девчонки слезы льютца...»³⁷. К проблеме обучения на родном языке, которой была так озабочена национально сознательная интеллигенция, масса крестьян относилась либо индифферентно, либо отрицательно.

Тут стоит вообще отметить особенности отношения крестьянства к образованию. Неграмотность, низкий уровень образованности крестьяне рассматривали как имманентную черту своего социального статуса, и, напротив, образованность в их понимании ассоциировалась с принадлежностью к социальным верхам, господскому сословию. Крестьяне в лучшем случае хотели получить практическую пользу от учебы, воспринимая его сугубо утилитарно. По окончании школы ученики «цураються хліборобства, а силяться в пани, на легкий хліб; а через те батьки дивляться на школу як на ворога, бо вона отнімає в них дітей, отнімає надію, що як діти підростуть, то будуть помагати в хозяйстві стареньким батькам»³⁸. Школа рассматривалась либо как своего рода «повинность», либо как средство «выбиться в люди». Во втором случае предпочтение отдавалось русскому языку обучения. Крестьяне протестовали против введения обучения на

украинском языке: «Ще щоб наші діти zostалися навек мужиками? — Не треба! — Тепер хоч дехто з наших дітей виучується на вчителів, попів, лікарів, а то вже годі буде»³⁹.

Распространение грамотности не приблизило крестьянский мир к городской культуре. Огромное большинство читателей из низших классов в селах и городах в своих культурных переживаниях и повседневной жизни оставалось отчужденным от интеллигентских кругов и интеллектуального мира модернистского творчества, в том числе и национальной литературы, которая оставалась для них чужой и непонятной, вызвала лишь скуку. Дома у крестьян преобладали Библия, Евангелие, молитвенники, жития святых, а также лубочные книги, календари и переводные романы. На книжном рынке превалировала лубочная или бульварная литература. Любимым чтением городских низов и особенно крестьянства оставались лубочные книжки.

«Крестьянский мир» подозрительно, а часто и враждебно относился к интеллектуальным исканиям, моральным терзаниям и «выходам в народ» образованного меньшинства. Последние лишь усиливали негативный образ «блаженного барина». Вышитая рубашка, одетая некрестьянином, перестает быть настоящим предметом сельского быта, превращаясь в культурный артефакт и способ декларирования собственных убеждений⁴⁰. В том, что господа «ломают язык», пытаюсь говорить с ними по-мужицки, или наряжаются в квазикрестьянскую одежду, крестьяне чаще всего видели насмешку над собой. «Он смеется над нами, слова, как следует не скажет, чему он детей научит?» — говорили крестьяне об украинофильствующем учителе, который пытался ввести украинский язык в школе⁴¹.

О монархизме как черте крестьянской ментальности писали многие авторы — от анархистов до монархистов включительно. Большинство крестьян воспринимали носителя власти положительно, а государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем абсолютной

(«Нельзя земле без царя стоять»). Это, в сущности, было мировоззренческой нормой времени. Представление о власти и ее носителе-государе имели преимущественно религиозно-моральный характер. В крестьянском мировоззрении такое отношение к власти, к личности царя проявлялось особенно выразительно. Патерналистский деспотизм полностью отвечал представлениям крестьянства о должной власти. Несмотря на постоянно повторяющиеся периоды обострений, отношение крестьянства к власти в целом вкладывается в представление о нем как носителе идеологии государственности. И это объясняет ориентацию самодержавия на крестьянство как на массовую социальную опору, его патернализм в политике относительно крестьянства и даже самый факт сохранения самодержавия.

Православно-монархические идеи находили широкую поддержку среди украинских крестьянства, наибольшей популярностью среди крестьян пользовались черносотенные организации. В Екатеринославской губернии в августе в 1908 г. насчитывалось 12600 членов «Союза русского народа»⁴². За черносотенным движением даже Ленин признавал «темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»⁴³. Архиепископ Антоний (Храповицкий) вообще назвал «Союз русского народа» первым и единственным во всей России чисто народным, мужицким, демократическим учреждением⁴⁴. Украинское крестьянство, особенно на Правобережье, связывало надежды на решение своих проблем с «добрым царем», от имени которого и выступали черносотенцы⁴⁵. Но эта популярность также была ситуативной, не имела характера осознанного мировоззрения. Кроме того, она имела антимодернизационную направленность. «А ведь мысль вернуть Россию к старине допетровской, оторвав от участия в западноевропейской культуре, есть нечто намного гораздо более разрушительное для существующего порядка, нежели самые крайние мысли наших революционеров», — делает вывод из проповеди епископа Антония Волынского Д.Мережковский⁴⁶.

Если во Франции и других европейских странах превращение «из крестьян в нацию» происходит благодаря модернизации, то украинцам, как отмечает Я.Грицак, удалось сохранить свою этническую идентичность не столько благодаря, сколько вопреки всем модернизационным процессам на их землях⁴⁷. Украинские интеллектуалы, считавшие своей обязанностью защиту традиции, воспринимали модернизацию как угрозу. Украинский национализм как идеология и форма политического движения был скорее опосредствованной реакцией на модернизационные процессы, а не их следствием⁴⁸.

Вызывает интерес сравнение крестьянства украинского и российского. В литературе делалось немало попыток определить особенности украинского национального характера, подчеркнуть отличие между украинцами и россиянами. Этой традиции положил начало Н.Костомаров статьей «Две русских народности»⁴⁹, продолжали В.Антонович⁵⁰, Д.И.Чижевский⁵¹ и др.

Современные исследователи, делая обобщения, выделяют главные архетипы украинского национального характера, созданные традиционной украинской культурой: уверенность относительно основания жизни на регулярных трудовых усилиях; неуверенность относительно распоряжения достижениями собственного труда **та покладистость тому**, кто обнаружит более решительное «право воли»; отсутствие в самоопределении украинства публичного измерения жизни и доминирования в нем индивидуальных факторов частности и партикулярности; надежды больше на судьбу, чем на собственную волю относительно распоряжения собственной жизнью; архетип спонтанной вольности или бесшабашности, которая возникла как реакция на некоторые внешние вызовы бытия⁵².

Но уже Д.И.Чижевский предостерегал: «Не треба думати, одначе, що народній характер і світогляд є повна та цілісна єдність. Є завше в кожній нації ріжні психологічні типи

людей, є певні ріжноманітні соціальні типи, є, нарешті, місцеві відміни, що можемо назвати племінними. Усі такі відміни дуже ускладнюють національне обличчя народу, роблять його характеристику надзвичайно складним завданням. Від цієї ріжноманітності характерів залежать і певні ухили у світогляді. Не тільки з цієї причини і не тільки тому, що сучасна психологічна наука ще не дає нам певних метод до переведення психологічної характеристики певного національного типу, утримуємося ми тут від детальної спроби національної характеристики “українця”»⁵³.

Современные исследователи признают, что понятие национального характера (имеющее целый ряд терминологических эквивалентов и смысловых синонимов), которое фиксирует факт определенной психологической самобытности и отличия разных народов, принадлежит к числу широко употребляемых в социофилософских контекстах, но вместе с тем — и к числу наиболее неопределенных, дискуссионных по содержанию. Национальный характер, отмечает А.В.Швецова, нельзя понимать как статический перечень схожих черт, свойственных представителям определенного этноса. Подобие психологических черт у представителей отдельного этноса является производной от исторически культурного уклада жизненного мира и требований к личности со стороны культуры, которая создает и воспроизводит определенную «модель» *желаемого* (выделено мной. — А.М.) для этой культуры типа личности — «человека культуры»⁵⁴.

Необходимо учитывать, что и национальная модель культуры, и модель желаемого для этой культуры типа личности разрабатывались интеллигенцией. Исследователи вполне справедливо пишут о сознательно разработанном украинскими интеллектуалами XIX века и бережно поддерживаемом мифе об украинском крестьянине, самыми известными составляющими которого является представление о присущем ему индивидуализме и свободолюбию, демократизме, развитом эстетичном вкусе и песенном таланте⁵⁵. А в

украинской историографии, по мнению Н.Яковенко, «утвердился в настоящее время доминирующий способ толкования прошлого как прецедент для подтверждения тех или иных достоинств украинского народа»⁵⁶.

Процессы модернизации, которые переживала Российская империя, в меньшей степени коснулись провинции. Конечно, «малороси-землероби» сохраняли свой «национальный колорит», скорее уже самим своим существованием, чем какими-то целеустремленными общественно-политическими действиями или высоким уровнем национального сознания⁵⁷. Но то, что называют «генетическим влечением к традиционным земледельческим формам ведения» хозяйства, было присуще всему крестьянству империи, независимо от этнической принадлежности, и этим оно противостояло не столько «имперским потугам» государства, сколько модернизационным процессам, которые происходили либо независимо от вмешательства государства, либо сознательно насаждались государством.

В этом отношении между крестьянством России и Украины больше общего, чем отличного, к тому же ни в России, ни в Украине крестьянство не было однородным в этническом, религиозном, социальном, культурном отношении. По крайней мере, в официальных документах и законодательстве в свое время это отличие не отражалось. Украинцы были, согласно терминологии, «русскими» изначально⁵⁸. Стоит подчеркнуть, что как в первичных, так и во вторичных исторических текстах употребляется термин «русское крестьянство». По большей части, здесь имеется в виду вообще крестьянство Российской империи, к которому принадлежало и крестьянство ее украинских губерний. Представляется, что характеристики крестьянского менталитета, традиционного сознания, особенностей психологического состава и тому подобное, которые в них приводятся, в значительной мере касаются крестьянства русского и украинского.

В этой связи имеет основание и определение крестьянства как специфического «образа жизни» (Фей Сяодун), и понимание крестьянина как особого «человеческого типа» (Р.Редфилд), а крестьянства – как категории не только социально-экономической, а в широком понимании – антропологической⁵⁹. Крестьянское общество и крестьянская культура имеют что-то общее, отмечает Р.Редфилд. Это способ организации человеческой жизни, который имеет похожие черты во всех частях земного шара⁶⁰. Исследователи указывают на «устойчивость определенных черт, характерных для крестьянства в очень разных обществах», «нечто общее в нем... (некий) тип, безотносительный к конкретной местности». Он общий для местностей, отдаленных на тысячи миль, и в ситуациях, разделенных столетиями. Региональные особенности фактически являются модификацией его основных, общих черт, которые, взятые в совокупности, и выделяют его в особый социальный феномен. Широко распространенный вывод практических исследований, что мы имеем дело с «повторяющимся синдромом» (Э.Вольф), стал центральным для обобщения и возрастающего его использования. Это привело также к усилиям сделать понятие «крестьянство» особой единицей теоретического мышления, использовать его как обобщение и теоретическое понятие⁶¹.

Для «традиционного общества» характерно враждебно-негативное отношение к чужой культуре. Человек не воспринимает, боится, не способен понять людей другой культуры. Но национализм интеллигенции и «национализм» народа (если можно употреблять этот термин относительно крестьянства) не просто не совпадал, а даже имел разную природу и противоположную направленность. Украинский национализм, по мнению Э.Карра, имел скорее антисемитскую и антипольскую окраску, чем антироссийскую. Украинский национализм, который прежде всего и главным образом опирался на чувство враждебности к России, не очень привлекал к себе крестьянство⁶².

Характерные черты «традиционного общества» проявились в отношении крестьянства к еврейскому населению. Евреи, которые веками проживали рядом с украинскими крестьянами, но сохраняли свою культурную самобытность и самоизоляцию, были для крестьян «чужими», со всеми вытекающими из этого последствиями. Обострение еврейского вопроса приходится на конец XIX века — время быстрого развития капиталистических отношений. Распространение среди крестьянства юдофобских настроений стало своего рода реакцией на модернизационные процессы и развитие рыночных отношений. Евреи активно участвовали в торговле и в известной мере олицетворяли ее⁶³.

На Правобережной Украине в качестве арендаторов и ростовщиков все большую роль играли местные евреи, что придавало экономическим отношениям межнациональный характер. Притеснения и преследования евреев как со стороны правительства, так и со стороны крестьян в основном вытекали не из расовых или религиозных, а из антикапиталистических тенденций. Показательны в этом плане слова председателя комитета министров М.Х.Рейтерна, высказанные им во время обсуждения предложенных министром внутренних дел Н.П.Игнатьевым мероприятий по ограничению экономических прав евреев в кабинете министров в апреле 1882 г.: «Сегодня травят и грабят евреев, завтра перейдут к так называемым кулакам, которые морально суть те же евреи, только христианского, православного вероисповедания. Потом очередь может дойти до купцов и помещиков. Одним словом, при подобной бездеятельности власти можно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма»⁶⁴.

То есть крестьяне громили евреев не за то, что они были евреями, хотя негативное отношение к «чужим», конечно, имело место, а за то, что они были арендаторами, ростовщиками, перекупщиками, занимались коммерцией и т.п. Более того, еврейские торговцы, арендаторы, перекупщики,

укрепившись экономически, стали не только больше обманывать и эксплуатировать крестьян, но и вести себя пренебрежительно и вызывающе. К началу XX века эти взаимоотношения достигли критического предела.

Антиеврейские выступления распространились среди крестьян во время революционных событий 1905–1907 гг. Наибольшее распространение погромы получили на Левобережье, на Полтавщине и особенно Черниговщине. О.К.Мицюк утверждает, что антиеврейские погромы имели место лишь на Левобережье, тогда как на Правобережье и в Степной Украине их не было⁶⁵. Но документы свидетельствуют, что и на Правобережье, и в Степной Украине, в частности, на Екатеринославщине эти явления были достаточно распространены.

Погромы, как правило, возникали на бытовой почве: в августе в 1904 г. в м. Смилы Киевской губ. погром начался с того, что во время ярмарки еврейская торговка обвинила приезжую крестьянку в краже и ударила ее по лицу; в июле в 1905 г. погром в м. Петриковка Новомосковского уезда Екатеринославской губ. начался с того, что еврей-торговец отказался отдавать местному крестьянину долг, летом в 1906 г. в м. Яблунивки Лубенского уезда Полтавской губ. еврейский юноша побил девушку крестьянку и т.п.

По-своему понятый крестьянами Манифест от 17 октября стал стимулом для погромного движения. Как сообщалось в рапортах Екатеринославского уездного исправника губернатору осенью 1905 г., в больших селах, таких, как Томаковка, Хортица, Вышетарасовка, среди крестьян распространяются слухи, что Манифестом велено уничтожать внутренних врагов России, которыми являются евреи. В с. Волошском крестьяне обратились к местному уряднику с требованием позволить бить евреев. Когда же урядник стал объяснять незаконность их действий, то они проявили возмущение и выражали угрозы в адрес полиции. Крестьяне Верхнеднепровского уезда угрожали «забастовкой»: «будем

бить евреев и грабить их имущество». Типичными были случаи, когда крестьяне, группами или в одиночку, как правило, в нетрезвом состоянии, приходили в лавку или домой к еврею и требовали поить их водкой или дать деньги на выпивку. В случае невыполнения этого требования они совершали дебош и погром. К ним часто присоединялась толпа. В первую очередь это касалось тех евреев, которые отличались скупостью и жадностью, плохо обращались с рабочими, позволяли себе недоброжелательные высказывания в адрес царя или православной веры. Так, в с. Августиновка Екатеринославского уезда крестьянин, услышав пренебрежительное высказывание о царе в еврейской лавке, рассказал об этом односельчанам. Последние, возмущившись, совершили погром лавки.

Впрочем, имели место погромы по подобному сценарию и лавок, принадлежащих православным. Погромы стали приобретать политическую окраску. В октябре в 1905 г. в Никополе в ответ на революционную демонстрацию, которая проходила под лозунгами «Долой царя и полицию!» и в которой принимали участие главным образом евреи, местные рабочие и крестьяне, собравшись в толпу под лозунгами «Да здравствует Белый Царь!», набросились на демонстрацию, совершили еврейский погром. После погромов еврейских магазинов и домов грабежи распространились и на помещичьи экономии и хозяйства зажиточных крестьян⁶⁶.

Но вряд ли можно говорить о «шовинистических формах» крестьянского движения. В годы революции 1905–1907 гг. были случаи, когда крестьяне просили прислать им агитатора – «еврея или студента», избирали евреев в состав революционного сельского самоуправления (эти примеры, в частности, приводят Н.Мирза-Авакянц⁶⁷ и Т.Шанин⁶⁸). Были случаи, когда крестьяне прятали евреев от погромов.

Представляются по меньшей мере проблематичными утверждение типа: «за девять революционных месяцев в 1917 г. украинское крестьянство прошло путь “з крестьян в нацию”,

на который при более спокойных условиях пошло бы несколько лет»⁶⁹; «борьба крестьянства имела выразительную национально-освободительную направленность»⁷⁰; «специфика сочетания национальных и социальных факторов размежевала украинскую крестьянскую стихию с аналогичным российским движением»⁷¹; «между ними сохранялось много общего, но украинский вариант приобрел признаки национально-освободительного движения, наполненного социальным содержанием»⁷² и т.п. Здесь, на мой взгляд, проявляется определенная заангажированность, стремление выдать желаемое за действительное некоторых современных украинских авторов.

В.П.Булдаков пишет, что окраинный национализм подогревался аграрным вопросом, который придавал крестьянскому движению шовинистические формы, хотя эта тенденция проявила себя не сразу⁷³. Однако, вряд ли можно говорить о «шовинистических формах» крестьянского движения. Хотя крестьянские выступления иногда и проходили под лозунгами «Да здравствует независимая Украина! Не дадим хлеб в Московию!»⁷⁴ (как иногда они проходили и под лозунгами «Боже, царя храни»⁷⁵ или «Долой коммуну и жидовскую власть!»⁷⁶), из этого еще нельзя делать вывод о «национальном сознании» крестьянства: хлеба крестьянин вообще никому не хотел давать, в данном случае – в «Московию».

В условиях вызванных революцией процессов социокультурного распада и регресса социальных отношений этнические связи, как более архаичные и глубинные, оказались более устойчивыми, их значение выросло. В условиях социального кризиса многие люди переживают потерю идентичности, и именно через этничность находят утраченное чувство личной и коллективной самооценности. И здесь национализм интеллигенции и «национализм» народа определенным образом «накладывались» друг на друга. Но этническая идентичность не тождественна национальному созна-

нию. Крестьянство было мало восприимчивым к национально-политическим идеям, воспринимая их в лучшем случае сквозь призму социально-экономических проблем.

Поддержка крестьянами Украинской Центральной Рады летом в 1917 г., о которой так много пишут различные авторы того времени и современные историки, определялась не столько национальными чувствами или сознанием, сколько вполне прагматичным расчетом – надеждами на то, что УЦР упразднит введенную Временным правительством хлебную монополию, прекратит реквизиции и будет способствовать решению в интересах крестьян земельного вопроса. В агитационно-пропагандистских материалах этого периода, в частности, отмечалось, что в случае проведения социализации на пахотную землю Украины будут претендовать выходцы из российских губерний, где ее не хватает. Чтобы защитить себя от таких претензий, украинцы должны добиваться решения вопроса об автономии. Такая аргументация была достаточно действенной⁷⁷. М.М.Ковалевский признавал, что в своей агитации того времени относительно земельной политики он прибегал к «демагогии»⁷⁸.

При этом УЦР вынуждена была проводить своеобразный «национальный ликбез»: сельские правления получали указания зачитать на сходе I Универсал ЦР, разъяснить крестьянам, что такое украинский народ, автономия Украины, земельный вопрос и тому подобное. Даже украинский язык официальных документов был для крестьян необычен и не совсем понятен.

В.Винниченко считал, что национальная интуиция во время развертывания революции проснулась в известной степени и в душе крестьянина, однако сразу же «злилася з його реалістичною природою й набрала цілком конкретних соціальних форм, які для селянина були цілком зрозумілі й виразно видні»⁷⁹. Иной точки зрения придерживался В.Липинский: «Замість патріотизму героїчного, патріотизму по-святи, патріотизму любові, витворився ніде в світі не баче-

ний якийсь патріотизм меркантильний, з розцінкою на земельну валюту»⁸⁰. Екатеринославская меньшевистская газета «Наша борьба» так характеризовала настроения крестьян-делегатов губернского съезда, проходившего в январе 1918 г.: среди крестьян «живой интерес к земле. О других политических событиях слушают иногда внимательно, иногда зевают. У большинства неразвитых крестьян стремления к украинизации вообще нет и их мало интересует этот вопрос... Что делает Совет, кроме осуществления земельных программ — их мало интересует»⁸¹. «В народе часто можно встретить полное отсутствие интереса к национальной самобытности», — писал К.Росс весной в 1918 г.⁸² Д.З.Мануильский на VIII Всероссийской партконференции говорил: «Мужику нужна мануфактура, и будет ли эта мануфактура желтого или красного цвета — полностью безразлично»⁸³.

Представители украинских социалистических партий разных оттенков видели главную причину своего поражения в низком сознании народных масс, которые в критические моменты не предоставили решающей поддержки «украинской революции». В.Липинский писал про «малоруські, українобайдужі низи, що завжди в лиці своїх представників не хотіли і не будуть хотіти воювати з Москвою»⁸⁴.

Сама постановка проблемы национальной государственности должна была выглядеть для крестьян в чем-то искусственной и надуманной рядом с более неотложными проблемами момента.

Представляются также проблематичными поиски в махновской идеологии попыток «выработки собственного варианта украинской идеи» или говорить о махновском движении как об отдельной форме национального движения, которая исповедовало другой принцип организации общества⁸⁵. Пытаясь доказать «украинскость» махновского движения, В.Ф.Верстюк как один из аргументов приводит попытки Махно выйти рейдом за пределы украинских этнических территорий. Они быстро приводили к неудачам и вынуждали

«бабку» возвращаться в родные края, и это при том, что в российских губерниях в 1920–1921 гг. наблюдалось развитое повстанческое движение⁸⁶. Этот аргумент не может быть убедительным. Ведь и антоновское движение, когда оно пыталось перекинуться на соседние российские губернии постигла неудача. Также неудача постигла махновское движение, когда оно попыталось перекинуться на Харьковскую губ. Дело здесь не в проявлениях «украинской национальной стихии и анархо-хуторской ментальности», а в локальной ограниченности любого крестьянского движения, его жесткой привязке к определенной территории, лишь среди населения которой оно и находило поддержку.

Когда были разрушены сдерживающие рамки, естественный *ressentiment* к представителям другой культуры перерос в открытую конфронтацию, что вылилось, в частности, в еврейские погромы периода революции и гражданской войны. А.Грациози связывает еврейские погромы, осуществляемые крестьянами, с последствиями взрыва стихийного «национал-социализма» в условиях общего регресса и варваризации⁸⁷. Термин «национал-социализм» представляется здесь не вполне уместным. Как отмечает И.Чериковер, «деревня оказалась необычайно восприимчива к погромным идеям и всегда охотно шла вслед за буйствующим гайдамаком с пустым мешком забирать еврейское добро. Но зато она часто оставалась довольно равнодушной к положительным моментам украинского национального движения»⁸⁸.

Часто в литературе можно встретить своего рода «подмену понятий», когда антисемитизм крестьян объясняется тем, что среди большевиков было много евреев, и большевизм отождествлялся с еврейством, исходя из этого антисемитизм объясняется антибольшевизмом. Но антисемитизм был присущ крестьянству и до революции, выразительно проявлялся в повстанческом движении летом в 1918 г., когда у крестьян еще не было весомых причин враждебно относиться к большевикам. Но учитывая то, что среди большевиков действи-

тельно был высокий процент евреев, скорее, напротив, антибольшевистские настроения можно объяснить антисемитизмом. Представляется, что здесь первостепенную роль сыграли особенности «традиционного общества» с его отношением к «чужим» вообще, а не отношение конкретно к евреям. Еще в 1918 г. были случаи, когда крестьяне Подольской и Житомирской губерний выступали против Директории во главе с предводителями евреями. Показательна в этом плане и роль евреев в махновском движении.

В.П.Булдаков ставит вопрос о характерном для новейшего времени общем бунте традиционализма — и не только в России — в социалистически-националистической оболочке⁸⁹. Но в националистической оболочке чаще всего возможен не «бунт традиционализма», а форма модернизации. Скорее наоборот, традиционализм и национализм как форма модернизации противостоят друг другу. По крайней мере, их соотношение не однозначно.

Переход крестьян Украины в нацию ни в дореволюционный, ни в революционный период так и не произошел. В то же время исследователи отмечают, что национальное сознание, свойственное раньше ограниченному кругу интеллигенции, в результате революционных событий стала распространяться на другие слои украинского общества. С 1923 г. на основании резолюции XII съезда РКП(б) правительство советской Украины начало политику «украинизации». Следствием этого стало резкое расширение социальной базы украинской культуры. Благодаря политике «украинизации» 20-х годов собственно украинская культура стала достоянием не только интеллигенции, но и нашла распространение в широких массах. В этом плане «украинизация» имела едва ли не большее значение, чем все предыдущее национальное движение. Следующим этапом стала индустриализация, в результате которой масса крестьян переселилась в города и привнесли туда свою этническую культуру.

-
- 1 Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар, [занятие 4 июля 1996 г.] // Отечественная история. 1997. № 2. С. 151.
 - 2 *Грушевський М.* На порозі нової України. Гадки і мрії // Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ, 1991. С. 162.
 - 3 Відкритий лист М.Грушевського до учасників ювілейних зборів з нагоди відзначення його шістдесятиліття, 4 жовтня 1926 р. // Михайло Грушевський: між історією та політикою (1920–1930-ті роки): зб. док. і матеріалів. Київ, 1997. С. 28–32.
 - 4 *Сміт Е.Д.* Національна ідентичність. Київ, 1994. С. 6.
 - 5 *Андерсон Б.* Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ, 2001.
 - 6 *Сміт Е.Д.* Указ. соч. С. 52.
 - 7 *Тишков В.А.* Забыть о нации: пост-националистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
 - 8 *Znanięcki F.* Współczesne narody // *Znanięcki F.* Dzieło tytułowe przei / z ang. Z. Dulczewski; wstęp J. Szacki. Warszawa, 1990.
 - 9 *Грамиш А.* Тюремные тетради: в 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 379.
 - 10 Цит. по: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 337–338.
 - 11 *Кремень В.* Україна: шлях до себе. Проблеми суспільної трансформації / В.Кремень, В.Ткаченко. Київ, 1998. С. 108–109 та ін.
 - 12 *Липинський В.* Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму // *Липинський В.* Повн. збір. творів, архів, студії. Київ, 1995. Т. 6, кн. 1. С. XXIV.
 - 13 *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
 - 14 *Заишкільняк Л.О.* Про соціальні функції та ціннісні орієнтації української історіографії XIX і XX ст. // Грані. 2003. № 3 (29). С. 11.
 - 15 *Липинський В.* Указ. соч. С. XXV.
 - 16 *Грушевський М.* Указ. соч. С. 141.
 - 17 *Химка І.-П.* Історія, християнський світ і традиційна українська культура: спроба ментальної археології // Україна модерна. 2001. № 6. Львів, 2001. С. 7–9.
 - 18 *Руткевич М.Н.* Теория нации: философские вопросы // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 19–32.
 - 19 *Грицак Я.Й.* Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст.: навч. посібник для учнів гуманіт. гімназій, ліцеїв, студентів іст. фак. вузів, вчителів. Київ, 1996. С. 12.

- 20 *Нагаєвський І.* Історія Української держави двадцятого століття. Київ, 1993. С. 406.
- 21 *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Мюнхен, 1950. Ч. I. С. 7–8.
- 22 *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 207–208.
- 23 См.: *Гелнер Е.* Нації та націоналізм; націоналізм. Київ, 2003. <http://litopys.org.ua/gellner/gel03.htm>
- 24 *Шаповал М.* Соціологія українського відродження. Київ, 1994. 45 с.
- 25 *Иванов В.В.* Современная деревня в Харьковской губернии. Харьков, 1893. С. 4.
- 26 *Теличук П.П.* Економічні основи аграрної революції на Україні. Київ, 1973. С. 49.
- 27 *Турченко Г.Ф.* Південна Україна на зламі епох (1914–1922 рр.). Запоріжжя, 2005. С. 5.
- 28 *Гелнер Е.* Указ. соч.
- 29 *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 4.
- 30 Цит. по: *Ресніт О.П.* Більшовизм і українська революція 1917–1920 рр.: спроба визначення динаміки і характеру соціальних процесів. Київ, 1994. С. 6.
- 31 *Грінченко Б.* Листи з України Наддніпрянської // Б.Грінченко – М.Драгоманов. Діалоги про українську національну справу. Київ, 1994. С. 38.
- 32 Протоколи засідань Херсонської губернської статистическої комісії. Одеса, 1883. С. 15.
- 33 *Тимошевський М.* Внебогослужебные беседы и народные библиотеки, как средство в деле религиозно-нравственного просвещения // Полтавские епархиальные ведомости. 1900. № 5 (10 февр.). Ч. неофиц. С. 193; *Вобль А.* О языке преподавания в малороссийских школах // Там же. 1915. № 3. 1 февр. Ч. неофиц. С. 199.
- 34 *Тютюнник Ю.* Революційна стихія // Дзвін. 1991. № 12. С. 26.
- 35 *Мицюк О.К.* Аграрна політика (1800–1925 рр.) // Подєбради. 1925. Т. 2, ч. 1. С. 8.
- 36 *Винниченко В.* Відродження нації. Репр. відтворення 1920 р. Київ, 1990. Ч. I. С. 174.
- 37 *Вобль А.* Указ. соч. С. 199; *Сумцов Н.Ф.* Научное изучение колядок и шедривок // Киевская старина. 1886. Кн. 2. С. 241; *Портнова Т.В.* Селянство в уявленнях української інтелігенції 60–80-х років ХІХ століття: дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2008.
- 38 *Д.Л.* Дописи // Село: українська народна ілюстрована газета. 1910. 10 червня (№ 23).

- 39 *Чикаленко Є.Х.* Зібрання творів: в 7 т. Київ, 2003. Т. 1. С. 272.
- 40 *Екельчик С.* Человеческое тело и национальная мифология: некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 23–58.
- 41 *Воблый А.* Указ. соч. С. 200.
- 42 Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 11. Канцелярия Екатеринославского губернатора. Оп. 1. Д. 664-а. Л. 174.
- 43 *Ленин В.И.* О черносотенстве // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 18–19.
- 44 *Антоний, архиепископ.* О Церкви и духовенстве: ответное письмо архиепископа Антония Н.А.Бердяеву о «Вехах» // Колокол. 1909. 3 (16) сентября; 4 (17) сентября. http://www.krotov.info/lib_sec/22_h/hra/hrapovit.html
- 45 См.: *Омельячук І.В.* Чорносотенний рух на Україні в 1904–1914 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1997.
- 46 *Мережковский Д.* Больная Россия: избранное. Л., 1991. С. 78.
- 47 *Грицак Я.Й.* Указ. соч. С. 12.
- 48 *Касьянов Г.В.* Теорії нації та націоналізму. Київ, 1999. С. 308–309.
- 49 *Костомаров Н.И.* Две русские народности. Київ, 1991.
- 50 *Антонович В.Б.* Моя сповідь: вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995.
- 51 *Чижевський Д.І.* Нариси з історії філософії на Україні. Київ, 1992.
- 52 См.: *Швецова А.В.* Національний характер як предмет соціально-філософського аналізу: автореф. дис. ... д-ра філос. наук. Київ, 1999.
- 53 *Чижевський Д.І.* Указ. соч. С. 18.
- 54 *Швецова А.В.* Указ. соч.
- 55 *Портнова Т.В.* У кривому дзеркалі: тексти української інтелігенції про селянство XIX ст. // Питання аграрної історії України та Росії: матеріали 6 наукових читань, присвячених пам'яті професора Д.П.Пойди. Дніпропетровськ, 2007.
- 56 *Яковенко Н.* Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії // *Дух і література*. 1998. № 3–4. С. 113.
- 57 *Присяжнюк Ю.П.* До проблеми ролі селянства в збереженні національної ідентичності українців (XIX – початок XX ст.) // *Український селянин: праці Науково-дослідного інституту селянства*. Черкаси, 2001. Вип. 1. С. 79.
- 58 *Потульницький В.А.* Українська та світова історична наука: рефлексії на межі століть // *Український історичний журнал*. 2000. № 1. С. 3–20.
- 59 *Гордон А.В.* Тип хозяйствования – образ жизни – личность // *Крестьянство и индустриальная цивилизация*. М., 1993. С. 113.

- 60 *Редфилд Р.* Крестьянство как социальный тип // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 70.
- 61 См.: *Шанин Т.* Определяя крестьянство. Oxford Basil Blackwell, 1990: [реферат] // Отечественная история. 1993. № 2. С. 7–16; *Его же.* Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 8–20.
- 62 *Карр Э.* История Советской России. М., 1990. Кн. 1, т. 1, 2. С. 237.
- 63 *Нойман О.* Український опір антиєврейським акціям (на прикладі третьої хвили погромів) // Четвертий міжнародний конгрес українців: доповіді та повідомлення. Історія. Одеса; Львів; Київ, 1999. Ч. 2. С. 320–324.
- 64 См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России, 1762–1914. М., 1995. С. 251–252.
- 65 *Мицюк О.К.* Аграрна політика (1800–1925 рр.). Подєбради: Видання «Вид. Т-ва при Укр. Госп. Академії в ЧСР», 1925. Т. 2, ч. 1. С. 8.
- 66 См.: Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 479; Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 674, 903–905, 1047–1096; Д. 468. Л. 98–101, 107–109, 125–128, 137; Д. 474. Л. 64–112; Государственный архив Полтавской области. Ф. 83. Оп. 1. Д. 51. Л. 84; Государственный архив Херсонской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 55.
- 67 *Мірза-Авакянц Н.* Селянські розрухи на Україні 1905–1907 року. Харків, 1925. С. 33.
- 68 *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. М., 1997. С. 215–216
- 69 *Грицак Я.Й.* Указ. соч. С. 117–118.
- 70 *Михайличенко Д.Ю.* Політика «воєнного комунізму» і українське селянство, 1919 р.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2002. С. 13.
- 71 *Верстюк В.* Ще раз про селянську тему в Українській революції: Андреа Грациози. Большевики и крестьянство на Украине, 1918–1919 годы: очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских восстаниях. М.: Аиро-XX, 1997. – 199 с. // Український гуманітарний огляд. Київ, 1999. Вип. 2. <http://tdcse.iatp.org.ua/Verstiuk2.htm>
- 72 *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине 1918–1919 годы: очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997. С. 68.
- 73 *Булдаков В.П.* Имперство и российская революционность: критические заметки // Отечественная история. 1997. № 2. С. 35.
- 74 *Кульчицький С.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996. С. 6.

- 75 Из двухнедельной сводки Екатеринославского Губчека за время с 15 июля по 1 августа 1920 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 1998. Т. 1. С. 278–279.
- 76 Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 175. Л. 13.
- 77 *Захарченко П.П. и др.* У поході за волею: селянсько-повстанський рух на Правобережній Україні у 1919 році / П.П.Захарченко, Н.І.Земзюліна, О.В.Нестеров. Київ, 2000. С. 9.
- 78 *Ковалевський М.* При джерелах боротьби: спомини, враження, рефлексії. Іннсбрук, 1960. С. 245.
- 79 *Винниченко В.* Указ. соч. С. 174–175.
- 80 *Липинський В.* Указ. соч. С. 15.
- 81 *Рудный.* Из крестьянских настроений // Наша борьба: орган губернского комитета и Екатеринославской организации РСДРП (объединенной). 1917. 17 янв.
- 82 Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. // Архив русской революции: в 22 т. М., 1991. Т. 1–2. С. 289.
- 83 Восьмая конференция РКП(б), декабрь 1919 года. Протоколы. М., 1961. С. 108.
- 84 *Липинський В.* Указ. соч. С. XXV.
- 85 *Чоп В.М.* Махновський рух в Україні 1917–1921 рр.: проблеми ідеології, суспільного та військового устрою: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2002. С. 10.
- 86 *Верстюк В.* Указ. соч.
- 87 *Грациози А.* Указ. соч. С. 26.
- 88 *Чериковер И.* Антисемитизм и погромы на Украине в период Центральной Рады и гетмана // Революция на Украине: по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 252.
- 89 *Булдаков В.П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29.

*Л.Максименков
(Принстон, США)*

**К ИСТОРИИ
ОДНОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПРОЕКТА
(Немецкий Государственный театр
в Автономной республике Немцев
Поволжья, 1936 г.)**

Предлагаемая подборка архивных документов рассказывает о неосуществленном проекте организации драматического театра в городе Энгельс – столице АССР Немцев Поволжья в 1936 г. Автором идеи был немецкий режиссер, коммунист и антифашист Эрвин Пискатор. Проект поддерживали партийные и советские руководители автономии и Саратовского края РСФСР, на территории которого располагалась автономная республика. Затем проект был с оговорками поддержан на московском уровне в Комитете по делам искусств при Совете народных комиссаров (СНК) СССР. Следов рассмотрения проекта решения в аппарате ЦК ВКП(б) и внесения этого вопроса на обсуждение Оргбюро и Секретариата ЦК с последующим подтверждением на Политбюро ЦК не обнаружено. В архивах также не удалось выявить формального, запротokolированного отказа. Отрицательно «мнение» сложилось на уровне письменных резолюций на уровне Председателя СНК СССР В.М.Молотова и его заместителя В.И.Межлаука.

Этот эпизод требует предварительного комментария.

1936 год стал важным этапным рубежом в истории многонационального советского государства. В декабре будет провозглашена Конституция СССР, которая на столетия вперед, вплоть до распада Советского Союза на независимые государства и окончания правления Коммунистической

партии, кодифицировала каркас национально-государственного строительства. Союзные и автономные республики не только получили освященные законом права и обязанности. В сфере образования и культуры их прерогативы были существенно урезаны по сравнению с Конституцией СССР 1924 г.

Это проявилось в факте создания общефедерального мега-министерства — Комитета по делам искусств при СНК СССР под председательством П.М.Керженцева. До этого вопросы просвещения, культуры, искусства и отчасти кинематографии находились в юрисдикции союзных республик. Федерализация станет прологом к существенному секвестру сферы деятельности Наркомпросов РСФСР и союзных республик. К середине тридцатых годов также были созданы общесоюзные наркоматы сельского хозяйства, здравоохранения, юстиции, общесоюзная Прокуратура СССР и т.д.

В таком контексте сама идея организации национального театра государственного значения и федерального подчинения в одной национальной автономии противоречила общей тенденции государственного строительства.

С эстетической точки зрения программа театра немецких эмигрантов-антифашистов, заявленный репертуар, список актеров, режиссеров и драматургов, само кредо театра приходили в противоречие с организованной и санкционированной на высшем политическом уровне кампании по борьбе с формализмом и натурализмом. Начавшись с критики оперы «Леди Макбет Мценского уезда» и балета «Светлый ручей» Д.Д.Шостаковича, кампания быстро превратилась в тотальное общенациональное действо. Многие из предложений Э.Пискаatora попадали под действие критики «-измов».

В процессе принятия отрицательного решения определяющую роль также играл внешнеполитический фактор. Политика ВКП(б) и СССР по отношению к нацистской Германии была противоречивой. Декларируемые на уровне СМИ и агитпропа коминтерновский антифашизм и проле-

тарский интернационализм нередко приходили в противоречие с угрозами и вызовами реальной политики и стратегическими императивами, направленными на предотвращение одновременной тотальной войны на нескольких фронтах: против фашистских государств, так называемых западных демократий, против Японии и т.д. Демонстративное создание национального, антифашистского (читай: антигитлеровского) театра на территории СССР могло вызвать негативные внешнеполитические последствия.

Эта дихотомия агитпроповского измерения и реально-политической осторожности — т.е. противоречие между коминтерновским интернационализмом ленинско-троцкистского этапа Октябрьской революции и Гражданской войны и государственного прагматизма сталинского национал-большевистского строительства — проявилась в правке Сталиным ежегодного ритуального документа: «Призывов ЦК ВКП(б) к первому мая».

21 апреля 1935 г. руководитель Агитпропа А.И.Стецкий рассылает членам Политбюро и Ежову проект лозунгов. На следующий день после правки Сталина список утверждается. Сталин существенно корректирует внешнеполитическую часть проекта. Он полностью исключает лозунг № 7: «Германский фашизм, оголтелый отряд мирового империализма, несет войну, разорение и порабощение народам, лихорадочно готовит нападение на Советский Союз. Долой провокаторов и организаторов войны! На защиту страны Советов — отечество трудящихся всего мира!»¹.

В этой цензурной редакции заметна тенденция сглаживания идеологических противоречий, нежелание переносить партийно-философский конфликт на межгосударственные отношения. Это повторится в правке Сталиным лозунгов к первому мая следующего, 1936 года. Предложенные Стецким лозунги переданы комиссии в составе И.В.Сталина, Л.М.Кагановича, В.М.Молотова и А.А.Андреева. Сталин меняет ло-

зунг № 5. Было: «Фашизм — это свирепейшее наступление капитала на трудящиеся массы». Стало: «Фашизм — это наступление капитала на рабочий класс». Вычеркивает № 7: «Революционным пролетариям Германии наш братский привет! Да здравствует героическая Коммунистическая партия Германии! Да здравствует тов. Тельман! Вырвем его из рук фашистских палачей! Свободу пленникам фашизма!». Сталин собственноручно дописан новый, персонально адресованный лозунг: «Да здравствует товарищ Тельман, вождь рабочего класса Германии!». Он не упоминает германскую компартию, сколько фиксирует культ личности главы этой партии — Эрнста Тельмана. В год принятия конституции алогичным и загадочным выглядит зачеркивание лозунга № 13: «В капиталистических странах фашизм уничтожает последние остатки буржуазной демократии. В Советском Союзе — стране свободных и равноправных тружеников города и деревни — широко разворачивается советская социалистическая демократия. Крепче свяжем Советы с массами! Да здравствует новая самая демократическая в мире Конституция Союза ССР»².

Эта редакционно-издательская деятельность оставалась засекречена даже от подавляющего большинства партийно-государственной номенклатуры, но высший круг руководства был в курсе такой фиксации и постоянной корректировки векторов внешней и внутренней политики и беспрекословно принимал их как установки для практической работы, учитывал в процессе принятия конкретных решений по всему спектру вопросов, в том числе в сфере национально-культурного строительства в союзных и автономных республиках СССР.

В таком сложном контексте открытие антифашистского театра немецкого режиссера — эмигранта Э.Пискатора в столице автономии Немцев Поволжья попадало в сферу повышенного внимания.

Хотя первая половина 1936 г., кульминацией которого стало обнародование проекта Конституции СССР, было отмечено смягчением атмосферы напряженности в обществе, это оказалось затишьем перед бурей. В августе в Москве состоится показательный процесс. Советские граждане немецкой национальности и даже граждане Германии будут в числе обвиняемых, они упоминаются в обвинительном заключении, в речи прокурора, в перекрестных допросах. Все стало указывать на то, что немцы постепенно начали превращаться в одну из национальностей-изгоев, своего рода потенциальную пятую колонну.

Этот процесс будет противоречивым. С одной стороны, очевидна осторожность. Так, 20 сентября 1936 г. Политбюро рассмотрит «Вопрос т.т. Литвинова и Сурица» (соответственно наркома иностранных дел и пролпреда СССР в Германии). Решено: «Отклонить предложение т.т. Литвинова и Сурица о посылке ноты протеста германскому правительству по поводу выступления Гитлера и других на Нюрнбергском съезде»³.

С другой стороны, шла демонстративная борьба и соперничество с западными демократиями за приглашение в СССР наиболее ценных с научной и интеллектуальной точки зрения представителей немецкой эмиграции, которые были вынуждены покинуть гитлеровскую Германию. Этот въездной/выездной вопрос находился в постоянном поле зрения высшего советского руководства, Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б), СНК СССР и ряда наркоматов. Закономерно, что последнее слово в индивидуальном решении каждого ходатайства принадлежало лично Сталину, который для соблюдения норм демократического централизма оформлял эти документы путем пуска иницирующих записок вкруговую на усмотрение членов Политбюро ЦК с последующим дублированием в советском порядке по линии СНК.

31 декабря 1935 г. вице-президент АН СССР академик Г.М.Кржижановский и неперменный секретарь АН СССР академик Н.П.Горбунов ходатайствуют перед заместителем Председателя СНК СССР и ответственным за социокультурный блок правительства В.И.Межлауком о приглашении в СССР немецкого биохимика, иностранного члена Академии наук СССР Карла Нейберга (1877–1956): «до сего времени уцелел в Германии (он еврей) потому, что во время империалистической войны изобрел способ получения глицерина при помощи дрожжей... Он был директором Биохимического института в Далеме и недавно изгнан оттуда фашистами. На его место назначен фашистский комиссар». В 1933 г. советский ученый-агрохимик Д.Н.Прянишников в Берлине виделся с ним, при этом Нейберг «жестoko ругал фашистов». «Вопрос о приглашении Нейберга имеет срочный характер, так как другие страны будут принимать меры к тому, чтобы его перехватить»⁴.

Предпочтение отдавалось представителям точных наук. Приглашения писателям, актерам, режиссерам выдавались по остаточному принципу.

Завершение этого противоречивого процесса совпадет с нападением Германии на Советский Союз. Будут приняты знаменитые Указы: от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» и от 7 сентября 1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья», ликвидировавшие автономию и обрекшие советских немцев на массовую депортацию в Казахстан и Среднюю Азию⁵.

Но уже к середине тридцатых годов вопросы автономии национальных меньшинства становились в СССР заложниками большой геополитической игры. В этом контексте и следует рассматривать подборку материалов о неосуществленном проекте немецкого режиссера-антифашиста Эрвина Пискатора об организации в СССР немецкого антифашистского театра.

Не позднее 27 марта 1936 г.

А.Криницкий, Е.Фрешер, А.Вельш – И.В.Сталину и В.М.Молотову об организации немецкого государственного театра в гор. Энгельс.

ЦК ВКП(б) – тов. СТАЛИНУ
СНК СССР – тов. МОЛОТОВУ

Просим ЦК ВКП(б) и СНК СССР разрешить вопрос об организации Немецкого государственного театра в г. Энгельсе⁶.

Группа известных революционных немецких артистов – эмигрантов (Карола Неер⁷, Александр Гранах⁸, Эрнст Буш⁹ и др.), во главе с талантливым режиссером, немецким коммунистом Пискатором¹⁰, выразили полную готовность поселиться в г. Энгельсе и работать в государственном немецком театре. Вместе с этой группой хотят работать над материалами социалистического строительства в Немреспублике, как в области создания пьес для театра, так и других литературных произведений – ряд известных немецких революционных писателей (Брехт¹¹, Адам Шарер¹², Вайнерт¹³).

Имея такую группу высококвалифицированных артистов и драматургов-писателей можно будет совместно с театральной и литературной молодежью на месте поднять театральную и литературную работу в Республике Немцев Повольжья на высокий уровень.

Немецкий государственный театр с такими силами, находясь в г. Энгельсе мог бы иметь не только местное республиканское, но и союзное значение. Систематически выезжая на гастроли в течении 3–4 месяцев в году, он обслу-

живал бы немецкое население Днепропетровска, Киева и других городов и местностей Советского Союза¹⁴.

При крайней бедности Республики Немцев Поволжья культурными силами организация немецкого государственного театра в г. Энгельсе сыграет огромную положительную роль для культурного роста и воспитания театральной и литературной молодежи республики.

С другой стороны для перечисленных немецких революционеров эмигрантов-писателей и работников сцены, многие из которых широко известны и в Европе, и в Америке, работа в Немреспублике могла бы иметь исключительное значение в смысле приобщения к опыту строительства нашей социалистической культуры и для дела антифашистской пропаганды.

Ясно, что состав, приглашаемых для работы в Немреспублике писателей и артистов должен быть всесторонне предварительно рассмотрен и согласован с ЦК ВКП(б).

Согласно сметы, дотация, которая необходима театру, составляет 1.200.000 рублей, в том числе на оборудование 325 тыс. рублей. Ни из бюджета Немреспублики, ни из бюджета Саратовского края в 1936 г. такой суммы выделить не можем¹⁵.

Кроме того для создания культурных жилищных условий приглашаемым работникам театра требуются средства в размере 250–300 тысяч рублей¹⁶. Этот расход необходим потому, что в г. Энгельсе по постановлению правительства РСФСР в течение последних лет не производилось никакого строительства по мотивам возможного затопления при постройке Камышинской плотины¹⁷. Вследствие этого г. Энгельс не имеет культурного жилища, страшно перенаселен.

Мы просим ЦК ВКП(б) и СНК СССР:

1. Разрешить организацию в г. Энгельсе Государственного немецкого театра, во главе с тов. ПИСКАТОРОМ, с при-

влечением группы немецких работников театра и драматургов — Брехт, Вайнерт, Неер, Гранах, Буш и др.

2. Отпустить из государственного бюджета средства театру 1.500.000 руб., в том числе на оборудование — 325 тыс. рублей, на устройство жилищ — 300 тыс. рублей, на дотацию — 825 тыс. рублей.

Секретарь Саратовского Крайкома
ВКП(б) (Подпись) (А.Криницкий¹⁸)

Председатель Крайисполкома (Подпись) (Е.Фрешер¹⁹)

Секретарь ОК ВКП(б)
Немреспублики (Подпись) (А.Вельш²⁰)

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Письмо Обкому ВКП(б) Немреспублики тт. Пискатора, Неер, Буш;
2. Список намеченных к приглашению работников театра.
3. Смета*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 18а (1936 г.). Д. 462. Л. 84–86

Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Печать Саратовского Краевого комитета ВКП(б). Штамп с Вх. № 4480 о поступлении в Секретный отдел Управления делами СНК СССР за 3 апреля 1936 г. Помета: «т. Керженцеву». Датируется по сопроводительным документам.

* Смета не публикуется.

Не позднее 27 марта 1936 г.

Письмо К.Пискатора, К.Неэр и Э.Буша в обком
ВКП(б) АССР Немцев Поволжья.

Копия-перевод

ОК ВКП(б) – НЕМРЕСПУБЛИКИ
О ЗАДАЧАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО НЕМЕЦКОГО
ТЕАТРА в г. ЭНГЕЛЬСЕ

В ответ на Ваш запрос о том, как я себе представляю направление и характер немецкого Государственного театра в Энгельсе, я и мои товарищи полагают, что перед Государственным театром в г. Энгельсе, столице Автономной Республике Немцев Поволжья, как и перед всеми национальными театрами существующими в остальных национальных республиках Советского Союза, стоят особые задачи.

Большое культурное наследство, которое немецкий театр должен освоить, находится в настоящее время в руках анти-социальных и невежественных элементов, которые превратили немецкий культурный клад в посмешище всего мира. Фашисты прогнали лучших мастеров немецкого театра и придают немецким классикам такое толкование, которое они никогда не имели. Шиллера, Гете они превратили в пропагандистов диктатуры фашизма.

Когда я однажды беседовал с т. КАГАНОВИЧЕМ об организации немецкого театра в СССР, он высказал замечание, что необходимо организовать по содержанию и по форме такой театр, который был бы живым агитатором против культурного варварства, господствующего ныне на германской сцене под диктатурой фашизма. Следовало бы, по его мнению, привлечь лучших артистов для того чтобы доверить им лучшее немецкое культурное наследие²¹.

Мы знаем, что выполнение этого задания как раз в маленьком, хотя и мощно развивающемся городе Энгельсе натолкнется на ряд трудностей. Но мы находим, что здесь как нигде, ни в Москве, ни в Ленинграде возможна теснейшая связь театра на национальной основе с немецкими рабочими и колхозниками. Здесь театр не будет оставаться абстрактным, висеть в воздухе, здесь он будет извлекать грандиозные уроки из социалистического строительства и укрепляться на основе своего роста.

Но этим не исчерпываются задачи, которые стоят перед театром.

Прежде всего необходимо в культурно растущей Республике Немцев Поволжья создать Институт театрального искусства, задачей которого будет являться подготовка кадров для немецких районов всего СССР.

Театр должен отобразить радостную жизнь нового социалистического человека, его энтузиазм. В театре должны быть показаны произведения лучших драматургов советского театра.

Театр должен привлечь и подготовить имеющихся работников искусства, которые сегодня показались в Республике Немцев Поволжья.

Нужно попытаться создать свою национальную драматургию. В этом должны принять участие местные писатели (Закс²², Эльберг²³, Завадский²⁴), драматурги и писатели с мировыми именами (Э.Вейнерт, И.Бехер²⁵), которые могут учить и сами могут учиться у строителей социализма на своем родном языке.

Каким замечательным примером может стать для будущей советской Германии Республика Немцев Поволжья! Какой большой опыт может быть извлечен из изучения характерных условий революционной эпохи со времени Революции до наших победных дней!

Классики, предпочтительно немецкие и русские, должны быть использованы для того, чтобы познакомить колхозни-

ков и рабочих с духовной жизнью прошлых столетий и показать им дорогу, которая ведет к сегодняшней новой жизни. «Эгмонт» Гете, «Коварство и любовь» Шиллера, Шекспир, должны быть использованы в первую очередь.

В числе антифашистских пьес мы имеем в виду «Профессора Мамлок» Вольфа²⁶, или «Круглоголовые и остроголовые» Брехта, может быть и его «Дрейгрошенопер»²⁷, затем крестьянскую комедию Гауптмана «Биберпельц»²⁸.

Следует также подумать о больших революционных вещах из немецких крестьянских войн, как например «Флориан Гейер» Гауптмана, «Шиндерганнес» Цукмейера²⁹, «Бедный Конрад» Вольфа.

В настоящее время в Энгельсе имеется немецкий театр, который может расти. Ему только не хватает необходимых педагогических сил. В него нужно влить опытных театрально и политически подготовленных исполнителей.

Все предложенные силы, которые завербованы из числа эмигрировавших артистов, по нашему мнению, в высшей степени соответствуют поставленным перед нами задачам. Они действительно крупные немецкие артисты, которые работали в известных немецких театрах и которые, вопреки всему остались верными своему искусству и политическим убеждениям.

Все они прошли суровую практическую школу революционного театра, который известен в Германии своей тяжелой борьбой за свое существование.

Поэтому их стиль работы реалистичен.

Социалистический реализм будет поэтому и стилем работы этого театра.

Эрвин Пискатор
Карола Неер
Эрнст Буш

Переведено с немецкого подлинника правильно.
Зав. особым сектором ОК ВКП(б) АССРП
(Подпись) (КАРНЕР)

Там же. Л. 87–89.

Заверенная машинописная копия. Штамп Саратовского обкома ВКП(б). Датируется по сопроводительной записке – списку режиссеров и артистов.

Документ № 3

27 марта 1936 г.

СПИСОК

режиссеров и артистов, которые имеются ввиду для немецкого театра в г. Энгельсе.

Режиссеры

1. Эрвин Пискатор — Основатель политического театра в Берлине, главный режиссер в театре «Фольксбюке», основатель «Театра Пискатора», Берлин. Член КПП с 1919 г.

2. Бернгардт Рейх — Был режиссером Мюнхенских камерных спектакле и Берлинского театра Рейнгардта. В 1927 г. поехал в Москву учиться. В настоящее время доцент театрального института в Москве и в последнее время заведующий отделом печати МОРТ. Кандидат в ВКП(б) с 1931 г.³⁰

3. Эрнст Гельд — Был режиссером и драматургом Мюнхенских и Гамбургских немецких театров, один год учился в театре Мейерхольда, последнее время заведывал репертуарной комиссией МОРТ. Беспартийный³¹.

Артисты

4. Карола Неер — Одна из замечательнейших немецких артисток, игравшая вплоть до захвата Гитлером власти, в

театре им. Рейнгардта и др. лучших берлинских театрах. За последние годы она выступала в ряде ролей, в особенности революционных пьес Брехта и др. Она играла и главные роли в больших известных фильмах. С 1933 г. находится в Москве. Член КПК с 1931 года.

5. Александр Гранах — Выдающийся немецкий характерный артист, в Берлине работал в театре Пискатора и театра Рейнгардта, в Берлинском театре «Фольксбине» и Берлинском Госуд[арственном] Театре. Гранах с 1936 г. находится в СССР. Имеет договор с Межрабпомфильмом как артист и как режиссер, договор с Еврейским театром в Киеве. Он один из первых примкнул к группе левых Берлинских артистов и имеет большие заслуги в деле показа революционных главных ролей, играет одну из главных ролей в фильме «Последний табор».

6. Эрнст Буш — Известный немецкий артист, бывший рабочий, который начал свой путь в театре Пискатора, действительно народный артист, любимый артист берлинских рабочих. Как в Европе, так и в СССР, где он находится несколько месяцев известен своим исполнением песен Брехта, Вейнерта-Эйслера. Он не член партии, но пролетариату, с которым он тесно связан, известна его деятельность (с 1927 г.).

7. Елена Вейгель — Выдающаяся исполнительница революционных женских типов. Она работала в лучших немецких театрах, как например, госуд. театр «Фольксбюне» и др. Она живет в эмиграции в Дании, жена писателя, драматурга Б.Брехт. Член КПП³².

8. Вольфганг Лангоф — Работал в Германии, как выдающийся исполнитель юношеских характерных ролей во всемирно известном Дюссельдорфском доме Искусств. Более года находился в немецких концлагерях. Написал о своем пребывании в концентрационных лагерях известную книгу «Мoorсолдатен». В настоящее время находится в эмиграции в Париже, где работает в доме Искусств. Член КПП³³.

9. Леонгардт Штеккель — Очень талантливый и восприимчивый характерный исполнитель, работал в лучших берлинских театрах, театре Пискатора. В настоящее время эмигрант, работает в Цюрихском Доме Искусств и ходатайствует о разрешении въезда в СССР вместе с женой, артистской и танцовщицей³⁴.

10. М.Михали — которая может быть использована как характерная исполнительница, танцовщица и преподавательница хореографии. Она член КПГ, очень активна в немецком эмигрантском кругу в Швейцарии. Михали сочувствующая.

11. Эрвин Кольцер — давно симпатизирует нашему движению, выдающийся характерный артист. Работал в Мюнхене в камерном театре, в Берлине в госуд. театре и театре Пискатора. В настоящее время в эмиграции работает в Цюрихском Доме Искусств.

12. Отто Перилла — молодой артист, очень талантливый, активный член КП Австрии.

Есть еще другие кандидаты, которые могут быть использованы для работы в театре, заменив приведенных в этом списке. Имеются также ряд артистов-эмигрантов, находящихся в СССР, которые могут быть привлечены к работе.

Также может быть изменен и количественный состав привлекаемой группы артистов, примерно на пять человек, в зависимости от репертуара.

Эрвин Пискатор
Карола Неер
Эрнст Буш

27/III-36

Переведено с немецкого подлинника правильно,
Зав. особым сектором ОК ВКП(б) АССРНП

(Подпись) (КЕРНЕР)

Там же. Л. 90—92.

Заверенная машинописная копия.

25 апреля 1936 г.

П.М.Керженцев – В. М.Молотову об организации немецкого драматического театра.

СЕКРЕТНО

Тов. МОЛОТОВУ В.М.

Об организации немецкого драматического театра
в гор. Энгельсе.

По поводу письма т. А.Криницкого относительно организации драматического театра в гор. Энгельсе считаю необходимым сообщить следующие свои соображения:

Сама идея, выдвинутая известным немецким режиссером Пискатором безусловно жизненна и целесообразна. Создание крупного немецкого театра в Нем. Республике будет иметь большое международное значение. В настоящее время имеется возможность привлечь к этой работе крупных немецких актеров, эмигрировавших из Германии. Сам Пискатор по своим художественным качествам и по своей популярности для этого дела подходит. При этом необходимо оговорить, что в организационно-хозяйственных вопросах Пискатора необходимо сдерживать, так как он весьма склонен к большим планам и «грандиозному» размаху. Требуется также тщательная политическая проверка приглашаемых им немецких артистов. Организация этого дела связана со значительными расходами, поскольку речь идет о приглашении артистов из заграницы, об их бытовом устройстве и т.д. Во всяком случае на это дело придется израсходовать не менее 1 милл. руб.

С указанными выше оговорками, я предложение т. Криницкого поддерживанию.

(Подпись) (КЕРЖЕНЦЕВ³⁵)

№ КИ-161/с
25. IV. 36

Отп. 2 экз.

1 – адресату

2 – в дело

Там же. Л. 83.

Машинописный подлинник. Подпись и номер документа – автографа. Штамп № 5434 о поступлении 12 мая 1936 г. в Секретный отдел Управления делами СНК СССР. Резолюция Молотова – автограф: «т. Межлауку. Что-то не ясно получается у тов. Керженцева. Резолюция Межлаука – автограф: «т. Керженцеву дать определенные предложения. Меж. 2/VIII».

Эти две резолюции определили негативное направление окончательного решения вопроса о театре. Обстановка в стране между мартом (инициирующие записки Пискатора и др. и Криницкого) – апрелем (поддержка Керженцева) и августом кардинально изменилась. Характерно, что председатель Совета народных комиссаров Молотов не рассматривал эти материалы до августа. Второго августа, когда его заместитель по правительству и Совету труда и обороны, Председатель Госплана и куратор культурного направления Валерий Межлаук (1893–1938, расстрелян) фактически закрывает вопрос о немецком театре в гор. Энгельсе, высшее руководство занималось подготовкой первого грандиозного показательного судилища двухлетия большой чистки – московского показательного процесса. Немецкое содержание сценария этого судилища делало все решения о дальнейшем развитии культурной автономии в республике Немцев Поволжья политически нецелесообразными.

В обстановке неминуемого приближения террора Писка-тор получает неожиданное задание выехать в командировку по делам Коминтерна в Париж. В октябре руководитель делегации КПГ в СССР Вильгельм Пик напишет Пискатору в Париж необычное по смелости письмо: «Я навел точные

справки и решительно против того, чтобы ты в этих обстоятельствах сюда возвращался [...] Но теперь было бы в самом деле безответственной тратой твоего времени и твоих способностей, если бы ты и дальше выполнял эту работу»³⁶. Вероятно, это предупреждение спасло Пискатору жизнь.

Фактический запрет на создание Немецкого государственного театра в городе Энгельсе предопределил судьбу других театров национальных меньшинств, которые были негласно, в секретных документах Политбюро признаны париями и политически подозрительными. Во время «большого террора» процесс ликвидации театров, издательств, газет, школ примет масштабы государственной политики и станет прелюдией к массовым репрессиям представителей этих национальностей – прежде всего тех, чья основная масса проживала в государствах-лимитрофах СССР и которые поэтому рассматривались как потенциальная пятая колонна в случае начала войны. Вслед за разгромом национально-автономных культур наступит очередь и самих автономий и других нац. образований. Параллельно или вслед за этим последуют массовые репрессии и депортации. Эта динамика и последовательность событий говорит о том, что изменения в сфере культуры и искусства предшествовали государственно-политическому катаклизму.

2 января 1937 г. едва ли не первым решением в роковом для советской истории году Политбюро, рассмотрев структуру Всесоюзного Комитета по Делах Искусств СНК Союза ССР, утвердит постановление Советского правительства: передать в непосредственное ведение Комитета следующие театры: ГАБТ и МХАТ (с филиалами), а также театры: им. Вахтангова, Еврейский, Кировский, МАЛЕГОТ, Ленинградской драмы (последние три в Ленинграде). Молотов дописал: «и Центральный детский театр в Москве». В ведение Управления комитета по делам искусств при Московском совете передавались следующие театры: Государственный оперный театр им. Станиславского, Государственный опер-

ный театр им. Немировича-Данченко, Московский государственный камерный театр, Государственный театр им. Мейерхольда, Латвийский театр «Скатувэ» и Цыганский театр Ромэн»³⁷. В итоге появляются два уровня театров, федерального и местного (хотя и столичного) значения. Для Мейерхольда и Таирова это было серьезным номенклатурным поражением. Через год Государственный театр им. Мейерхольда прекратит свое существование. В 1949 г. его судьбу разделит Камерный театр Таирова. Начало тридцать седьмого ознаменовалось сегрегацией левого авангардного искусства. Отлучение Мейерхольда и Таирова от охраняемой, неприкасаемой территории советского искусства было очевидным. Что было идентичным творческому краху в СССР немецкого режиссера – антифашиста Э.Пискатора.

Кроме этого, были намечены на закание два национальных театра: латышский «Скатувэ» и цыганский театр «Ромэн». Последний будет спасен, но за Латвийским последуют и другие театры, а в 1949 г. будет разгромлен Государственный еврейский театр.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1060. Л. 81. (Далее: РГАСПИ).

² Там же. Д. 1110. Л. 34–47.

³ Там же. Оп. 162. Д. 20. Л. 78.

⁴ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б), 1922–1952 / сост. В.Д.Есаков. М., 2000. С. 202–203.

⁵ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В.А.Ауман, В.Г.Чеботарева. М., 1993. С. 159–163.

⁶ Энгельс (бывший Покровск) – город на левом берегу Волги напротив Саратова. Центр АССР НП, железнодорожная станция Рязано-Уральской дороги. Население в 1926 г. составляло 33600 чел., в 1932 – 53788 чел. (Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1933. Т. 64. С. 238). В городе работали национальные вузы (педагогический и сельскохозяйственный институты, комвуз), два национальных театра, парк культуры и отдыха, издательство на немецком языке, издавалось три газеты (две из них на немецком языке).

- ⁷ Карола Неер (Неэр, Геншке) (Carola Neher) (1900–1942) – немецкая актриса. Сыграла роль Полли Пичем в кинофильме «Трехгрошовая опера» (1931 г.). Приехала в Москву из пражской эмиграции в 1934 г. Арестована НКВД в июле 1936 г. Умерла в лагере Соль-Илецк близ Оренбурга 26 июня 1942 г. (Архивно-следственное дело см.: *Колязин В.Ф.* «Верните мне свободу»: деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора: мемориальный сборник из архивов бывшего КГБ. М., 1997. С. 22–30).
- ⁸ Александр (Есайя) Гранах (Alexander Granach) (1890–1945) – немецкий актер. Наиболее известные роли: Ленин в спектакле «Распутин» (по пьесе А.Толстого – П.Щеголева «Заговор императрицы», Театр Пискатора, Берлин 10 ноября 1927 г.) и Шейлок («Венецианский купец» Шекспира, Киевский еврейский театр, 1936 г.). Приехал в СССР в 1935 г. Арестован органами НКВД, но отпущен на свободу и в ноябре 1937 г. выедет из СССР. Архивно-следственное дело см.: *Колязин В.Ф.* «Верните мне свободу». С. 96–103, 440–441.
- ⁹ Эрнст Буш (1900–1980) – немецкий певец и общественный деятель. Лауреат Международной Ленинской премии мира (1972 г.). Полностью идентифицировал себя с советским режимом и с социалистическим строем в ГДР. 17 августа 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) примет постановление «Вопрос Отдела внешних сношений ЦК (особая папка)»: «Принять предложение советской военной администрации в Германии о разрешении Эрнсту Бушу приезд в СССР для лечения в институте нейрохирургии Академии Медицинских Наук СССР в г. Москве» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 101).
- ¹⁰ Эрвин Пискатор (Erwin Piscator) (1893–1966) – немецкий режиссер, член Коммунистической партии Германии с 1919 г., в 1934 г. – председатель Международной организаций революционного театра (МОРТ, структуры Коминтерна и подразделения Международного объединения революционных писателей; в состав МОРТ также входило Международное музыкальное бюро). В начале декабря 1935 г. МОРТ будет ликвидирован. В середине 1936 г. Пискатор выедет из СССР, будет жить во Франции и США, а с 1947 г. в Западной Германии.
- ¹¹ Бертольт Брехт (Bertolt Brecht) (1898–1956) – немецкий писатель, драматург и театральный деятель. После прихода к власти Гитлера жил в Швейцарии, Дании, Швеции и США. В 1948 г. поселился в Восточном Берлине. Лауреат Национальной премии ГДР 1-й степени (1951 г.) и Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1954 г.).

- 12 Адам Шарер (Adam Scharrer) (1889–1948) – немецкий писатель, автор романов «Без отечества» о Первой мировой войне и «Большой обман» о жизни в Веймарской Германии. Эмигрировал в Прагу, затем в Париж.
- 13 Эрих Вайнерт (Вейнерт) (Erich Weinert) (1890–1953) – немецкий поэт, член КПГ с 1924 г. После прихода к власти Гитлера эмигрировал в Швейцарию. Во время гражданской войны в Испании – политработник 11-й интербригады. Во время Второй мировой войны – в СССР, председатель комитета «Свободная Германия». В 1946 г. возвратится в Восточную Германию. Лауреат Национальной премии ГДР (1949, 1952 гг.).
- 14 В 1933 г. в Автономной республике проживало 576 тыс. чел. Национальный состав населения в 1936 г.: немцев – 66,4%, русских – 20,4%, украинцев – 12%, прочих – 1,2%. Согласно материалам переписей населения, в целом по СССР немцев проживало: 1 млн 238 тыс. 549 чел. (1926 г.), 1 млн 151 тыс. чел. (перепись 1937 г., объявленная вредительской и аннулированная), и 1 млн 423 тыс. 344 чел. (1939 г.). (См. доклад начальника Центрального управления народно-хозяйственного учета Саутина Молотову, 26 августа 1939 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 531. Л. 20).
- 15 Для сравнения предлагаем цифры того, что можно было построить на один миллион рублей в 1936 г. Строительство второго санатория в Барвихе на 150 коек проектировалось по стоимости 15 млн руб. В материалах Политбюро ЦК на финансирование операционных расходов по учреждениям и организациям ВКпДИ предусматривалось выделить 51 млн руб. Из них на подготовку кадров – 8 млн (Академия Художеств в Ленинграде – 3 млн 600 тыс., Московская консерватория – 460 тыс.). Стоимость в 1937–1939 г. железной дороги Ухта – Усть Вымское оценивалась в 430 млн руб. (в дальнейшем предусматривалось соединение этой гулаговской магистрали с отрезком Котлас – Киров).
- 16 23 марта 1936 г. Политбюро утвердило Постановление СНК СССР «О государственном Украинском академическом театре оперы и балета». Оно принято по результатам успешного окончания декады Украинского искусства в Москве. Стоимость жилого дома для артистов киевской оперы оценивалась в 3 млн рублей; 700 тыс. руб. выделялось на капитальный ремонт театра.
- 17 Город Камышин – районный центр в 182 км выше Сталинграда (Волгограда). Был частью довоенного проекта «Большая Волга». Камышинская плотина должна была стать исходным пунктом ирригации Заволжья.
- 18 А.И.Криницкий (1894–1937) – секретарь Саратовского крайкома и горкома ВКП(б), расстрелян.

- ¹⁹ Е.Э.Фрешер (1890–1938) – председатель Саратовского крайисполкома, в 1932–1935 гг. и в 1938 г. – первый секретарь обкома Республики Немцев Поволжья. Расстрелян.
- ²⁰ А.А.Вельш (1893–1937) – секретарь ОК ВКП(б) Немреспублики, до этого с 1935 г. председатель ЦИК и СНК НП АССР. Расстрелян.
- ²¹ Л.М.Каганович (1893–1991) – в 1928–1939 гг. – секретарь ЦК ВКП(б). Одновременно в 1930–1935 гг. – первый секретарь Московского городского и Московского областного комитетов ВКП(б), в 1934–1935 гг. председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1930–1957 гг. В.Ф.Колязин приводит полуапокрифические, на данный момент не поддающиеся документальному подтверждению, сообщения об этой беседе (беседах). Пискатор «был у Бухарина в “Известиях”, добился по делу о студии антифашистских фильмов аудиенции у самого Кагановича. Сопровождавший президента Бернхард Райх вспоминал, что 1-й секретарь МК ВКП(б) выслушал его благосклонно, особо подчеркнув важность оптимистических финалов будущих фильмов. На это Пискатор энергично возразил, что так он опустится до уровня голливудовских хеппиэндов, чем привел секретаря Кагановича в полный ужас. Вскоре после этой встречи было принято решение о реорганизации, а затем и роспуске МОРТ как организации, благоприятствующей проникновению шпионов» (Колязин В. Таиров, Мейерхольд и Германия. Пискатор, Брехт и Россия: очерки истории русско-немецких художественных связей. М., 1998. С. 175). И далее: «Но беседа с Кагановичем (беседу эту режиссер “реконструировал” в 50-е годы), Пискатор все-таки атаковал советских бонз по всем правилам политического театра, театра поиска истины. Если сегодня критикуют Сталина, не значит ли это, что все эти двадцать лет существовала возможность иного пути? Почему советская политика своими антигуманными методами уничтожает суть искусства, отталкивает его от себя? Почему лучшие люди гибнут и вынуждаются к бездействию? Пискатор привел в пример судьбы Маяковского, Эрдмана, Булгакова, Эйзенштейна, Мейерхольда, которого время от времени, но давно преследуют. Почему искусством управляют третьеразрядные жирные тупицы? По словам Пискатора, Каганович ответил на это шуткой: “Хотите, я передам все управление вам”?» (Там же. С. 188). Эта информация также не поддается независимой документальной экспертизе. Тем не менее, в своем письме от 15 июня 1935 г. И.В.Сталину зав. отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б) и оргсекретарь правления Союза советских писателей СССР А.С.Шербаков отмечал: «Считаю необходимым сообщить Вам о режис-

- сере т. Пискаторе. За последние 1,5 месяца мне довелось иметь с т. Пискатором три беседы, в результате которых я убедился, что т. Пискатор находится в тяжелом состоянии. Работники ИККИ (напр. т. Бела-Кун) склонны связывать нынешнее состояние Пискатора с той неустойчивостью в позиции к фашистскому режиму в Германии, которая якобы наметилась среди некоторой части немецкой эмиграции. В разговоре со мной Пискатор заявил, что в СССР уже несколько лет он не имеет настоящей работы, что его не понимают [...]» (*Андерсон К.М., Максиленков Л.В.* Кремлевский кинотеатр, 1928–1953: документы. М., 2005. С. 269).
- 22 Андреас Закс (Andreas Saks) (1903–1983) – ведущий советский немецкий драматург. «Литературная энциклопедия» (1934 г.) выделяла его пьесы «Die Quellen Sprudeln» [«Бьющие ключи»] (посвящена развитию животноводства в АССР), «Pater Wutzkis Himmelfahrt» [«Вознесение в ад патера Вуцки»]. С 1934 г. – член ССП СССР, с 1938 г. – председатель ССП АССР НП.
- 23 Христиан Эльберг (Christian Olberg) (1889–1942) – до ареста председатель ССП АССР НП, директор Немецкого государственного издательства в г. Энгельс. Об Эльберге в «Литературной энциклопедии» говорится: «автор двух сборников рассказов. В одном сборнике автор изображает в сатирическом плане процесс классовой дифференциации дореволюционной немецкой деревни на Волге; в другом сборнике писатель дает ряд очерков о коллективизации, носящих характер художественного репортажа» (*Д.Ш., К.М.* Немцев СССР литература // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7. С. 885). Через тридцать пять лет в «Краткой литературной энциклопедии» в статье «Немецкая литература» (Т. 5. М., 1968) раздел «Немецкая СССР литература» будет отсутствовать.
- 24 Герхард Завацкий (Завацкий) (Gerhard Sawatzky) (1901–1938, по другим источникам 1944) – немецкий советский поэт. «Литературная энциклопедия» указывала, что «для него характерны лиризм, простота выражения. Из его поэтических произведений выделяется поэма “Засуха”. Он пишет об изживании старого и рождении нового быта. В своей повести “Среди белых убийц” писатель в ярких красках рисует историю перевоспитания молодежи из секты меннонитов: в условиях гражданской войны батрацкая прослойка этой молодежи преодолевает религиозные предрассудки и переходит на сторону революции. Это талантливое произведение, несмотря на отдельные недостатки, занимает видное место в новой советской немецкой литературе» (Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7. С. 885). Репрессирован.
- 25 Иоганнес Роберт Бехер (Johannes Becher) (1891–1958) – немецкий писатель и государственный деятель ГДР, член КПГ с 1919 г., член ЦК СЕПГ с 1946 г., первый министр культуры ГДР (с 1954 г.), президент и основатель Культурбунда (1945 г.), пре-

- зидент Академии искусств ГДР (1953–56 гг.). В 1933–1945 гг. в эмиграции. Международная Сталинская премия (1952 г.).
- 26 Фридрих Вольф (Friedrich Wolf) (1888–1953) – немецкий драматург, коммунист. По пьесе «Профессор Мамлок» (1934 г., русский перевод 1935 г.) будет сделан одноименный фильм. «Бедный Конрад» (1924 г., в русском переводе 1941 г.). После войны – посол ГДР в Польше. Дважды лауреат Национальной премии ГДР.
- 27 «Трехрошевая опера» Б.Брехта.
- 28 Герхарт Гауптман (Gerhart Hauptmann) (1862–1946) – немецкий писатель. Комедия «Бобровая шуба» написана в 1893 г. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1912 г.).
- 29 Карл Цукмайер (Zuckmayer) (1896–1977) – немецкий писатель, эмигрировал из Германии в 1933 г. возвратится в 1946 г., снова эмигрирует в 1951 г., с 1958 г. – в Швейцарии. Реалистичная народная комедия «Шиндерганнес» написана в 1927 г.
- 30 Бернгардт Рейх (Райх) – в 1925 г. выехал в Москву, принял советское гражданство, окончил литературоведческую аспирантуру отделения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), с 1934 г. – член ССП. Будет арестован в эвакуации в Ташкенте в 1943 г. и осужден на 10 лет лагерей. Умер в 1972 г. в Москве. См.: *Колязин В.Ф.* «Верните мне свободу». С. 304–319.
- 31 Эрнст Гельд (наст. имя Генрих Эрнст Розенбаум) (1903–1954) – немецкий режиссер. В эмиграции в СССР с 1932 по 1949 г. Вернется в ГДР.
- 32 Елена Вайгель (1900–1971) – немецкая актриса.
- 33 Wolfgang Langhoff (1901–1966, Берлин, столица ГДР) – немецкий театральный, кино- и телережиссер. «Die Moorsoldaten» вышла в свет в Цюрихе в 1935 г. Рассказывает о пребывании актера в концлагере Бергемур в Восточной Германии в 1933 г. Исполнитель ролей на премьерных показах «Мамаши Кураж и ее дети» (Цюрих, 1941 г.) и «Жизнь Галилея» (Цюрих, 1943 г.) Б.Брехта. С 1946 по 1963 г. будет возглавлять «Немецкий театр» в Берлине.
- 34 Леонард Штеккель (Leonard Steckel) (1901–1971) Первый исполнитель главной роли в «Жизни Галилея»
- 35 П.М.Керженцев (1881–1940). Председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР (январь 1936 – январь 1938 г.), председатель Радиокomiteта при СНК СССР (1933 – сентябрь 1936 г.).
- 36 *Колязин В.* Таиров, Мейерхольд и Германия ... С. 177.
- 37 Молотов в ПБ ЦК, 25 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1132. Л. 85.

ЭТНИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО ЦЫГАН РОССИИ: ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЩЕСТВОМ¹

Преобразования конца 1990-х — начала 2000-х годов в разных сферах российского общества, включая и сферу национальных отношений, вызвали к жизни необходимость обратиться к обустройству российских цыган. Особое внимание в этот период уделялось поддержке их национально-культурного развития.

Именно в 1990-е годы — начале XXI века состоялось обращение к истории цыганской этнической общности², выяснению ее роли и места в системе межнациональных отношений в России в целом. Это необходимо было прежде всего для того, чтобы выявить ситуацию, складывающуюся в цыганской среде России, выработать рекомендации по принятию кардинальных решений, связанных с улучшением положения цыганского меньшинства.

Цыгане в результате их рассеянного проживания по всему миру и традиционного образа жизни сформировались исторически в особую этническую общность. Трудно достаточно точно оценить число цыган в Европе. Большинство государств, где проживают цыгане, не имеют статистической информации о них. Общее население цыган, по оценкам экспертов, может варьировать между 7,5 и 14,5 миллионами.

По данным ученых, опубликованным в бюллетене Международной группы по правам меньшинств, например, в Румынии проживает от 1 800 000 цыган (минимум) до 2 500 000 (максимум), в Болгарии от 700 000 до 800 000, в Испании от 650 000 до 800 000, в Венгрии от 550 000 до 600 000, в Чехии — до 300 000, в Российской Федерации — от 220 000 до 400 000 и т.д.

Очевиден и тот факт, что цыгане³ относятся к тем этническим общностям, которые в России, в условиях развития федеративных отношений в 1990-е годы, нуждаются в обеспечении прежде всего политической, правовой защищенности, находясь в окружении «титულных» народов. Великий народ со своей культурой и своими национальными традициями, как отмечал академик Д.С.Лихачев, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру. Выполнение этой важной государственной и гражданской миссии требует глубокого знания истории тех этнических общностей, которые входят в единое сообщество на территории целостного государства.

Очевидно, требуется также поддержка развития их национальной и самобытной культуры, родного языка, определение мер и приоритетных направлений улучшения положения национального меньшинства, являющегося органичной частью россиян.

Для цыганской общности также необходимы стабильность и мир в тех государствах, где они проживают дисперсно и компактно. Цыгане – противники дискриминации, как и нарушений конституционных прав по национальному признаку.

Поэтому определение в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.) форм национально-культурного самоопределения народов России, включая и российских цыган, сыграло важную роль в становлении самой этнической общности в 1990-е годы, ее определенной этнической мобильности, преодолении многих негативных явлений. Национальное меньшинство, каким являются цыгане, получило возможность решения вопросов сохранения и развития своей самобытности, традиций, языка, культуры и образования.

Эти положения нашли в 1990-е годы отражение в провозглашении Концепцией государственной национальной

политики Российской Федерации такой формы, как национально-культурная автономия. Она на практике стала «важным средством выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан, достижения межнациональной стабильности, предупреждения конфликтов на национальной почве»⁴.

Как и другие народы, цыгане переживали процесс определенной этнической мобильности. В 1990-е годы сообществом цыган России были созданы более 20 общественных объединений – национально-культурных автономий, национальных общественных организаций, центров национальных культур, ассоциаций, землячеств, представляющих прежде всего национально-культурные интересы российских цыган в субъектах Российской Федерации и в масштабе Федерации.

Для цыганской общности в России остается характерным отсутствие нормативно-правовой базы, которая с учетом имеющейся специфичности, тем или иным способом регулировала бы взаимоотношения органов государственной власти с этнической общностью, сделала ее востребованной в российском обществе.

В условиях современного состояния России, происходящих мощных миграционных процессов проблема национальных меньшинств в целом приобретает особую актуальность. Главные трудности, с которыми встречается современное российское общество, – это адаптация этнических меньшинств к новым условиям проживания, интеграция их в российский социум, взаимодействие с другими этническими общностями, решение сложных социальных проблем, воспитание культуры межнационального общения, а именно реализации ее как первостепенной государственной задачи в этих непростых условиях. Все это в полной мере относится и к российским цыганам.

Постепенно стала формироваться и историография проблемы национальных меньшинств, в частности цыган⁵. Хотя она пока и находится в целом в зачаточном состоянии, тем не менее сдвиги очевидны, как очевидно и постепенное

формирование источниковой базы по рассматриваемой проблеме.

Все это позволяет сделать однозначный вывод, что цыганская этническая общность и в условиях проводимого в Союзе ССР «социалистического эксперимента», и в условиях российской действительности переживала и переживает те же социальные изменения и трансформации, что и все этнические общности, населяющие Российское государство.

Это происходило в первую очередь за счет насильственных деструктивных вмешательств в жизнь общества или по причине нежелания принятия кардинальных мер, способствующих положительному изменению жизни той или иной этнической общности, улучшению среды ее обитания, решению социальных проблем, развитию национальной культуры, как и воспитанию культуры межнационального общения.

Что касается обобщенного анализа проблемы в российской историографии применительно к российским цыганам, выработки новых принципов и подходов к изучению избранной темы в целом, то она нашла частичное отражение в наших ранних публикациях⁶.

Несмотря на имеющиеся трудности, проводилась работа по изучению истории цыганской общности в масштабе Российской Федерации, что было непосредственно определено и решениями Совета Европы (Европейский центр по правам цыган).

В рамках одной статьи нет возможности охватить все многообразие жизни современного цыганского сообщества в России. По нашему мнению, было бы целесообразным в первую очередь рассмотреть гуманитарный аспект изучаемой темы. Он включает такие важные направления, как взаимовосприятие этнической общности в многонациональном Российском государстве, решение вопросов обучения и воспитания детей в цыганских семьях и др.

В отношении этнического меньшинства цыган актуальной остается проблема взаимовосприятия, при этом не толь-

ко русских и цыган друг другом, но и другими этническими меньшинствами. Цыгане в определенной мере демонстрируют собой стереотип образа «иного» в массовом сознании.

Вероятно, своеобразный образ жизни, специфика культуры создают для этого прочную основу. Изменение этой составляющей в развитии общества, и особенно в многонациональном государстве, где отчетливо ощутимы устоявшиеся стереотипы восприятия этнических общностей друг другом, возможно только при внесении корректив в менталитет цыган, прежде всего в изменение уровня их образованности, обучения в школе, знакомства с достижениями мировой культуры. Конечно же, эти факторы не распространяются на представителей цыганской элиты, и особенно в сфере науки, культуры. Что же касается общей массы (а представителей таковой остается большинство), то эта проблема по-прежнему актуальна.

Прежде всего проявляется фактор восприятия цыганской общности в политических кругах, различными политическими партиями. Это особенно характерно для выборных кампаний, где необходимы голоса избирателей. Работая над мониторингом использования так называемой «национальной карты» в подобной кампании 2003 года, с учетом данных независимых экспертов и средств массовой информации, можно было отчетливо проследить эти действия, в том числе и на примере цыганской общности.

Хотя в сентябре 2003 года и прозвучал призыв лидеров национальных общественных объединений не разыгрывать «национальную карту» (а замысел такой акции был понятным — сохранить межнациональный мир и гражданское согласие, укрепить Российское государство, что оставалось одной из важнейших задач в сфере межнациональных отношений), тем не менее такие случаи на практике имели место.

Так, к национальному фактору прибегли открыто в ходе выборной кампании О.Гусева в мэры г. Екатеринбурга. Эту пропаганду автор письма в Правительство Российской Федерации лидер Екатеринбургской цыганской национально-

культурной автономии (ЕНКА) «РомаУрал» А.А.Торохов квалифицировал как «разжигание розни и нагнетание атмосферы нетерпимости по отношению к цыганской общине города».

В связи с развернутой кампанией газета «Уральский характер» (2003, 13 ноября (№ 33), 20 ноября (№ 34) открыто призывала горожан поддержать инициативу кандидата по сносу «цыганского поселка». В связи с этим газета писала: «Третий вопрос: Поддерживаете ли вы инициативу Олега Гусева о ликвидации цыганского поселка и строительстве на его месте муниципального жилья для горожан?» Ответы на вопрос столь провокационного содержания распределялись следующим образом: полностью поддерживаю – 91,3%, поддерживаю частично – 2,3%, не поддерживаю – 0,9%, безразлично – 4,0%, ничего не слышал об этом – 5,2%»⁷. Таким образом, более 90% опрашиваемых респондентов поддержали инициативу О.Гусева.

Фактически аналогичным образом поступил и баллотировавшийся от общественного движения «Нам здесь жить!» на пост мэра г. Архангельска А.Донской. Ключевым вопросом в его предвыборной программе выступал вопрос о выселении цыган из областного центра.

К сожжению цыганских домов и цыганским погромам призывал и депутат С.Кривнюк в г. Ярославле, заявив при этом буквально следующее: «В моем избирательном округе... жители готовы начинать жечь дома цыган, и я хочу возглавить этот процесс». Депутат Государственной думы Федерального Собрания Е.Ройзман разослал письма в администрации 89 субъектов Российской Федерации с призывом сносить цыганские дома и выслать отовсюду цыган лишь на основании того, что практически у всех цыган отсутствуют документы на владение жильем⁸.

Таким образом, отдельные депутаты, мэры, прокуроры, журналисты, редакторы газет как представители власти, которые, казалось бы, должны гарантировать соблюдение законности и правопорядка, сами призывают к погромам, де-

портациям, поджогам, дестабилизируя и без того хрупкую обстановку в сфере межнациональных отношений в государстве.

В данном случае вывод мог быть единственным: вряд ли целесообразно использовать в предвыборной борьбе национальный фактор. Все это не даст позитивных результатов, а только будет способствовать расширению межнациональной неприязни, окажет влияние на авторитет самого кандидата, использующего «национальную карту».

Именно таким образом и завершаются эти меры. Свидетельством этому являются погромы, убийства, поджоги цыганских строений в г. Искитим Новосибирской области, г. Волжский Волгоградской области и др. В Волжском эти факты были усугублены расправой над девятью цыганами – мужчинами, женщинами и детьми, проживавшими в лагере на окраине города, за городским кладбищем у берега р. Ахтуба. Как замечала по этому поводу руководитель АДЦ «Мемориал» Стефания Кулаева, «есть основания говорить о расизме как вероятной причине нападения и зверского убийства цыганских жителей г. Волжского»⁹.

Ситуация, складывавшаяся в г. Волжский, вызвала реакцию Европейского Центра по правам цыган (ERRC), который стал международной общественной правовой организацией, проводящей мониторинг ситуации с цыганами в Европе и оказывающий юридическую помощь в случаях нарушения прав человека (основан в 1996 г.)¹⁰. Причиной дискуссии были события в ходе проводимой оперативно-профилактической операции под общим названием «Табор», в частности в г. Волжский в 2002, 2004, 2006 гг. и позднее. Цель этой операции получила отражение в заявлении полковника милиции, начальника отдела информации и общественных связей ГУВД по Волгоградской области Николая Варавина: «Это прежде всего проверка у граждан цыганской национальности паспортного режима, поимка находящихся в розыске преступников цыганской национальности и пресечение мошенничества»¹¹.

Тем не менее международные организации считают, что в отношении цыган г. Волжский нарушается ст. 2 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Альтернативой этому выступает, естественно, уважение и защита права человека в отношении всех лиц, независимо от расы, цвета кожи, национального и этнического происхождения. Вопрос находился в центре внимания и руководителей Министерства внутренних дел России и директора Европейского центра по правам цыган Цукурк.

Даже на примере отношения к цыганам как избирателям следует вывод, что использование «национальной карты» в «грязных технологиях», связанных с выборами, не приводит к положительным результатам, а только создает социальную напряженность. Фактор же восприятия этнической общности в целом и в конкретном случае приобретает временный характер с сомнительным оттенком, с учетом сиюминутной выгоды; отсутствует и конструктивный подход к решению социальных проблем той или иной этнической общности, в частности, цыган.

ФНКА, местными национально-культурными автономиями российских цыган было высказано немало претензий в адрес СМИ, создававших отрицательный образ этого народа и проявлявших мало внимания к вопросам обустройства цыганского населения на территории России, сохранению цыганского искусства, переживавшего определенное кризисное состояние в своем развитии. В частности, эти проблемы рассматривались на проходившем заседании «круглого стола» в ФНКА российских цыган 7 апреля 2005 года, Там же было предложено Федеральному агентству по культуре и кинематографии (М.Е.Швыдкой) организовать в рамках телепрограммы «Культурная революция» вечер встречи с руководителями ФНКА российских цыган, а также деятелями цыганской культуры и искусства с целью выработки предложений по исправлению создавшейся ситуации.

Фактор уровня восприятия проявляется во многих сферах жизни цыганской этнической общности. Государст-

венный советник юстиции III класса Российской Федерации, заслуженный юрист России, адвокат П.М.Маргиев обращается к проблеме Холокоста цыган¹². Данная тема применительно к цыганам России вообще не разрабатывалась в исторической науке, особенно российской. Автор приводит убедительную картину всего происходящего с цыганами в мире. Обоснована им постановка вопроса: почему может признаваться, например, Холокост евреев, и вовсе не признается Холокост цыган. Вопрос вполне правомерен и заслуживает внимания, носит дискуссионный характер. Вероятно, в данном случае играет принцип превосходства одной этнической общности над другой, имеющих в основном в современных условиях разное положение в мире и социальную значимость, влияние, а отсюда и навязывание многонациональному обществу этих заключений, в том числе и через преподавание этой темы в школе. Почему стоимость жизни цыган оценивается значительно ниже, чем евреев?

Автор убедительно раскрывает невежество подобного подхода, рассматривая его в том числе и применительно к Советскому Союзу, потерявшему во Второй мировой войне более 28 млн чел. Правда, во второй своей публикации автор почему-то апеллирует больше к анализу действий главы СС Генриха Гимmlера по отношению к цыганам и не затрагивает в этом плане российских цыган, которые были вовлечены, наряду с прочими народами, и в процесс депортации народов в годы Великой Отечественной войны.

Анализ данной темы в современных условиях был весьма полезным. Конечно, выдвигаемые положения необходимо подкреплять и аргументировать архивными материалами. Цыгане в принципе пережили немало бед и страданий, а главное — это то, что крайне слабым был учет пострадавших от войны и прочих несчастий представителей этого этнического меньшинства. Однако на них не распространяется понятие Холокоста, как это осуществлено применительно к другим этническим меньшинствам. «Но почему-то исследователи Холокоста забывают о том, что он коснулся цыган

так же, как и других народов. К сожалению, когда говорят об ужасах Второй мировой войны, в дни, когда чтят память погибших, о цыганах даже не упоминают, как будто бы пол-миллиона цыган не лежат в могилах расстрелянные, удушенные газом, заморенные голодом в фашистских концлагерях. Достаточно ли это для того, чтобы считать цыган жертвами Холокоста наравне с остальными?» — читаем в публикации «Холокост»¹³.

Вопрос о взаимовосприятии этнических общностей друг другом остается проблемным и в публицистике, и в образовании. 2 сентября 2005 года в газете «Московский комсомолец» было помещена публикация о Дне города и упомянута роль и место цыган в этом событии. В ней мы читаем: «Вот уже две недели Москву “зачищают” от бомжей, цыган и разных подозрительных лиц».

Совет ФНКА российских цыган, обращаясь в Министерство регионального развития Российской Федерации по этому поводу, констатировал: «К счастью, правоохранительным органам достало здравого смысла не воспринимать буквально указание “освободить” столицу от представителей цыганской национальности...».

Вероятно, редакция газеты не учла того момента, что права цыган, в том числе и в столице государства, гарантированы и защищены конституционно, и ответственность за создавшееся положение с этническим меньшинством в определенной мере — это и ответственность государства. В данном случае обывательские стереотипы о цыганах явно были перенесены на государственный уровень. Человечество подобные меры уже проходило, например, когда в 1926 г. в условиях зарождавшегося фашизма в странах Западной Европы был принят закон «против цыган, бродяг и тунеядцев».

Несомненно и то, что в данном случае ощущается потребность в выработке идеологических установок в отношении целого этнического меньшинства, при этом базирующихся на принципах гуманизма, толерантности, цивилизованных методов решения столь сложных социальных проблем.

Практика выстраивания системы межнациональных отношений в обстановке, сложившейся в России за последние полтора десятка лет, свидетельствует, что успех возможен только в условиях работы по объединению цыган, сохранению их самобытности, приумножения культурных традиций, проявления большей заботы об этническом меньшинстве, стремления вывести его из трудного положения, связанного с рыночными отношениями. В конкретном случае принцип отторжения не срабатывает и не дает положительных результатов.

К сожалению, цыгане в обществе обвиняются в торговле наркотиками, в мошенничестве, в воровстве и т.д. И это осуществляется при полном отсутствии постановки проблемы трудовой занятости цыганского населения, его трудового использования, определения для него хозяйственной ниши на государственном уровне.

Примером такого отношения, является, например, позиция администрации Курганской области, констатировавшей следующее: «Большинство населения области (до 70% опрошенных в декабре 2001 г.) считают цыган чужими и относятся к ним негативно, связывая это с их участием в продаже и сбыте наркотиков, воровстве и мошенничестве». На этом информация завершается. Следует заключение — «представить запрашиваемые данные о материальном положении (цыган. — *Н.Б.*), трудовой деятельности, безработице и образовании цыган не представляется возможным, так как ни федеральные территориальные институты, ни исполнительные органы власти, ни муниципальные образования не ведут такой статистики»¹⁴.

Подобная информация содержится и во многих других документах субъектов Российской Федерации. Отрицательный вывод об уровне работы в области с этническими меньшинствами напрашивается сам собой. Именно отсюда — порождение остро стоящих социальных проблем. Такое положение характерно и для многих других этнических меньшинств России.

Наглядным примером восприятия цыганской этнической общности могут служить вопросы слушателей радио. Анализ таких вопросов, например, встречи на радио «Эхо Москвы» позволяет выявить и отношение населения к рассматриваемой проблеме. В целом общество обеспокоено состоянием проблемы цыган в Российской Федерации. Так, в передаче «Эхо Москвы» от 12 мая 2005 года слушатель О.П.Смирнов (г. Красно-турьинск) заметил: «Очень интересная тема. Правильно сделали, что обратили, наконец-то, на нее внимание. По роду своей деятельности часто сталкиваюсь с цыганами. Впечатление такое, что люди немного “выпали” из текущего времени. Очень обидно, что из поколения в поколение передаются не нормальные принципы, а полууголовные понятия. По моему мнению, просвещенным цыганам в первую очередь надо заняться вопросами образования соплеменников».

Обеспокоенность ситуацией очевидна. Конечно, восприятие представителей одной и той же общности – как цыганской, так и других не может быть одинаковым. Пенсионерка из Москвы заключает: «Очень прекрасный театр “Ромэн”. Все спектакли искрометные, поют замечательно и танцуют. Очень уважаю Николая Сличенко, очень культурный и талантливый, как и многие артисты театра». Но москвичи высказывают и другие оценки: «Хотелось бы знать, если мы все знаем, что цыгане наркоторговцы, жулики, торговцы детьми и т.д., о чем пишет пресса, то почему же русский и другие народы позволяют им жить на русской земле? Продавать нашим детям всякую гадость, воровать и эксплуатировать наших детей? Кто за это будет нести ответственность? Власти?».

Слушатель из г. Приволжского замечает: «Если верить, то с правами у цыган в нашем государстве все в порядке. Есть где жить, и что пить, даже театр свой имеют. Тема явно надумана. Впору обсуждать права не цыган, а проживающих рядом с ними, и давно пора прекратить восхвалять “вольный” цыганский образ жизни на телевидении и в печати. Можно ли назвать имя хотя бы одного цыгана передовика

труда, уважаемого колхозника или руководителя, оставившего заметный след в истории своей страны, а не цыганского барона, наркоторговца, уличного мошенника и т.д. Может нас кто-то обманывает?»¹⁵.

В то же время органы власти, призванные решать подобные проблемы на государственном уровне, работают скорее «по верхам», не вдаваясь глубоко в суть проблемы регулирования национальными процессами в цыганском российском сообществе.

Именно об этом свидетельствуют проводимые бесконечные «зачистки» от цыган, в частности состоявшаяся операция МВД «Табор», которая получила отклик во всех городах Российской Федерации, однако мало принесла пользы для консолидации общества, был нарушен принцип подхода в решении политических задач — единство во множестве.

«Ярким выражением беспредела правоохранительных органов является проведение московской милицией спецоперации “Табор”, — пишет Н.Г.Деметер, — направленной на “пресечение противоправной деятельности” представителей самой “кочевой” национальности. Всех цыган-правонарушителей в ходе этого мероприятия планируется “взять на карандаш”, сфотографировать, а также снять у них отпечатки пальцев. Особое внимание решено уделить передвижениям цыган. Если станет известно, что большие группы кочевников направляются в путь из Москвы, предполагается тайно выявлять цели их путешествия и конечные пункты поездок, а также, по возможности, сопровождать “туристов”. Проверке подвергнутся и те, кто сдает цыганам жилье».

Эта информация опубликована 27 февраля 2002 года в самой популярной газете Москвы — «Московский комсомолец», с тиражом 1 961 566 экземпляров, без подписи, под рубрикой «В номер срочно», под названием «Цыган ждет тесное общение с милицией»¹⁶.

В этом ряду и «новшество», введенное 22 апреля 2009 года в метро Санкт-Петербурга по предупреждению через селекторную

связь о наличии цыган в переходе между станциями «Владимирская» и «Достоевская» — «Осторожно, на станции цыгане!».

Это свидетельство и того, что жителями Санкт-Петербурга представители цыганского меньшинства воспринимаются в основном в криминальном контексте¹⁷. Эксперт Русского этнографического музея Д.Дубровский в интервью корреспонденту информационного агентства «Росбалт» заявлял, что, по его мнению, это яркое проявление дискриминации и разжигания межнациональной розни. В то же время он констатировал бедственное положение цыган. По его сведениям, цыганская семья имеет в десять раз меньший доход, чем самая бедная российская семья. Отсутствие регистрации лишает цыган права на медицинское обслуживание и образование, возможности получить нормальную работу.

Администрация Краснодарского края в информации, направленной в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России, констатировала: «Неприятное отношение местного населения к образу жизни цыган, распространению ими наркотиков, сформировало устойчивый негативный стереотип, который при определенных условиях может перерасти в локальный конфликт»¹⁸.

В то же время администрацией края не определяется необходимый комплекс мер по улучшению обстановки, выходу этнической общности из кризисного положения, о мерах воспитательной работы среди населения и совместно с общественным объединением цыган в крае.

Отсюда причина появления столь нелестных оценок роли и места цыган в системе межнациональных отношений в Российской Федерации.

Примером этому является изложение материала в учебнике «Основы безопасности жизнедеятельности» издательства «Астрель» для 10 класса (авторы — М.П.Фролов, Е.Н.Литвинов, А.Т.Смирнов и др.), изданном Департаментом гражданской защиты МЧС России. Авторы утверждают, что в нашем обществе, и, в частности, в Москве, «контакт с бом-

жами, цыганами, в том числе и с их одеждой, руками, предметами, которыми они пользуются, даже с местом на котором они сидели или лежали...» может привести к желудочно-кишечным, простудным заболеваниям, дизентерии, брюшному тифу, сифилису и даже... гриппу. Вывод очевиден. Возникает сразу же проблема присутствия детей цыганских семей в школе и т.д.¹⁹

Вопрос рассматривала Генеральная прокуратура Российской Федерации. В ее заключении констатировалось, что руководством издательства приняты меры к прекращению распространения учебника, а в адрес ФНКА российских цыган, международных организаций, занятых цыганскими вопросами, были направлены письма с извинениями и объяснением причин редакторской ошибки²⁰.

Проблема восприятия проявляется и в уровне использования родных языков. В связи с этим в субъектах особое внимание обращается на сбалансированное применение русского языка как языка межнационального общения и родных языков. К сожалению, по этому вопросу, например, Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите языков национальных меньшинств (1997 г.) в своем докладе за 2001 г. при анализе этой ситуации в Краснодарском крае делает заключение, мягко говоря, не соответствующее истинному положению дел, и особенно применительно к цыганскому меньшинству в крае. Авторы доклада полагают, что все усилия администрации края сосредоточиваются на оказании давления на лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, с целью «заставить их покинуть этот край». И далее замечают, что это относится, в частности, к туркам-месхетинцам, однако, «данные меры отрицательно сказываются и на лицах, принадлежащих к некоторым другим меньшинствам, проживающим в крае, особенно на армянах, курдах и цыганах»²¹.

Здесь же предлагался и рецепт для устранения негатива в этом вопросе, а именно, по мнению авторов доклада, «необ-

ходимо, чтобы инициатива на укрепление роли русского языка в качестве государственного не создавала условий дальнейшего сокращения употребления для языка национальных меньшинств»²².

По нашему мнению, в данном случае не учитываются интересы самих этнических меньшинств, их желание и мнение. Последние же исходят из уровня потребности использования языка на практике, и особенно его востребованности в обычной жизни, в ходе практической деятельности, в том числе и тех же цыган.

Несколько по-иному выстраивает работу с цыганами администрация Пермского края²³. В ней, несомненно, просматривается множество позитивных начинаний, направленных именно на более полное и правдивое восприятие цыганской общности теми, кто проживает с ней совместно. Именно с этой целью устраиваются в масштабе городов края народные гулянья, в ходе которых цыгане наряду с представителями других этнических общностей получают возможность не только участия, но и демонстрации своей певческой культуры, народного творчества. Это проявляется и в ходе проведения массовых праздников (Рождество Христово, Новый год, Пасха и др.). Знание русского языка создает основу для широкого общения цыган с представителями других этнических общностей, общения между молодежью на молодежных дискотеках, устраиваемых органами власти, курирующими сферу культуры в крае. В последние годы стали заметными и смешанные браки как свидетельство интенсивности межэтнического взаимодействия.

Все эти факторы позволяют сделать вывод, что во взаимоотношениях цыганского и местного социумов нет антагонизма. Это нашло подтверждение и в результатах этносоциологического обследования цыган Пермской области (2005 г.). Непосредственные соседи цыган в районах г. Перми и Пермского края (русские, татары, коми-пермяки, удмурты и др.) положительно воспринимают цыганское население²⁴.

Минрегион России периодически проводит непрерывный мониторинг положения цыганского населения (на территории Российской Федерации проживает 168 тыс. по Всероссийской переписи 2002 г.), занимается регулированием взаимоотношений общественных объединений цыган с федеральными органами государственной власти и органами исполнительной власти субъектов Федерации.

Имеет ли место реакция на инсинуации прессы со стороны цыганской общности? Разумеется, она носит обостренный характер, о чем свидетельствуют и отзывы многих общественных объединений цыган. В связи с этим, например, Европейский центр по правам цыган и Ростовская региональная общественная организация ромэн (цыган) «Амала» провели в начале июня 2006 года семинар по проблеме проявлений вражды в СМИ по отношению к лицам цыганской национальности. В мероприятии принимали участие представители цыганской общности, проживавшие в Москве, Ставропольском крае, Ярославской и Воронежской областях.

Таким образом, проблеме восприятия цыганской общности в России должно уделяться постоянное внимание. Как показывает даже краткий анализ состояния этой проблемы, она является составной частью решения важной государственной задачи, связанной с воспитанием культуры межнационального общения, консолидации многонационального сообщества в Российском государстве, от прочности которой во многом будет зависеть решение выдвигаемых самой жизнью задач социального переустройства общества, этнокультурного развития общности и т.д.

В числе приоритетных остается по-прежнему и вопрос о положении в образовании, обучении цыганских детей. На начало 2006 года в ряде субъектов Российской Федерации, где эта проблема решается более или менее успешно, остаются Тульская, Волгоградская, Ростовская, Ленинградская, Псковская и другие области, Краснодарский край. Опыт работы их в этом направлении заслуживает внимания, и распространения. С этим аспектом тесно связана проблема

борьбы с беспризорностью в цыганском сообществе. Менталитет цыганского общества таков, что в их среде не было беспризорности. В последние годы это находит проявление и у цыган.

Восприятие общности во многом зависит и от уровня и наполняемости освещения цыганской проблематики в СМИ. Обсуждалось неоднократно предложение обратить внимание на усиление положительной информации о цыганах, публикацию встреч и бесед с представителями цыганской элиты; говорилось о разрушительной силе СМИ в реализации мер по консолидации российского многонационального общества, о нетактичном, а порой и враждебном освещении вопросов истории цыган и их современного положения.

Для решения этих вопросов в 2004 году было предложено организовать Экспертную группу по делам российских цыган при заместителе Министра регионального развития Российской Федерации и др. Однако этот вопрос потребовал изучения и не нашел логического завершения до сих пор.

Ситуация в российской цыганской общине остается сложной, отличается тяжелым экономическим положением цыганских семей, молодежи, трудностями адаптации к новым условиям рыночных отношений.

В связи с этим остро выступала задача повышения внимания к жизни и нуждам общины российских цыган с учетом существующей напряженности в субъектах Российской Федерации с проживанием групп цыганского населения (Архангельская, Ленинградская, Свердловская, Волгоградская, Калининградская, Самарская и другие области). В числе проблем по-прежнему оставалась борьба с наркоманией, где не исключается участие цыган.

Общее количество представителей цыган составляет в России более 182 тыс. чел. Конечно, надо понимать, что приведенные данные весьма условны. Так, за последние годы в Российскую Федерацию прибыло значительное количество цыган из государств СНГ (страны Средней Азии, Казахстан, Молдавия, Украина и др.). Разумеется, приток ог-

ромного количества цыган не только увеличил их численность в составе населения России, но расширил комплекс трудно решаемых вопросов, в первую очередь социального направления – социальное обеспечение, трудоустройство, получение образования, интеграции в российское общество и адаптации цыган.

Если ранее основной проблемой являлась адаптация цыган к новым общественным и экономическим отношениям, то в первое десятилетие XXI века система рыночных отношений и законодательство позволяют цыганам самостоятельно решать свои проблемы, не обращаясь в органы государственной власти. К сожалению, интересы большинства российских цыган нередко находятся и в криминальной сфере.

В перспективе, наверное, можно будет рассмотреть вопрос о подготовке совместно с ФНКА российских цыган Концепции государственной национальной политики в отношении российских цыган. Безусловно, проведение этих мероприятий содействовало бы определению четких направлений в отношении сотрудничества между ФНКА российских цыган и федеральными органами государственной власти.

На практике осуществляется взаимодействие с Федеральной национально-культурной автономией российских цыган, региональными и местными национально-культурными автономиями цыган в решении вопросов обустройства, адаптации и интеграции цыган на территории Российского государства. Важную роль сыграли состоявшиеся выезды специалистов Департамента межнациональных отношений Минрегиона России в субъекты Российской Федерации (Тула, Тверь, Краснодарский край, Самарская область, Новгородская область и др.).

Дополнением к этому являются и встречи, проводимые в Минрегионе России, с представителями лидеров цыганского движения. В декабре 2007 года состоялась встреча статс-секретаря – заместителя Министра регионального развития Российской Федерации В.В.Шипова с руководством совета Федеральной национально-культурной автономии россий-

ских цыган. В ходе встречи были обсуждены направления дальнейшей работы ФНКА российских цыган, а также формы взаимодействия организации с федеральными органами государственной власти.

28 декабря 2007 года Минрегионом России было направлено письмо в адрес ФНКА российских цыган с просьбой «подготовить перечень первоочередных мер по вопросам развития цыган, а также предложения с целью выработки механизмов их реализации в дальнейшем». Значительная часть вопросов общероссийского характера обсуждается также в рамках Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Минрегионе России.

В рамках обозначенного временного периода осуществлялось взаимодействие Минрегиона России, других заинтересованных министерств и ведомств с Федеральной национально-культурной автономией российских цыган, региональными и местными национально-культурными автономиями цыган в решении вопросов обустройства, адаптации и интеграции цыган на территории российского государства. Таким образом, как с ФНКА российских цыган, так и с отдельными местными общественными цыганскими организациями как институтами гражданского общества поддерживается тесный контакт.

В 2007–2008 гг. возникли и новые организационные вопросы, связанные с правом аренды и собственности непосредственно ФНКА российских цыган. Вопрос с офисом расположения штаба автономии отнимает много сил и энергии для его решения, согласования и т.д.

Одним словом, ФНКА российских цыган длительное время ведет дискуссию о праве нахождения автономии в арендуемом помещении (Дом культуры им. 40-летия Октября, Рязанский р-н г. Москвы), в котором проводятся фактически все ее массовые мероприятия (международные конференции по проблемам цыган, фестивали, Дни цыганской культуры, образовательные и воспитательные мероприятия,

приобщение через всевозможные кружки молодежи к конкретным формам культуры и искусства и др.).

Здание, в котором находится ФНКА российских цыган начиная с 2003 г., передавалось на баланс ГУП Производственное объединение «Машиностроительный завод “Молния”». ФНКА российских цыган постоянно обращается в государственные органы власти с просьбами о предоставлении ей права аренды помещения на льготных условиях с дальнейшим правом выкупа в собственность названного здания.

В связи с угрозой аннулирования аренды председатель ФНКА Г.С.Деметер и лауреат Государственной премии, народный артист СССР, член Совета ФНКА российских цыган Н.А.Сличенко обращались еще в конце октября 2003 года к Президенту Российской Федерации В.В.Путину с просьбой содействия в устранении этих трудностей.

Решение вопроса протекает с переменным успехом. В очередной раз председатель ФНКА российских цыган А.Н.Бариев обращался в начале июня 2007 года в адрес и.о. Генерального директора Федерального государственного унитарного предприятия «Федеральный компьютерный центр фондовых и товарных информационных технологий (ФТ – Центр)», в ведении которого в настоящее время находится арендуемое помещение. Обращение преследовало цель продления долгосрочной аренды и выкупа для проведения реконструкции социально-значимого для Москвы и ее Юго-Восточного административного округа спортивно-оздоровительного комплекса «Комета» и Дома культуры им. 40-летия Октября.

Одновременно ФНКА российских цыган обратилась и в Минрегион России с просьбой об оказании помощи в решении этой непростой задачи и получило поддержку. Министр В.А.Яковлев выразил свое отношение к возникшей проблеме в письме на имя Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.С.Собянина, отметив, что «осуществление этой меры будет иметь важное политическое зна-

чение как внутри Российской Федерации, так и на международном уровне. Работа комплекса будет подчинена решению одной из приоритетных задач, связанной с воспитанием культуры межнационального общения в Российском государстве».

Более того, министр оценивал значение функционирующего Центра как методического, который может сыграть важную роль для организации подобных учреждений в субъектах Российской Федерации, проведения международных мероприятий, связанных с цыганской проблематикой. Позитивное решение этой проблемы, по мнению Министра, «будет способствовать поднятию авторитета государства в международных организациях, призванных решать вопросы национальных меньшинств, включая Комиссию Совета Европы по вопросам цыган и кочевников». Министр также полагал, что это «снимет и потенциальную угрозу критики в адрес России со стороны международных организаций, усилит в международном плане наши позиции»²⁵.

Продолжалось взаимодействие между министерствами, ведомствами и местными администрациями в преодолении негативных явлений в цыганской среде. В первую очередь это борьба с распространением наркотиков. Так, например, в 2005 году сотрудники Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Тульской области задержали за сбыт наркотиков в размере одного килограмма двух жителей (цыган) пос. Плеханово. За период с 2003 по 2005 год 80% уголовных дел по сбыту мелких партий наркотиков было возбуждено против цыган; в 2006 году из 175 задержанных наркосбытчиков было 25 цыган.

Сложившейся ситуацией в Тульской области, как и в других регионах России, озабочена и ФНКА российских цыган. В 2006–2007 гг. состоялись совместные поездки представителей ФНКА со специалистами Департамента межнациональных отношений Минрегион России (А.Н.Калабанов), Управления межведомственного взаимодействия в

сфере профилактики 3-го Департамента Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. С этой целью совершалась и поездка в ноябре 2006 года в Тульскую область. Председатель ФНКА российских цыган, обращаясь к цыганам муниципального образования «Ленинский район» Тульской области, просил довести до сведения всех цыганских общин в области позицию руководства ФНКА цыган: «Мы не дадим ни помощи, ни пощады тем, — заявлял он, — кто будет заниматься наркоторговлей. Будем поддерживать тех цыган, кто будет законопослушным»²⁶.

В связи с этим обсуждался в администрации Тульской области и вопрос об учреждении специальной структуры в области, которая занималась бы исключительно проблемами межнациональных отношений, в том числе и работой с цыганским населением. Это мог бы быть отдел по взаимодействию с национальными общественными объединениями или рабочая группа, комиссия по цыганам, в состав которой вошли бы все заинтересованные стороны. Реализация этой меры очевидна, так как с 1989 по 2002 год на территории области почти в пять раз возросло количество представителей армян, вдвое стало больше азербайджанцев и грузин, также увеличилась численность лезгин, чеченцев, таджиков и цыган²⁷.

По-прежнему остается в числе слабо разрешенных проблема занятости представителей цыган в государственных органах власти.

14 марта 2007 года состоялся семинар-совещание по теме «Компактное поселение цыган под Тверью и проблемы межнациональных отношений». В работе совещания приняли участие представители администрации Тверской области (Ю.А.Охлобыстин — от Комитета внутренней политики Тверской области), ФНКА российских цыган (Н.Г.Демерет, В.Кутаев), Департамента межнациональных отношений Минрегиона России (Н.Ф.Бугай), представители общественных объединений цыган (руководитель цыганской общины г. Тверь О.Н.Петрович²⁸), отделения Петровской академии наук и искусств, ученые.

Участники совещания рассмотрели основные направления реализации инвестиционного проекта, включавшего создание туристического национально-этнографического культурно-образовательного комплекса на базе романского поселения цыган (котляров), развития выездного туризма, демонстрации достижений самобытной цыганской культуры, образования и социальной адаптации многодетных семей, формирование установок миротворчества и национальной терпимости.

Наряду с этим состоялось посещение цыганского поселка Савватеево в Каблуковском муниципальном образовании Калининского района, отличающегося своей архитектурой – домами, похожими на шатры, яркой традиционной одеждой цыган. Обустройство быта в поселке находится на низком уровне, отсутствует водопровод, что создает большие неудобства в поддержании санитарного порядка его на территории. Отсутствует также медицинский пункт. Ближайшая поликлиника расположена на расстоянии 20 км. Участники семинара посетили не только цыганский табор, но начальную школу, где познакомились с процессом обучения детей из цыганских семей.

Как жизнь цыганской общины, так и поселок требуют перемен – и в первую очередь связанных с улучшением положения цыган, их быта, налаживания коммунальных служб, обустройства амбулаторного пункта медицинской помощи, создания нескольких местных общественных объединений цыган.

Общепризнано, что решение проблем образования и культуры – самое эффективное средство воспроизводства любой этнической общности. Анализ состояния образования цыганских детей выявил такой фактор, когда все еще сохраняется восприятие цыганами школьного обучения детей как одного из элементов насилия.

В условиях жизни цыганских общин, где не было реальной возможности установить связь между школьным образо-

ванием и экономическими достижениями, получение этого образования не обладало достаточным престижем. Доступ к школьному образованию имеет фундаментальное значение для будущего цыганского населения, это означает создание условий для социальной мобильности и успешной интеграции в современное российское общество.

Не случайно задача образования детей является основной в деятельности цыганских общественных объединений. По их инициативе классы для цыганских детей уже созданы и действуют в Москве, Санкт-Петербурге (школа № 466), Волгоградской области (школа № 97) и других субъектах Российской Федерации. На 2007 год школьным обучением на территории России охвачено, по приблизительным данным, более 5 000 детей из цыганских семей. Однако многих из них свое образование заканчивают на уровне четырех классов.

Нерешенность во многом проблем образования цыганских детей, обучения родному языку, русскому языку, грамотности чрезвычайно актуальна, о чем свидетельствует и состоявшаяся в начале февраля 2008 года пресс-конференция, устроенная АДЦ «Мемориал» и посвященная правам цыганских детей. Была отмечена незащищенность цыганских детей, имеющие место нарушения Закона Российской Федерации «Об образовании», особенно в отношении цыганских детей, приема их на обучение в школу независимо от наличия регистрации и т.д. В связи с этим руководитель программ АДЦ Стефания Кулаева замечала: «С другой стороны, мы сторонники воплощения в жизнь принципов Европейской рамочной конвенции по правам национальных меньшинств, которая рекомендует детям хотя бы частично начальное образование получать на родном языке. Это очень сложно, огромная нехватка специалистов по родным языкам»²⁹.

Конечно, это не исключает необходимости изучения и русского языка как языка межнационального общения этнических общностей России, в том числе и цыганской. К этому призывала на состоявшемся в начале марта 2007 года

Объединенная комиссия по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федерации Российской Федерации, на заседании которой говорилось «о создании условий для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения для укрепления государственности и национальной безопасности, а также повышения престижа Российского государства»³⁰.

Конечно, основная работа, связанная с этнокультурным развитием цыганской общности, разворачивалась в субъектах Российской Федерации и в первую очередь в местах компактного проживания российских цыган.

В решении многих вопросов применительно к цыганам России Минрегион России занимается во взаимодействии с МИД России, Минкультуры России.

МИД России неоднократно ставил перед Минрегион России вопрос о создании Экспертной группы по делам цыган. Точка зрения по этому вопросу им была изложена в письме еще от 21 февраля 2005 года заместителя министра иностранных дел Ю.В.Федотова на имя министра регионального развития Российской Федерации В.А.Яковлева. При этом он напомнил о существовавшей экспертной группе по делам цыган (при Министре Российской Федерации В.Ю.Зорине) и просил также «определить круг должностных лиц министерства, в ведение которых будет входить проблематика положения цыган»³¹.

Ю.В.Федотов объяснял это тем, что «в перспективе Российская Федерация может оказаться связанной юридическими обязательствами по обеспечению прав цыган», а также необходимостью «новых механизмов по мониторингу положения цыган в государствах — членах организаций»³².

По мнению заместителя министра иностранных дел России А.В.Яковенко, «нерешенность вопроса об ее (экспертной группы по делам цыган. — *Н.Б.*) утверждении является

серьезным раздражителем в отношениях с Советом Европы на гуманитарном направлении»³³.

В середине декабря 2007 года А.В.Яковенко снова обращается к статс-секретарю, заместителю министра регионального развития Российской Федерации В.В.Шипову с письмом, в котором замечал: «Данная проблематика (цыганская. — *Н.Б.*) уже с середины 1990-х годов фактически выделена из общего контекста прав национальных меньшинств в самостоятельную гуманитарную тему, которая продолжает по нарастающей “раскручиваться” прежде всего Советом Европы и ОБСЕ»³⁴.

И в этом же послании А.В.Яковенко призывал использовать накопленный опыт создания экспертной группы по делам цыган министром Российской Федерации В.Ю.Зориным. В связи с этим прозвучала просьба «поручить рассмотреть возможность учреждения в той или иной форме межведомственной группы по делам российских цыган, которая являлась бы специализированным координационным органом, занимающегося исключительно цыганской проблематикой»³⁵.

К сожалению, идеи оставались не реализованными, консенсус не был достигнут. От этого, естественно, страдает отлаженная работа по вопросам регулирования национальными процессами, обустройство цыганской общности в России.

В Минрегион России прорабатывалась новая форма взаимоотношений с общественными объединениями, которая включала бы непосредственный контакт не только с национально-культурными автономиями (Консультативный комитет по делам национальностей Российской Федерации), но и с другими категориями общественных объединений (национальные общественные организации, центры национальных культур, землячества и ассоциации).

Приказом Министра регионального развития Российской Федерации В.А.Яковлева от 14 августа 2006 года в структуре Межведомственной комиссии по взаимодействию с общест-

венными объединениями при Минрегионе России была образована рабочая группа по делам цыган Российской Федерации под председательством директора Департамента межнациональных отношений А.В.Журавского³⁶.

МИД России откликнулся на идею о новой форме реализации проблем национальных меньшинств в рамках Минрегион России и изложил ряд конструктивных предложений, которые включали проведение конференций по вопросам развития межэтнического диалога, в том числе и в рамках Москвы; встречи руководства МВД России с руководителями национальных этнических общностей, естественно, включая и цыганскую; проведение семинара по проблеме совершенствования российского законодательства, регулирующего межнациональные отношения; семинара для руководителей актива общественных объединений по вопросам обеспечения прав национальных меньшинств в свете подписанных и ратифицированных Россией международных правовых документов; изучение опыта взаимодействия национальных меньшинств и их институтов гражданского общества с государствами происхождения, подготовка рекомендаций по совершенствованию этой формы сотрудничества и др.³⁷

Данные положения в своей основной направленности соответствовали рекомендациям заседания комитета экспертов Совета Европы по вопросам цыган, проходившего в Страсбурге 8–9 ноября 2007 года, где также анализировались вопросы об улучшении ситуации в сфере трудоустройства цыган; о передвижении и таборных стоянках; о доступе к системе здравоохранения и др. В итоговом документе констатировалось: «особых успехов, способных кардинальным образом изменить ситуацию в реализации прав цыган и особенно кочевников в выше обозначенных сферах, в странах Евросоюза не отмечается. Тем не менее, соответствующая работа ведется...»³⁸.

Выводы, вытекающие из итогов заседания, были изложены заместителем ДГПЧ МИД России С.Н.Толкалиным, ко-

торый предложил усилить внимание к цыганской проблематике, и особенно деятельности ФНКА российских цыган в рамках функционирующей при Менрегионе России Межведомственной комиссии по взаимодействию с национальными общественными объединениями. Прозвучал также его призыв о необходимости проведения широкой разъяснительной работы на местах в плане оформления всем цыганам соответствующих персональных документов (свидетельства о рождении, паспорта, полисы медицинского страхования и др.), без наличия которых, по мнению С.Н.Толкалина, «трудно говорить об интеграции цыган в российский социум»³⁹.

2–4 апреля 2008 года Комитет экспертов Совета Европы по вопросам цыган и кочевников собрался в Страсбурге на свое 25-е заседание. Его председателем был избран сотрудник Национального совета Румынии по борьбе с дискриминацией Д.Гергели, сменивший на этом посту представителя из Англии Й.Нейсмита. Были решены и другие организационные вопросы.

Особое значение отводилось анализу интеграции цыган, осуществляемой как за счет бюджетных средств, так и грантов, предоставлявшихся различными фондами Евросоюза. Особого внимания заслуживает информация о действующих в Польше и Италии так называемых социальных кооперативах для цыган, где цыгане получают возможность не только получать образование, но и открывать собственные производства некоторых видов товаров.

Анализировались и такие наболевшие вопросы, как работа с цыганами-иммигрантами из Румынии на территории Италии и Испании, их депортация (около 5 тыс. человек), положение цыган в Сербии и Косово. Очевиден вывод и для Российской Федерации – предложение и реализации конкретных шагов в различных сферах государственной национальной политики и общественной жизни применительно к цыганам⁴⁰.

Спустя неделю вопросы были рассмотрены на Европейской конференции «Воспитание и образование цыганских детей – взгляд в будущее» (8–9 апреля 2008 года, Братислава), в которой приняли участие представители 45 государств, а также специалисты дипломатического корпуса Словакии. Конференции уделялось большое внимание и членами правительства Словакии, что, естественно, свидетельствует о важности проблемы, которая имеет государственный уровень, отличается стремлением к продвижению в решении этой сложной проблемы применительно к цыганам. «В европейских государствах по-прежнему остаются многочисленными “цыганские гетто”, подавляющее большинство цыган являются безработными, а большинство их детей насильно определяют в школы для умственно отсталых», – читаем в Информации третьего секретаря Посольства России в Словацкой Республике Н.Мареевой «О Европейской конференции по проблематике образования цыганских детей» (14 апреля 2008 года).

В ходе конференции уклон был сделан в сторону детализации разных сторон, связанных с созданием социально-образовательной среды для цыганских детей и молодежи, повышению роли министерств, местного самоуправления, школ, преподавателей, семьи в этих процессах. В связи с этим прозвучала и рекомендация по подготовке на государственном уровне среднесрочных и долгосрочных концепций в образовании цыганских детей.

Можно ли сделать вывод о результативности названной конференции? Судить об этом пока сложно. Дело в том, что преобладает в основном констатирующая часть, однако отсутствуют конкретные предложения «о формах радикального изменения самой ситуации». Поэтому, по нашему мнению, остается актуальной дискуссия о механизме сотрудничества правительств и государств компактного проживания цыган, налаживание действенной системы образования, отход в решении многих проблем от вербального состояния к практическим шагам.

Конференция призвала не только обобщать накопленный опыт, но и широко применять его.

10–11 июня 2008 года в Вене проходило очередное совещание ОБСЕ. Оно рассмотрело вопрос «Последовательная политика в отношении интеграции рома и синти (цыган)». К этому совещанию Минрегион России совместно с ФНКА российских цыган был подготовлен пакет документов по рассматриваемой проблематике. Вопросы касались не только образования, но жилищной ситуации, осуществления социальной политики в отношениях цыганской этнической общности (доступ к медицинскому обслуживанию, трудоустройство, участие в общественной и политической жизни и др.).

23–25 октября 2008 года в Хорватии в г. Загреб прошел VII Международный съезд цыган. В его работе принимали участие от имени Российской Федерации член Комитета международных отношений Международного Союза цыган государств Балтии и стран СНГ «Амаро Дром» П.М.Лиманский, от совета ФНКА российских цыган А.Н.Бариев, Н.Г.Де-метр, И.Бариев, В.Смаилов и др.

«Руководство Международного союза цыган, – сообщает П.Лиманский, – выдвинуло предложение об учреждении национального международного паспорта и механизм получения такого документа через организации рома Международного союза цыган». П.Лиманский отмечает упрощение порядка получения паспорта, в корне отличающегося от порядка, установленного странам Балтии и СНГ, где требуется обязательное наличие документа, удостоверяющего личность гражданина, со множеством пунктов, например, наличия жилья, родителей, гражданства, регистрации, прописки, наличие свидетельства о рождении, уплатой определенных денежных средств, владением языком страны пребывания, национальности и т.д. В связи с тем, что многие рома ведут кочевой или полукочевой образ жизни, они не в состоянии получить документ, удостоверяющий личность, как на себя, так и на своих детей. По мнению П.Лиманского, «это приводит к систематическому нарушению прав человека, не по-

зволяет многим цыганам воспользоваться своими социальными и экономическими правами».

Вот лишь один пример. Многодетная цыганская семья много лет проживает в собственном доме, но поскольку Управление Федеральной Миграционной службы Российской Федерации г. Ростова-на-Дону отказывается выдавать членам этой семьи паспорта и регистрировать их по месту проживания, ссылаясь на то, что их домовладение уже более ста лет числится самовольно возведенным, ЗАГС Пролетарского района г. Ростова-на-Дону отказывается выдавать свидетельства о рождении детей, регистрировать браки, ссылаясь на отсутствие регистрации и паспортов. Решение проблемы зашло в тупик. Обращения в различные инстанции не дали положительных результатов.

Учитывая такую ситуацию, которая имеет место во многих субъектах Российской Федерации, выдвинутое предложение и его реализация на практике могла бы решить многие проблемы идентификации цыган. И это можно сделать путем формирования в одной из европейских государств Комитета при Международном союзе цыган, который будет заниматься паспортизацией ромского населения во всем мире. Комитет мог бы разрабатывать и согласовывать со всеми заинтересованными странами и лицами бланк национального паспорта и необходимую для этого документацию.

Затем желающие получить паспорт через свои ромские организации, или лично, обращаются с заявлением, приложив свою автобиографию, три фото установленного образца, поручительство от двух цыган, в котором даются сведения о лице, его родителях, месте проживания. Все документы направляются в Комитет.

Общим вопросом остается признание паспорта другими странами – участниками ООН и особенно теми, где отмечено компактное проживание цыганской общности. По мнению П.Лиманского, в случае успешной реализации данного проекта это принесет ромской нации массу преимуществ и

поможет решить много проблем. По нашему мнению, предложение заслуживает внимания. Это позволяет цыганской общности больше возможностей воспользоваться благами цивилизации многих государств, где цыгане смогут применить свои способности.

11 декабря 2008 года в Общественной палате Российской Федерации состоялись слушания по теме «Национальные культуры народов России: проблемы и перспективы». В ходе их выступили с основными аналитическими докладами о ситуации с развитием национальных культур член Общественной палаты, президент Международного общественно-экономического Совета Л.В.Блохина и директор Института истории, языка и литературы Уфимского центра РАН профессор Ф.Г.Хисаметдинова.

Были подняты дискуссионные вопросы, связанные с нарушением основополагающих положений о праве на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Противоречивость в этом направлении, по мнению выступавших участников слушаний, создает принятый Закон Российской Федерации «Об образовании» от 12 сентября 2007 года. Именно этим законом провозглашены поправки, предусматривающие введение в системе российского образования федерального государственного стандарта вместо трехкомпонентного стандарта (федерального, регионального и компонента образовательного учреждения).

По мнению Ф.Г.Хисаметдиновой, «внесение такой поправки в закон Российской Федерации “Об образовании” противоречит Конституции России, закону “О языках народов Российской Федерации”, а также другим законам, направленным на сохранение и развитие культур, языков и самих этносов, в частности федеральному закону Российской Федерации “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”»⁴¹.

В то же время можно констатировать, что если это и представляет какую-то угрозу, например, для башкир, татар,

которые проживают вне своих государственных образований, то применительно к тем же цыганам угрозы как таковой не существует с учетом уровня знаний языка родителями, состояния цыганских СМИ и т.д. Как правильно заметила Л.В.Блохина: «Культурная самобытность России особенно ярко проявляется в таком сложном и противоречивом феномене, как определенные несоответствия между ее культурной реальностью и еще недостаточной цивилизованностью — экономической, политической, хозяйственно-производственной, да и просто бытовой. И если в этом она еще отстает от развитых стран Запада, то в культурном отношении во многом их превосходит»⁴².

В ходе выступления рассматривались и проблемы этнокультурного развития общности цыган Тверской области (Н.М.Арчакова и В.В.Ткаченко). Выступавшие призвали участников слушаний обратить внимание на состояние проблемы развития образования и в первую очередь изучение цыганского языка в школах субъектов Российской Федерации. Иллюстративным материалом являлась работа в этом направлении на примере цыган Тверской области.

Вывод однозначный. Цыганской общности необходима помощь со стороны органов государственной власти в организации обучения русскому и родному языкам, ведения массовой просветительской работы среди общности. Такую потребность испытывает не только молодежь, но и взрослое цыганское население. В этом ряду и определение ниши трудовой занятости цыган в народно-хозяйственном секторе государства, вовлечение цыган не только в хозяйственную жизнь, но и в общественно-политическую. Эти задачи выступают особенно остро в условиях развития современной России. В связи с этим выработывались и рекомендации органам государственной власти.

- ¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».
- ² См.: *Деметер Н.* Цыгане России // *Цыгане России.* 2007. № 1 (1). С. 16. В историческом очерке д-р ист. наук Н.Деметер рассматривает основные этапы расселения и продвижения цыган из Азии на Запад, а затем и в Россию, о жизни цыган в Советском Союзе и России, раскрывает частично обычаи и традиции цыган, их многогранную культуру. С учетом тех трудностей, которые переживает в современном мире цыганская общность, автор ставит вопрос: «Сумеет ли выжить этот народ в условиях постиндустриального общества и всеобщей глобализации или растворится среди других этносов?..».
- ³ Понятием «цыгане» обозначается национальное меньшинство в Российской Федерации. Большинство из этих людей – этнические рома, и общаются они на ромском языке. Существуют «руска рома» и другие ромские группы, разбросанные по всей территории России («кэлдерары» или «котляры», «ловари», «крымы», плащуны и др.). Есть также небольшие по численности группы «синти», которые переселились на Восток через Польшу из Германии в начале XX века, армяноязычные цыгане – «боша» (или «лом»), «карачи» из Кавказа, среднеазиатские цыгане – «люли» или «мугат», пришедшие из Таджикистана и других регионов Средней Азии и нередко встречающиеся в различных регионах России. Они составляют значительную часть сезонных мигрантов.
- ⁴ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // *Реабилитация народов России: сб. док. М., 2000.* С. 15.
- ⁵ См., например: *Бессонов Н.* // <http://zigane.pp/ru/retzenzii-08.htm>. – Рец. на кн.: *Деметр Н.Г.* Миф и реальность. М., 1995; *Цыгане: сб. ст. М., 1999;* *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.К.* История цыган: новый взгляд. Воронеж, 2000; *Деметер Н.Г.* Кочующая ненависть // Лига наций. 2000. 28 апреля; *Ее же.* Пресса и этническая терпимость // Национальные институты прессы. М., 2000; *Деметер Н.Г., Кутенков В.К.* Судьба цыган в период нацистского террора // http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artn15-16/n1504_25.htm; *Бугай Н.Ф., Мукабенова А.Б.* Цыганская община России: проблемы этнического развития // *Этнопанорама.* 2001. № 3; *Зейналиева Э.С.* Цыгане Крыма: кочевье длиною в сотни лет: этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы. Симферополь, 2002; *Бугай Н.Ф.* Это не проблемы разноцветных кибиток // *Шунен Ромалэ.* 2002. № 3; *Кутенков В.* Москва цыганская //

- Там же; *Бариев И.Н.* Коснулся ли Холокост цыган России? // Там же; *Суховеров В.* Цыганский мир. Волгоград, 2003; Основы безопасности жизнедеятельности. 10 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2004; *Бугай Н.Ф.* Цыгане России: начало XXI века // Этнопанорама. 2003. № 3–4; *Его же.* Проблемы российских цыган // Этносфера. М., 2004. № 4 (67); *Бариев А.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы. М., 2005; *Его же.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы. М., 2006; *Его же.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган. М., 2007; *Катаниди Т.Н.* Образ цыганского этноса и кубанских печатных изданий // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность), 1906–2006 гг.: материалы краевой науч.-практ. конф. Краснодар, 2006.
- 6 *Бугай Н.Ф.* Проблемы адаптации и интеграции этнических меньшинств России в 1990-е годы – начале XXI века (на примере российских цыган) // История и историки, 2007: историогр. сб. М., 2008. В статье использовались информационные материалы, поступавшие в Департамент регионального развития Аппарата Правительства Российской Федерации и в Департамент межнациональных отношений Минрегион России в 2002–2006 гг.
- 7 Из письма Министра Российской Федерации В.Ю.Зорина на имя Руководителя Администрации Президента Российской Федерации Д.А.Медведева от 6 января 2004 года. Копия.
- 8 Обращение Совета ФНКА российских цыган на имя Президента Российской Федерации В.В.Путина от 10 мая 2006 года // Текущий архив ФНКА российских цыган, Департамент межнациональных отношений Минрегиона России. Копия.
- 9 Правозащитники требуют прекратить дискриминацию цыганских детей // Кавказский узел / Новости. 2008. 9 апреля.
- 10 Европейский центр по правам цыган провел многочисленные исследования в более чем пятнадцати государствах Европы и подготовил многочисленные публикации от книг до писем и публичных заявлений. С 2000 г. Центр ведет мониторинг ситуации с правами цыган и в Российской Федерации, в том числе с помощью местных партнерских организаций. Однако надо заметить, что эти доклады не отличаются высоким качеством исполнения, хронически страдают не только незнанием событий, но и даже географии – мест проживания цыган на территории России, отсутствием учета местной специфики, знания исторически сложившихся традиций в отношении цыганского населения и т.д.

- 11 *Яценко В.В.* В Волгоградской области проводится профилактическая операция «Табор» // <http://kavkaz.ru/newstext/news/id/1174553/html>
- 12 *Марушев П.М.* От антицыганских законов – к геноциду нации // Цыгане России. 2007. № 1 (1). С. 63–79; *Его же.* Холокост цыган. Передайте об этом детям нашим // Там же. № 2 (2). С. 40–41. См. также: *Марушианова Е., Попов В.* Холокост и цыгане. Конструирование новой национальной мифологии // http://www.-holocaust.kiev.ua/news/Marushianova_Popov.pdf
- 13 Тэ авэн бахталэ ромалэ! / ФНКА российских цыган. М., 2003. С. 6.
- 14 Информация заместителя губернатора области по гуманитарной и социальной политике «О цыганском населении Курганской области» А.Г.Мазеина на имя министра Российской Федерации В.Ю.Зорина от 7 октября 2003 года // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегион России. Копия.
- 15 Использована стенограмма передачи «Ситуация с правами цыган в России» радиостанции «Эхо Москвы» от 12 мая 2005 г.
- 16 *Деметер Н.Г.* Цыгане и пресса // <http://www.philology.ru/liloro/romanes/demeter.htm>
- 17 Метрополитен Петербурга должен извиниться перед цыганами. <http://www.rosbalt.ru/2009/01/22/611997.html>
- 18 Информация о реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Краснодарском крае. Раздел «Цыгане». 2003 г.
- 19 Вопрос ставился на обсуждение в государственных органах власти как ФНКА российских цыган, так и местными региональными НКА российских цыган. Так, в марте 2005 г. в обращении к губернатору Ростовской области В.Ф.Чубу он был поставлен председателем правления РРОО Роман (цыган) «Амала» П.М.Лиманским.
- 20 Письмо заместителя Генерального прокурора Российской Федерации С.И.Фридинского на имя заместителя министра Российской Федерации М.Н.Пономарева от 24 июня 2005 г. // Текущий архив Минрегион России.
- 21 Доклад Консультативного комитета Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств за 2001 год. Копия. Выписки. С. 16, 34, 45, 46, 57, 80.
- 22 Там же. С. 80.
- 23 Информация заместителя губернатора Пермского края, председателя Департамента политики Н.А.Яшина «О современном положении российских цыган, корейцев и курдов на территории Пермского края» на имя директора Департамента межнациональных отношений Минрегион России Ю.В.Балахнина от

- 29 марта 2006 г. № 01-06-859 // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегион России. Копия.
- 24 Там же.
- 25 Письмо Министра регионального развития Российской Федерации В.А.Яковлева в адрес Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.С.Собянина, июнь 2007 г. // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегион России. Копия.
- 26 Отчет о служебной командировке заместителя начальника отдела Департамента межнациональных отношений Минрегиона России А.Н.Калабанова от 23 ноября 2006 г. // Там же.
- 27 Там же.
- 28 О.Н.Петрович – автор известной книги о цыганах «Барон табора Саппорони» (Тверь, 2006) и других публикаций. В общественном объединении цыган Твери числятся 300 граждан цыганской национальности (котляры).
- 29 Правозащитники требуют прекратить дискриминацию цыганских детей // Кавказский узел / Новости. 2008. 9 апреля.
- 30 Межнациональный мир и согласие: опыт Кубани // Парламентское обозрение. 2007. Февраль, № 4 (41).
- 31 Письмо зам. министра иностранных дел Ю.Федотова на имя министра регионального развития Российской Федерации В.А.Яковлева от 21 февраля 2005 года № 1299/дгпч // Текущий архив Минрегион России. Копия.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Обращение заместителя Министра иностранных дел России В.Яковенко на имя заместителя Министра регионального развития Российской Федерации В.В.Шипова от 21 декабря 2007 г. № 11536 /дгпч.
- 35 Там же.
- 36 В состав Рабочей группы вошли: Бариев А.Н., Деметер Н.Г., Деметер Г.С., Сличенко Н.А. (ФНКА российских цыган), Смаилов В.Г. (Краснодарская цыганская НКА), Лиманский П.М. (Ростовская региональная общественная организация Ромэн (цыган) «Амала»), Фурманова Г.Г (Роскультуры России), Лазгиева Л.С. (Минобрнауки России), Андреев Л.А. (ФМС России), Плясунова М.Ю. (Администрация Свердловской обл.), Боков В.Х. (Правительство Москвы), Бородин О.И. (Администрация Волгоградской обл.), Денисенко М.А. (Минюст России), Толкалин С.Н. (МИД России), Попов А.Н. (Администрация Самарской обл.), Ким М.И. (Минрегион России) (Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегион России. Копия).
- 37 Письмо директора Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России О.Мальгинова на имя

директора Департамента межнациональных отношений Минрегион России А.В.Журавского от 20 сентября 2006 г. № 7322/ дгпч. Копия.

- 38 Информация заместителя директора Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека (ДГПЧ) МИД России С.Н.Толкалина «К итогам заседания Комитета экспертов Совета Европы по вопросам цыган. Страсбург. 8–9 ноября 2007 года». Копия.
- 39 Там же.
- 40 См.: Информация директора Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России О.Мальгинова на имя директора Департамента межнациональных отношений Минрегион России А.В.Журавского от 5 мая 2008 г. № 3932/ дгпч // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегион России. Копия.
- 41 Доклад: *Хисаметдинова Ф.Г.* Материальное и культурное наследие народов России – важнейший ресурс культурного и социально-экономического развития страны. Копия. С. 3.
- 42 См. доклад: *Блохина Л.В.* Национальные культуры народов России: проблемы и перспективы. Копия. С. 4.

ДОКУМЕНТЫ

ДОПОЛНЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ГРАМОТ XVI ВЕКА, КАСАЮЩИХСЯ ИСТОРИИ НЕНЕЦКОГО ЭТНОСА

В 1992 г. вышло в свет издание «Под стягом России: сборник архивных документов», посвященное истории формирования Российского многонационального государства и хронологически отражающее этапы этого процесса по этническим регионам. Сборник открывался двумя грамотами XVI века, относящихся к истории ненецкого этноса¹.

В первой из них — жалованной грамоте великого князя Василия III Ивановича, датированной 1525 г.², речь шла о принятии в российское подданство ненцев, живущих в низовьях реки Оби, а во второй — грамоте царя Федора Ивановича от 1597 г. земским посадским людям Пустозерска — о защите тех же ненцев от «насилъств» со стороны сборщиков дани, промышленных людей Перми и Пустозерска и «самояди» других родов³. Эта царская грамота была реакцией в ответ на челобитье приобских ненцев об их обидах и «налогах».

Дело в том, что после вхождения ненцев, ведущих кочевой образ жизни, в состав Российского государства некоторые их роды стали испытывать «насилъства» и посягательства со стороны русских людей — сборщиков ясака и промысловиков, охотившихся на пушных зверей, диких оленей и дичь в местах ненецких кочеваний. Поэтому приполярные кочевники искали защиты у русского правителя, поскольку он им гарантировал, как это сказано в грамоте Василия III, «вас жаловати и за вас стояти и от сторон беречь».

Эти интересные источники сохранились в списках 1682 г. и до упомянутого издания нигде не публиковались и не были известны исследователям.

Опубликованные документы раскрывают непростые отношения ненецких родов, кочующих через Уральский хребет от низовьев Оби до реки Мезени и в обратном направлении, с их соседями, в частности, с хантами и манси (остяками и вогулами), с другими ненецкими родами и, как уже мы отметили, с русскими «промышленными людьми», податную политику правительства по отношению к кочевникам северных окраин и организацию связи ненецких родов с московским правительством.

Конечно, нет нужды говорить о научной ценности этих грамот, которые уже взяты историками в свой исследовательский арсенал⁴, однако, в публикации грамот, выполненной в основном добротнo, допущено несколько ошибок, влияющих на восприятие исторической реальности.

В первой грамоте Василия III от 1525 г. в тексте источника написано «князю карачеев Седу», а в публикации — напечатано «князю Карачею Седу» (с. 6). Здесь публикаторы не учли, что «карачеи» — это один из ненецких родов, кочующих через Уральский хребет.

В примечании 1 к тексту грамоты сказано, что Югра — это название земель между рекой Печорой и Северным Уралом, но общеизвестно, что по русским источникам XII—XVII вв. в Югру входили и территории по восточному склону Северного Урала, т.е. часть Западной Сибири.

В примечании 2 к тексту грамоты сказано, что «самоедь югорская» — название племен хантов и отчасти манси, населявших территорию Югры, однако эти племена назывались «угорскими» и они относились к угро-финнам, в то время как под «самоедью югорской» подразумевались ненцы — самодийцы, кочующие через Урал (они же «горная самоедь», в основном это ненецкий род карачей). Эти две группы принадлежали, впрочем, к одной уральской языковой семье.

Во второй грамоте царя Федора Ивановича от 1597 г. в тексте источника написано «Яптыкай Налбой да Вонга...», а издатели прочитали «Аптыкай Налбода Вонга...» (с. 7 публикации).

Далее, на с. 8 публикации вместо множественного лица глаголов «поклепали» и «убили» следует читать как в источнике — в единственном лице: «поклепал» и «убил». Ниже этого текста во фразе источника «на Седукееве отце на Акуе долгу бескабального и сказывает давал де живот ево...» в публикации фразы пропущен союз «и» (с. 8 публикации).

Кроме того, заголовок грамоты, данный издателями, не отражает ее содержания. Он звучит следующим образом — «Грамота царя Федора Ивановича в Пустоозеро посадским земским людям Сухану Леонтьеву, Сергею Дубровскому и Сидору Иванову сыну Июдину о челобитной ненцев Кубея Сахина с братом и детьми об обережении их от насильств, чинимых данными сборщиками». Здесь упущено из виду, что «насильства» и обиды ненцам наносили не только сборщики дани, но и «промышленные люди» из Перми и Пустозерского острога, «самоядь» других родов, в частности, канинские ненцы и «безданная “самоядь”».

На с. 9 публикации неверно напечатана дата написания грамоты — «лета 7105 г. генваря в 27 день», а в источнике — «генваря в 23 день».

Также укажем, что издатели не озаботились пометить границы листов источников, как это принято по правилам публикации исторических источников от 1990 г.

Самым же большим упущением публикаторов этих грамот, на наш взгляд, является то, что они в примечаниях к тексту грамот не остановились на истории происхождения этих грамот и появлении списков с них в архиве Посольского приказа⁵.

Из текста, сопровождающего списки с грамот, выясняются некоторые важные дополнительные сведения о быте и хозяйстве северных кочевников и об их взаимоотношениях с русскими центральными приказами и местными властями.

Прежде всего отметим, что как с момента принятия российского подданства кочующими «горными» ненцами (1525 г.), так и в конце XVII века и в дальнейшем они, как и все другие нерусские народности, имели право через своих представителей непосредственно обращаться к своему сюзеру — русскому ца-

рю о своих нуждах и просить помощи и защиты от «насилъств» и посягательств со стороны приказных людей и других обидчиков в местах их кочевок. Обычно такими представителями выступали старейшины («князцы») самых больших и сильных ненецких родов, как в нашем случае от рода карачей.

Во-вторых, заметно, что ареал кочеваний этого рода ненцев, а также других родов к концу XVII века несколько сократился. Если раньше западной границей их кочевок был район Белоозера, то в конце XVII века они доходили только до нижнего и среднего течения реки Мезени. На востоке — в Западной Сибири ареал их кочевок оставался прежним: низовья Оби в районе г. Березова. Причиной такого сокращения их кочевых территорий в Европейской России в западных регионах послужило в основном промысловая конкуренция как канинских⁶ и тиунских⁷ ненцев, так и русских посадских людей северных городов и черносошных крестьян Поморья. Общее же направление их хозяйственных походов — к зиме через «Камень» (Уральский хребет) в Западную Сибирь, а к лету обратно — в Большеземельскую⁸ и Малоземельскую европейские тундры также оставалось неизменным. Это было вызвано естественно-географическими природными и погодными условиями, от которых зависел их оленеводческий промысел. Европейские, западные склоны Уральских гор были пологими, и сильных ветров в этих местах не было, поэтому основной олений корм — ягель засыпало большой толщей снега. В силу этого олени не могли до него добраться. Восточные же склоны Уральских гор были обрывистыми, сильные ветры в этих местах сметали с равнин снег, и олени беспрепятственно добывали свой корм⁹.

В-третьих, выясняется, что, очевидно, до 1670-х годов с кочующих через Уральский хребет ненецких родов в Пустозерске воеводы «аманатчиков» (заложников) не брали, и специального «аманатского» двора для их содержания не было. Однако, после ряда нападений ненецких родов во главе с родом карачеев (с ними были еще роды пурьяга, ванюта, лохей и тысиня) на Пустозерский острог в 1640–1660-х годах, воеводы стали брать заложников с каждого рода по одному человеку и дер-

жать их по году, переменяя, как это делалось в сибирских городах¹⁰. В Пустозерском остроге для содержания ненецких заложников не было специальных строений, и их размещали где придется и не давали еды, отчего они «помирают голодной смертью». Поэтому посланник Хинта Балахонов в Посольском приказе бил челом государю, чтобы в Пустозерске поставили аманатский двор и «корм и платье аманатчикам давать против сибирских ясачных людей». Аманатский двор, очевидно, был в Пустозерске сделан, но не сразу, поскольку были проблемы с доставкой «хоромого леса» для его строительства. Известно, что специальную тюрьму в остроге для протопопа Аввакума и его товарищей строили более двух лет – с 1674 по 1676 г.¹¹

Ниже публикуются дополнения к изданным грамотам XVI века.

(Л. 3). 190 г. марта в 22 день явил в Посольском приказе печорской и югорской самоядин князец Хинта Балахонов.

К великому государю, царю и великому князю Федору Алексеевичу всеа великие и малые и белые России самодержцу послали ево Ханту бить челом самоядь о нуждах своих.

Как де блаженные памяти при великих государех, царех российских пожалованы прадеды их князь карачей Седа, да князь Лехей, да князь Томыла, да князь Белоголов, да князь Еркома и вся самоедь югорская, которые живут по Оби реки приняты в подданство. И с того времени и по се время они дань дают, а великие государи их от всяких людей оберегали и воевати их и налоги чинить не велели и пустоозерские и мезенские и березовские воеводы посадским и всяких чинов людем в обиду не давали. А ныне де им на Мезени и в Пустоозере и на Березове и в ыных городех от государевых людей чинятца великие убытки и продажи и оленей у них отгоняют. И от того они разорились и ясаку платить стало не-

чим для того, что в промыслах от русских людей чинятца им помешки.

А как де они бывают в городех для нужд своих и на них де, затеев ложно русские люди бьют челом воеводам и ищут многих пожитков и от того им чинитца великая продажа и убытки.

Да Хинта ж сказал – прежде де сего аманатов у них не имывали, а ныне у них берут аманатов в Пустоозерский острог, а аманатного двора в Пустоозерском (остроге) нет // (л. 4) и корму не дают и от того аманатчики их помирают голодною смертию. И великий государь пожаловал бы их – велел для аманатчиков в Пустоозерском (остроге) поставить аманантный двор и имать с роду их по человеку и своего великого государя жалованье – корм и платье аманатчикам давать против сибирских ясачных людей.

Да Хинта ж бьет челом, чтоб великий государь пожаловал их – велел им дать свою великого государя грамоту против прежних грамот, каковы даны родственникам их, чтобы их на Белоозере и в Пустоозерском (остроге) и на Мезени и на Березове воеводы от русских людей оберегали и налог и обид и продаж напрасных никому чинить не велели. // (л. 5)

И Хинта подал в Посольском приказе жалованную грамоту блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси 7033 году да грамоту блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси 7105 году и с тех грамот взяты списки, а подлинные отданы ему Хинте, а в списках пишет.

Далее идет текст двух опубликованных грамот.

Далее, после второй грамоты следует приписка подьячего Посольского приказа.

(Л. 15). 190 году апреля в 7 день великий государь указал с сего роспросу послать список с памятью. Учинить о том воеводе указ в приказе Большой казны боярину Ивану Михайловичу Милославскому с товарищи¹².

-
- ¹ Под стягом России: сборник архивных документов / сост. А.А.Сазонов, Г.Н.Герасимова, О.А.Глушакова, С.Н.Кистерев. М., 1992. В сборник включены как новые, так и ранее опубликованные в разных изданиях источники.
 - ² Там же. С. 6, 7.
 - ³ Там же. С. 7–9.
 - ⁴ *Вершинин Е.В.* Сыск 1653 г. о пустозерском воеводе Лошакове // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков. Новосибирск, 1999. С. 153–157; *Шапков А.Т.* О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI–XVII вв. // Там же. С. 223–230; *Окладников Н.А.* Пустозерск и ненцы (XVI–XIX вв.). Нарьян-Мар, 1999.
 - ⁵ Посольский приказ был главнейшим из многочисленных центральных приказов и контролировал деятельность в том числе Устюжского и Новгородского четвертных приказов, которые ведали пограничными и окраинными территориями Европейской России.
 - ⁶ Канинские ненцы обитали в основном на Канинском полуострове и кочевали на восток по приполярной тундре до р. Индиги.
 - ⁷ Тиунские ненцы кочевали по Тиунской тундре (Малоземельская тундра), расположенной к востоку от р. Индиги до р. Печоры.
 - ⁸ К востоку от р. Печоры до Уральских гор находилась Большеземельская тундра, по которой кочевали «горные» ненцы, доходившие порой до р. Мезени.
 - ⁹ *Журавский А.В.* Самоедское право: материалы для законодательных предположений. Архангельск, 1908. С. 14, 15.
 - ¹⁰ *Огородников В.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XV–XVIII вв. // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Иркутск, 1920. Вып. 1.
 - ¹¹ *Окладников Н.А.* Пустозерские страдалцы: из истории пустозерской ссылки в XVII–XVIII вв. Архангельск, 1992.
 - ¹² РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Д. 2338.

*Вступительная статья,
подготовка публикации М.Б.Булгакова*

**ПРОЕКТ
СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ЦЕНТРА
УПРАВЛЕНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНЬЮ
СОВЕТСКИХ МУСУЛЬМАН (1946 г.)***

Появлению проекта единого центра управления мусульманами СССР (1946 г.) предшествовала длительная история практики государственного регулирования духовной жизни отечественной исламской общины. Внутренние и внешние политические обстоятельства русской жизни привели к тому, что в 1773 г. императрицей Екатериной II был законодательно признан принцип религиозной терпимости по отношению к неправославным конфессиям Российской империи, в том числе исламу¹. Одним из итогов этого решения стало складывание в России с конца XVIII века государственной системы регулирования духовной жизни отечественного «мусульманства». В данном деле, по мнению исследователей, монархия Романовых отталкивалась от опыта Османской империи и ее вассала — Крымского ханства. Турки и крымские татары создали в своих странах огосударствленные структуры суннитских муфтиятов. В литературе подчеркивается то, что данное явление не соответствовало шариатским нормам (в исламе нет института церкви), возникло под влиянием традиций византийского православия, но отвечало политическим интересам светской власти султанов-Османов и ханов-Гиреев². Эти турецко-крымские духовные институты носили общегосударственно-централизованный характер и возглавлялись шейх-уль-исламами (муфтиями)³.

Анализ действий царских властей в «мусульманском вопросе» позволяет сделать вывод о том, что они начиная с екатерининского времени, исходя из «правительственных целей», стали выстраивать нечто вроде «Русской Исламской церкви». Необходимо, однако, подчеркнуть то, что имперская админи-

* Работа выполнена при содействии Фонда поддержки и развития научных и культурных программ имени Ш.Марджани.

страция с самого начала стремилась устроить эту систему как совершенно децентрализованную. Учреждаемые в России мусульманские духовные правления пребывали под постоянным «государственным присмотром» и являлись своеобразным придатком царской административной машины⁴.

На юго-востоке Европейской России в 1788 г. был учрежден первый российский суннитский муфтият — Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), открывшееся в Уфе в 1789 г. Его юрисдикция была распространена на территорию всей России, кроме Тавриды. В 1794—1831 гг. было образовано Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП). Ему подчинялись как крымские татары-сунниты, так и «магометане» Западного края — литовские татары. В 1872 г. для мусульман Бакинской, Елисаветпольской⁵, Тифлисской и Эриванской губерний были созданы расположенные в Тифлисе Духовные правления суннитского и шиитского учений. Руководители всех исламских духовных правлений утверждались в своих должностях царем. Лояльная империи Романовых мусульманская духовная элита послужила ядром для созданного в царской России сословия «мусульманского духовенства». Деятельность исламских правлений была подконтрольна петербургскому Департаменту духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) имперского МВД (1810—1917 гг.). ДДДИИ состоял исключительно из православных по своему вероисповеданию чиновников, его работа курировалась главным административным лицом в монархии Романовых — министром внутренних дел⁶.

Активизация мусульманского мира на рубеже XIX—XX веков затронула и российскую исламскую общину. В ходе первой русской революции 1905—1907 гг. имперские власти вынуждены были легализовать деятельность мусульманских съездов и собраний; в Государственной Думе образовалась мусульманская депутатская фракция. Однако многие пожелания мусульманской общественности по переустройству форм организации их духовной жизни, как правило, сталкивались с полным неприятием их царскими чиновниками. Особое беспокойство импер-

ской бюрократии вызвало прозвучавшее в ходе III Всероссийского мусульманского съезда (1906 г.) предложение об объединении деятельности руководителей мусульманских духовных правлений в едином совете и учреждении должности стоявшего над ними высшего в России мусульманского духовного лица. Этот духовный предводитель российских мусульман должен был быть выведен из подчинения МВД, зависеть только от царя и получить право личного доклада императору⁷. В данном предложении несомненно отразилось типичное традиционно-общероссийское патриархальное стремление, минуя лукавых «бояр», иметь дело и решать проблемы с самим царем. Это пожелание мусульманской общественности, в целом лояльной по отношению к монархии, вызвало самую негативную реакцию властей. Царские чиновники не только не хотели никакого объединения руководителей мусульманских духовных правлений, а напротив, именно в то же время предлагали разделить на части самый крупный исламский духовный центр — Оренбургский муфтият. В их записках он воспринимался как своего рода «мусульманский Рим»⁸. Категорическим противником предполагаемой централизации мусульманской конфессиональной жизни выступал и глава МВД в 1906—1911 гг. П.А.Столыпин⁹.

Революционные события 1917—1918 гг. привели к ликвидации старой системы государственного регулирования ислама в России. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД и бывшие исламские духовные правления прекратили свое существование. Пришедшие к власти в стране в конце 1917 г. большевики стали устанавливать новые правила игры на «религиозном поле». Их лидеры почти сразу заявили о своем подчеркнуто доброжелательном отношении к исламу. Так, в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятом Совнаркомом 20 ноября (3 декабря) 1917 г., объявлялось, что верования и обычаи российских мусульман «свободны» и «неприкосновенны». Подписавшие этот документ предсовнаркома В.И.Ленин и наркомнац И.В.Сталин выражали надежду на то, что в ответ на это мусульмане окажут больше-

викам «сочувствие» и «поддержку» в борьбе с социальным и империалистическим гнетом¹⁰.

Через два месяца, руководствуясь как просветительскими (по сути своей чисто буржуазными) принципами, так и собственными прагматическими политическими соображениями, советское руководство 20 января (2 февраля) 1918 г. обнародовало Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви¹¹. Последняя часть этого законодательного акта вызвала естественное недовольство в мусульманской конфессиональной среде. Впрочем, в сложных условиях гражданской войны 1918–1920 гг. и первых лет советской власти практическая реализация «школьного» раздела «церковного» Декрета в «исламском мире» России происходила крайне медленно. Целый комплекс внутренних и внешних причин и обстоятельств обусловил проведение в те годы в целом гибкой и осторожной политики компартии и подчиненных ей органов власти по отношению к мусульманским духовным кругам и рядовым последователям исламского вероучения¹². На протяжении всей советской истории особую роль в контроле над отечественным «мусульманством» играли органы госбезопасности.

Под их неусыпным присмотром в начале 1920-х годов вместо царского Оренбургского суннитского муфтията снова в Уфе сформировалось Центральное Духовное Управление мусульман Внутренней России, Сибири и Казахстана (ЦДУМ)¹³. В Крыму в 1920-е годы на смену старому Таврическому муфтияту пришло Крымское духовное управление мусульман-суннитов, которое под жестким давлением властей было ликвидировано в 1928 г. Насколько известно, после прекращения существования дореволюционных исламских центров в 1920–1930-е годы в Закавказье никаких новых мусульманских управленческих структур создано не было; децентрализованной оставалась и профессиональная жизнь северокавказских мусульман. В возникшей в 1924 г. Узбекской ССР в 1920-е годы существовал ряд областных исламских правлений, но общеузбекский мусульманский республиканский центр так и не был образован¹⁴.

Сохранение децентрализации и внесение раскола в исламскую среду являлись важнейшей задачей всех советских структур. Так, в 1923 г. «сверхсекретная» комиссия по вопросам отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) рекомендовала чекистам попытаться создать в мусульманском социуме партию «обновления», т.е. следовать политике раскола, применяемой в тот момент по отношению к РПЦ (поддержка действий сторонников А. Введенского)¹⁵. В Уфе советские и чекистские органы всячески способствовали противостоянию между образованным в 1921 г., состоящим из башкир Башкирским Духовным Управлением (БДУ) и ЦДУМ, где делами заправляли в основном этнические татары¹⁶. Наконец, соворганами особое значение придавалось полному недопущению возникновения каких-либо организационных связей ЦДУМ с исламскими структурами Крыма, Средней Азии и Кавказа¹⁷. Таким образом, советская власть на практике продолжила реализовывать старый дореволюционный курс политики по отношению к исламу — препятствовать объединению исламских духовных правлений и не позволять создать какой-либо общегосударственный мусульманский управленческий центр.

На рубеже 1920–1930-х годов положение советской исламской общины заметно ухудшилось. В период так называемого «великого перелома» резко усилились гонения на все религии в стране, в том числе на ислам. Мечети закрывались, система исламского образования была практически упразднена, мусульманские духовные лица репрессировались. Функционирование подавляющего большинства исламских региональных конфессиональных правлений прекратилось, формально сохранился лишь ЦДУМ, но его деятельность была фактически «заморожена»¹⁸.

Ситуация стала меняться лишь с началом Великой Отечественной войны. Необходимость укрепления социально-политической базы режима заставила советское руководство уже в первые месяцы войны разрешить верующим начать воссоздавать систему организации их духовной жизни. Особую роль в событиях возрождения отечественного «мусульманст-

ва», по свидетельству мемуарных источников, сыграл старейший узбекский исламский деятель 85-летний Ишан Бабахан¹⁹. В первой половине 1943 г. он встречался с советскими руководителями Узбекистана – Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ю.Ахунбабаевым²⁰ и председателем Совнаркома республики А.Абдурахмановым²¹. Ему было сообщено о том, что Москва дала разрешение на образование Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. По воспоминаниям дочери Ишана Бабахана, примерно на рубеже лета – осени 1943 г. ее отец на поезде отправился в Москву, где побывал на приеме у И.В.Сталина. По словам Ишана Бабахана, Сталин «уважительно и доброжелательно расспрашивал о настроении мусульман, об их жизни, предложил собрать Курултай мусульман, образовать Духовное управление и решительно вести борьбу против (фашистских. – Д.А.) захватчиков»²². Данная встреча Сталина с видным представителем мусульманских духовных кругов вполне укладывается в общее русло тогдашней советской конфессиональной политики. Так, 5 сентября 1943 г. произошла известная беседа Сталина с группой высших православных иерархов, в ходе которой именно глава компартии и советского правительства настоял на скорейшем созыве Поместного собора и избрании патриарха²³. Данные советские либеральные решения по «конфессиональному делу» диктовались как внутренними причинами, так и внешними обстоятельствами. Накануне предстоящих в конце 1943 г. Тегеранской конференции и первой встречи «Большой Тройки» Сталин – Черчилль – Рузвельт СССР должен был продемонстрировать всему зарубежью, что в Стране советов нет никаких проблем с соблюдением религиозных свобод.

Курултай мусульманских улемов²⁴ Средней Азии и Казахстана состоялся в Ташкенте 15–20 октября 1943 г. Было принято решение о создании Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ). Председателем (муфтием) САДУМ единогласно был избран Ишан Бабахан, ответственным секретарем – его сын и будущий преемник, муфтий в 1958–1982 гг., Зияуддин²⁵. В эти же военные годы возрождает

свою деятельность в Уфе ЦДУМ, заново создаются Духовные управления мусульман Северного Кавказа в дагестанском городе Буйнакске и мусульман Закавказья в Баку. Последнее управление в известной степени носило уникальный характер, ибо ведало одновременно духовной жизнью и суннитов, и шиитов региона²⁶. В мае 1944 г. для организации «государственного присмотра» над неправославными конфессиями, в том числе исламом, был учрежден Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме (позднее Совмине) СССР (СРК)²⁷. Его главой в 1944–1956 гг. являлся опытный чекист, занимавшийся религиозными делами еще в довоенное время, полковник НКГБ И.В.Полянский²⁸.

Именно с ведением данным Советом «исламского дела» связан комплекс уникальных, до сих пор не вводимых в научный оборот документов, выявленных нами в Государственном архиве Российской Федерации. Эти материалы датируются началом 1946 г. и отложились в фонде 6991 «Совет по делам религии». Вот их содержание.

1. Письмо Совета по делам религиозных культов (Москва), адресованное уполномоченному Совету по Узбекистану (30 января 1946 г.)

В этом, достаточно откровенном послании московское начальство сообщало своему ташкентскому чиновнику о том, что «отдельные» (!) представители всех четырех вышеназванных исламских правлений неоднократно «возбуждали в порядке предварительного согласования... вопрос о создании единого религиозно-административного мусульманского центра».

В послании подчеркивалось то, что, по мнению данных исламских служителей культа, учреждение подобного органа могло бы разрешить следующие вопросы, а именно:

- 1) установить единую программу организационно-административной деятельности;
- 2) оказывать организационное содействие советским мусульманам, желающим совершить паломничество в Мекку и

другие святыя места ислама (видимо, имелись в виду шиитские святыя места — города Неджеф и Кербела (совр. Ирак));

3) руководить работой учебных заведений, координируя и направляя их деятельность в соответствии с нуждами мусульман, населяющих разные части СССР;

4) установить «координированные действия» в вопросах издания исламских журналов, молитвенников и другой печатной продукции;

5) более «ответственно» разрешать вопросы, связанные с приемом различных иностранных делегаций мусульман, приезжающих в СССР. Насколько можно было понять, хотя в послании об этом прямо не говорилось, исламский центр предполагалось разместить в Москве.

Необходимо учитывать, что работники Совета, готовившие этот документ, были реальными прагматиками. Констатируя наличие «известного антагонизма» между полиэтническим «мусульманским духовенством» различных среднеазиатских республик, Совет подчеркивал «трудность» и «сложность» реализации предлагаемого проекта. В московском послании также отмечалось, что работники Совета ожидали возникновение споров по поводу фигуры будущего руководителя предлагаемого к созданию исламского центра. Именно поэтому Совет хотел получить необходимые консультационные рекомендации, как от узбекского партийно-советского руководства, так и от председателя САДУМ Ишана Бабахана²⁹.

Представляется, что столь ответственный проект не мог был быть «запущен» в обсуждение московскими чиновниками по их самостоятельному решению. Несомненно, Совет по делам религиозных культов получил на это санкцию «Инстанции», т.е. высшего политического руководства страны. Думается, что высшее московское начальство предполагало, что именно Ишан Бабахан (или кто-то из его ближайшего окружения) должен был возглавить вновь создаваемую исламскую структуру.

Судя по датам, указанным в других документах, 31 января 1946 г. письма, аналогичные посланному ранее в Ташкент, были

отправлены в другие исламские духовные правления и уполномоченным Совета в союзных и автономных республиках со значительным мусульманским населением. В рассматриваемом нами архивном комплексе документов отложились следующие ответные послания, отправленные в Москву.

2. Узбекский ответ

В письме уполномоченного Совета по Узбекистану сообщалось, что и партийно-советское руководство республики, и Ишан Бабахан одобряют предлагаемый проект, называя его «разумным», и поддерживают идею создания исламского московского центра с учетом возложения на него вышеуказанных функций³⁰.

3. Азербайджанский ответ

Реакция уполномоченного Совета по Азербайджану, как и ташкентский ответ, также была в целом позитивной по отношению к московскому проекту. По словам азербайджанского уполномоченного Совета, руководство Совнаркома республики не высказало каких-либо принципиальных возражений против предложения Москвы³¹. Председатель Духовного Управления мусульман Закавказья шейх-уль-ислам Али-заде в целом поддержал московский проект, но отметил необходимость учета при его реализации ряда моментов. Так, он считал необходимым выдвинуть кандидатом на пост руководителя проектируемого центра представителя суннитов, составляющего подавляющее большинство верующих мусульман на территории СССР. Баку предлагал сделать руководителем будущего московского центра сына Ишана Бабахана, Зияуддина Бабаханова, как человека, обладающего «высокими исламскими духовными знаниями». Констатируя наличие заметных противоречий между «мусульманским духовенством» Средней Азии, Европейской России (т.е. подчиненным Уфимскому муфтияту) и Северного

*Кавказа, бакинский шейх-уль-ислам считал целесообразным иметь в дальнейшем четырех заместителей председателя будущего центра — по одному от каждого из существовавших тогда исламских духовных правлений. При этом уполномоченный Совета по Азербайджану докладывал Москве о желании бакинского советского руководства иметь представителя азербайджанских шиитов в качестве первого заместителя председателя образуемого исламского центра*³².

4. Туркменский ответ

*В отличие от писем, отправленных в Москву из Ташкента и Баку, послание уполномоченного Совета по Туркмении носило совершенно иной характер. Опираясь на мнение своего партийно-республиканского руководства, ашхабадский представитель СРК практически отверг предлагаемую московскую инициативу. Он подчеркивал в своем послании, что в целом туркмены всегда были «плохими мусульманами», которые в своей жизни и быту практически отталкивались прежде всего от норм адата (обычного права), а не шариата*³³. *По его словам, «мусульманское духовенство» обладало до 1917 г. «небольшим влиянием» в туркменском среде. «Вакуфы» у туркмен практически отсутствовали, «земли духовных лиц»³⁴ в случае засухи и крайней нужды в воде по решению населения могли быть лишены права на полив и т.п. Выступая против создания общесоюзного исламского центра, представитель Ашхабада писал об «опасности» того, что в этом новом учреждении туркмены «могут по многим вопросам и во многих случаях оказаться в оппозиции» по отношению к «другим мусульманам» (имелись в виду прежде всего узбеки)*³⁵.

5. Таджикский ответ

Негативный, но более уклончиво построенный ответ отправил в Москву уполномоченный Совета по Таджикистану.

Ссылаясь на мнение своего партийно-советского руководства, таджикский представитель СРК писал: «Учитывая наличие разногласий (между последователями. — Д.А.) двух основных течений ислама — суннитов и шиитов, считаем со своей стороны целесообразным: 1) Создание двух мусульманских религиозных центров — для суннитов в г. Ташкенте и для шиитов в г. Баку. 2) Образование таковых центров в г. Москве представляется нам нецелесообразным»³⁶.

В архивном деле отсутствуют ответы на московский запрос, которые должны были бы представить уполномоченные СРК в других мусульманских центрах, прежде всего Уфе (Башкирия) и Буйнакске (Дагестан). На наш взгляд, их молчание практически означало отрицательную реакцию на предложение о создании единого исламского правления в Москве.

В условиях подобного разногласия мнения руководство Совета по делам религиозных культов в конечном счете отказалось от своего замысла. Судя по всему, «Инстанция» (т.е. высшее политическое руководство страны) также решило «не продавливать сверху» идею о создании единого исламского центра. Ведь существовавшая децентрализация исламских духовных правлений, сложившаяся, как отмечалось выше, еще в царское время, вполне соответствовала в конечном счете и советским государственным интересам. Вплоть до конца 80-х годов, насколько нам известно, каких-либо новых планов создания единого общесоюзного исламского центра советские властные структуры более не выдвигали. Напротив, организационная разобщенность в исламской среде еще более усилилась: в конце 1980-х годов обострение межнациональных противоречий привело к распаду Ташкентского и Северокавказских муфтиятов и образованию целого ряда республиканских мусульманских правлений³⁷. Заметной децентрализацией отличается и организация духовной жизни мусульман современной России, в которой, наряду с Уфой, возник ряд новых исламских управленческих центров — в Москве, Казани, Нижнем Новгороде и др.³⁸

Плодом неосуществленного замысла создания единого общесоюзного исламского центра остался текст проекта этого

института. Он, видимо, был составлен приблизительно в начале 1946 г. и подготовлен для публикации, в случае принятия положительного правительственного решения, в сообщениях ТАСС. Мы приводим текст данного документа с учетом особенностей его орфографии и синтаксиса; материал снабжен необходимыми примечаниями.

* * *

Проект

Руководство религиозным движением мусульман до сих пор осуществляется 4-мя территориальными независимыми друг от друга духовными управлениями: Средне-Азиатским /г. Ташкент/, автономных республик и областей РСФСР /г. Уфа/, Северо-Кавказским /Буйнакск/, и Закавказским /г. Баку/.

В деятельности территориальных духовных управлений отсутствует необходимая согласованность, как в вопросах религиозно-догматических, так и организационно-административных. Практическое отсутствие координации обуславливает:

а/ разные организационные построения мусульманской иерархической системы, отрицательно отражающиеся на повседневной деятельности общин верующих;

б/ невозможность введения единообразия в издательскую деятельность, часто дублируемую и недостаточно компетентно и авторитетно контролируруемую;

в/ невозможность введения в систему дел учета и подготовки кадров и служителей культа;

г/ снижение авторитета, а, следовательно, и эффективности в вопросах сношения с зарубежными мусульманскими странами.

На этом основании и исходя из намерений устранить ненормальные черты, руководители духовных управлений мусульман обращались в Совет по делам религиозных куль-

тов при Совете Министров СССР с ходатайством о разрешении создания единого, административно-консультативного³⁹ религиозного центра мусульман СССР с местопребыванием его в Москве.

Совет по делам религиозных культов тщательно изучив данный вопрос и получив положительную консультацию у советского и партийного руководства Узбекской, Казахской, Киргизской, Туркменской, Таджикской, Азербайджанской ССР и Башкирской АССР, считает целесообразным поддержать это ходатайство, о чем докладывает Вам.

Ислам в Советском Союзе исповедует около 20 мил. человек, из коих около 17 мил. являются суннитами и около 3 мил. — шиитами. Среди суннитов имеется несколько течений, мало отличающихся друг от друга в религиозно-догматическом отношении, но тщательно оберегаемых духовенством, заинтересованном в поддержке известных различий между течениями, главным образом по материальным соображениям.

Среди шиитов имеются обособленные, выделившиеся из шиизма секты, из которых наиболее значительными являются исмаилиты и бахаисты⁴⁰.

Различные течения в исламе обусловлены исторически, социально-политическими причинами, (они. — Д.А.) с истечением времени приобрели определенные черты религиозий национального племени, что, хотя в ослабленной, по сравнению с дореволюционным периодом, степени имеет место и в настоящее время.

Именно это обстоятельство является одной из причин некоторого антагонизма между татарами и узбеками, уйгурами и казахами и т.д.

Опыт последних лет показал, что на базе коренного изменения в взаимоотношениях между верующими мусульманами остатки указанного антагонизма, искусственно созданные и поддержанные, легко сглаживаются.

Так, Закавказское духовное управление мусульман, руководящее религиозной деятельностью и шиитов, и суннитов,

возглавляемое на паритетных началах представителями и тех и других, не только не имеет никаких столкновений, внутри себя, но обеспечило в массах верующих почти полное исчезновение всяких коллизий, недавно проводившихся в кровавой борьбе.

Религиозное движение среди мусульман во многих случаях выходит за организационные рамки, введенные духовными управлениями. Введение одинаковых организационных принципов в деле построения иерархической системы, учета и подготовки кадров служителей культа, единообразия в издательской деятельности, несомненно даст положительные результаты. 3-х степенная иерархическая система /духовные управления – мухтасибат⁴¹ – община/ введенная и оправдавшая себя в республиках и областях СССР, с большим трудом преодолевая сопротивление духовенства, вводится в Средне-Азиатских республиках. Отсутствие твердого, канонического обоснованного и поэтому авторитетного курса на 3-х степенную иерархию обусловило наличие в Средне-Азиатских республиках значительного количества духовенства, фактически не подчиняющегося духовному управлению, действующего анархически, никак не контролируемого и наносящего серьезный вред⁴².

Еще большее значение в деле обуздания вышедшего за организованные рамки духовенства, будет иметь единая, строго централизованная система учета и подготовки кадров служителей культа.

В области издательской деятельности существуют следующие ненормальные явления:

Единственный журнал, выходящий в Ташкенте, тематически в отношении языка обслуживает только Средне-Азиатские республики, он бы мог удовлетворить запросы всех мусульман СССР;

Издающиеся в Ташкенте и Уфе лунные календари, дублируя друг друга, в то же время не могут обслуживать мусульман Северного Кавказа и Закавказья. Это обстоятельство

во легко могло бы быть устранено при условии единой редакционной комиссии.

Совет полагает, что роль проектируемого центра мусульман СССР будет значительна не только в деле урегулирования внутреннего религиозного положения, но и принесет пользу в деле взаимоотношения СССР с зарубежными мусульманскими странами.

В настоящее время ислам во всем мире исповедует свыше 300 мил. человек, компактно расселенных в Азии, Африке и Европе.

Как и в СССР, ислам всюду делится на 2 основных толка — на суннитов и шиитов, причем шииты составляют, приблизительно, 1/6 часть общего количества мусульман.

Во всех случаях [при] соприкосновениях представителей мусульман СССР с зарубежными мусульманами, которые имели место до сих пор, со стороны иностранцев всегда подчеркивалось благожелательность и пожелание углублять и расширять связь с мусульманами СССР. Учитывая огромное значение религии в мусульманских странах, нельзя не согласиться, что наличие единого религиозного центра мусульман в СССР окажет серьезное и благоприятное влияние на развитие связи СССР с мусульманскими странами,

Для осуществления вышесказанного Совет смог бы провести следующие мероприятия:

Главы существующих 4-х духовных управлений, образовав инициативную группу в составе 5 человек, публикуют соответствующую декларацию и проводят подготовку к созыву весной в 1948 году, учредительного съезда мусульманского духовенства и верующих СССР.

Нормы представительства на съезд 20—25 делегатов от каждого духовного управления, а вообще не более 100 человек. На съезд приглашаются также гости из зарубежных мусульманских стран в количестве 20—25 человек.

Съезд примет устав, изберет сроком на 5 лет духовное управление мусульман СССР в составе 7 членов.

В духовные управления входят: его председатель – великий муфтий СССР, 5 его заместителей, один из которых является его постоянным помощником, а 4 муфтиями – председатели ныне существующих территориальных духовных управлений, принимающие участие в пленарных заседаниях, и один – ученый секретарь.

Съезд избирает также центральную ревизионную комиссию в составе 5 членов. Постоянным действующим органом является собственно великий муфтий, его постоянный заместитель и ученый секретарь с необходимым техническим аппаратом. Пленарные заседания духовные управления созывают не чаще одного раза в 3 месяца.

В ведение великого муфтия входят следующие вопросы:

1. Представительство в Совете по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и сношение с ними по всем вопросам, связанным с удовлетворением религиозных нужд мусульманского населения СССР⁴³.

2. Представительство и участие от имени мусульман СССР на съездах, конференциях, совещаниях, юбилеях и т.п. мусульман в зарубежных странах.

3. Направление от имени мусульман СССР представитель и делегаций за границу для установления контакта с зарубежными мусульманскими духовными учреждениями и отдельными деятелями, по приглашению из заграницы, так и по своей инициативе.

4. Приглашение от имени мусульман СССР представитель мусульманского духовенства из заграницы.

5. Прием представителей мусульманского духовенства, пребывающих из заграницы.

6. Оказание содействия мусульманам СССР, желающим совершить паломничество в Мекку и др., почитаемые мусульманами места заграницей.

7. Издание Корана и хафтияка /сборника избранных сур из Корана/.

8. Издание молитвенников, религиозной литературы, журналов и мусульманских календарей.

9. Рассмотрение и утверждение представляемых территориальными духовными управлениями: а/ программ медресе⁴⁴ и краткосрочных духовных курсов; б/ программ по проверке знания лиц, желающих посвятить себя духовной деятельности.

10. Общий надзор за деятельностью территориальных духовных управлений, при отмене их указаний, распоряжений и путей, в случае противоречия их основам ислама или законам государства.

В ведение пленарных заседаний духовных управлений входит: трактовка и разъяснение религиозно-догматических вопросов ислама, в толковании и понимании, которые встречаются трудности, разногласия или когда (они. — Д.А.) растолковываются неправильно. Решения духовного управления по этим вопросам доводятся до всеобщего сведения в виде фетвы /заключения/.

Отдельные вопросы разрешаются в вопросном порядке без созыва пленарного заседания. Существующие в настоящее время территориальные духовные управления сохраняются и продолжают функционировать на основе своих уставов.

Духовное управление мусульман СССР содержится за счет отчислений, поступающих от территориальных духовных управлений.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 44. Л. 78–82.

¹ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю.Арапов. М., 2001. С. 45, 46.

² *Иванов Н.А.* Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI–XVII вв. // *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.* М., 1993. С. 241, 242.

³ Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991. С. 177.

⁴ *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. С. 46, 47.

- 5 В 1804 г. Гянджинское ханство (на территории современного Азербайджана) было присоединено к России, город Гянджа был переименован в Елисаветполь (в честь жены Александра I – императрицы Елизаветы Алексеевны) и носил это название до 1918 г.
- 6 Ислам в Российской империи ... С. 23, 24.
- 7 Там же. С. 311.
- 8 Там же. С. 298.
- 9 Более подробно см.: Записки П.А.Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. / публ. Д.Ю.Арапова // Восток. 2003. № 2.
- 10 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 114, 115.
- 11 Там же. С. 373, 374.
- 12 *Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г.* Мировые религии. М., 1998. С. 279.
- 13 Ислам на Европейском Востоке: энциклопедический словарь. Казань, 2004. С. 362, 363.
- 14 *Арапов Д.Ю.* Мусульманское духовенство Средней Азии в 1927 г. (по докладу полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии) // Расы и народы. М., 2006. Вып. 32. С. 320.
- 15 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 12.
- 16 *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 154–159.
- 17 *Арапов Д.Ю., Косач Г.Г.* Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. Н. Новгород, 2007.
- 18 *Юнусова А.Б.* Указ. соч. С. 189.
- 19 *Усманходжаев А.* Жизнь муфтиев Бабахановых: служение возрождению ислама в Советском Союзе. Москва; Н. Новгород, 2008. С. 24–65.
- 20 Юлдаш Ахунбабаев – советский государственный деятель. В молодости был батраком. Пользовался большим авторитетом у населения Узбекистана. В 1925–1938 гг. председатель ЦИК Советов Узбекской ССР, в 1938–1943 гг. председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана. Ахунбабаев ушел из жизни 28 февраля 1943 г., поэтому встреча с ним Ишана Бабахана состоялась приблизительно в январе – феврале 1943 г.
- 21 Абдужаббар Абдурахманов – советский государственный деятель. В 1938–1949 гг. председатель Совнаркома (с 1946 г. Совета Министров) Узбекистана.
- 22 Цит. по: *Усманходжаев А.* Указ. соч. С. 42. Данная встреча не зафиксирована в справочнике: Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина: журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924–1953. Алфавитный указатель // Исторический архив. 1998. № 1. Мы считаем возможным, что данная беседа, судя по всему реально имевшая место, могла происходить где-то в другом, менее официальном помещении и должна

- была, по замыслу советского лидера, носить более частный характер.
- 23 *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 104, 105.
 - 24 Улемы – мусульманские богословы, получившие специальное теологическое образование.
 - 25 Учитывая наличие заметных противоречий в среде полиэтнического «мусульманского духовенства» республик Средней Азии, достижение «единогласия» при избрании Ишана Бабахана муфтием САДУМ, судя по всему, являлось итогом сильного давления на улемов со стороны представителей органов госбезопасности. О Зияуддине Бабаханове см.: *Усманходжаев А.* Указ. соч. С. 66–103.
 - 26 Ислам // Большая Российская Энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 750.
 - 27 *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 110.
 - 28 Об И.В.Полянском см.: *Дамаскин (Орловский), игумен.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2001. Кн. 2. С. 468.
 - 29 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 44. Л. 1, 1об. (Далее: ГАРФ).
 - 30 Там же. Л. 3.
 - 31 Представляется, что чиновники из бакинского Совнаркома не могли не согласовать эту свою позицию с всемогущим первым секретарем ЦК компартии Азербайджана Мир Джафаром Багировым. О М.Д.Багирове см.: Политбюро. Оргбюро. Секретариат ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС: справочник. М., 1990. С. 70.
 - 32 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 44. Л. 5, 5об.
 - 33 О роли обычаев и традиционализма в жизни Средней Азии более подробно см.: *Поляков С.П.* Традиционализм в современном среднеазиатском обществе (1989 г.) // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004.
 - 34 Здесь, видимо, имелись в виду два вида земельной собственности: вакуфы (вакфы), которые являлись собственностью мусульманских духовных учреждений, и земли, которые выделялись местным обществом на «прокорм» мусульманским духовным лицам (имаму, хатибу и т.д.).
 - 35 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 44. Л. 14–15.
 - 36 Там же. Л. 20.
 - 37 *Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г.* Указ. соч. С. 326.
 - 38 Более подробно см.: *Силантьев Р.А.* Новейшая история исламского сообщества России. М., 2006.
 - 39 Данное положение проекта отчетливо демонстрирует то, что предполагаемый к созданию исламский центр в реальности обладал бы крайне ограниченными, чисто совещательными права-

- ми и возможностями и должен был скорее носить рекламнопропагандистский, ориентированный на границу характер.
- 40 Исламиты – последователи одной из основных ветвей шиитского ислама (более подробно, см.: Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991. С. 110–114). Бахаисты (бехайты) – последователи религиозного учения, отпочковавшегося от ислама к концу XIX в. (более подробно см.: *Базиленко И.В.* Краткий очерк истории и идеологии бахаистской международной общины (XIX–XX вв.). СПб., 1998).
- 41 Мухтасибат – районное духовное объединение мусульман, куда входила группа общин (духовных «приходов») данной территории.
- 42 Деятельность незарегистрированных исламских «обществ» и так называемых «бродячих» мулл постоянно вызывала особое беспокойство советских властей: *Юнусова А.Б.* Указ. соч. С. 258.
- 43 В отличие от мусульманского проекта 1906 г., где высшее духовное исламское лицо получало бы право личного общения с самим царем, проект 1946 г. предоставлял «великому муфтию СССР» лишь весьма расплывчатое разрешение представлять интересы своей паствы в Совете по делам религиозных культов. Последний же сохранял все свои права контроля над духовной жизнью мусульман страны.
- 44 Медресе – мусульманское среднее духовное учебное заведение.

*Вступительная статья,
подготовка публикации Д.Ю.Арапова*

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
<i>А.В.Шумкин.</i> Маджары в фольклоре народов Северного Кавказа и письменных источниках	5
<i>В.В.Трепавлов.</i> Крылья Бумбы (кочевые потестарные структуры в эпической стране калмыков)	54
<i>Д.Н.Маслюженко, Е.А.Рябинина (Курган).</i> Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингизидов)	81
<i>А.А.Хамицаева (Владикавказ).</i> Христианство и социально-политические процессы в Осетии (XVIII – середина XIX века)	103
<i>Н.Е.Бекмаханова, Н.Б.Назарбаев.</i> Казахский суд биев в XIX веке: адаптация к российской имперской государственности	154
Д.И.Исмаил-Заде. Административное управление и национальный вопрос на Кавказе	176
<i>Э.П.Федосова.</i> Управление Северо-Западным краем при графе М.Н.Муравьеве (1863–1865)	199
<i>А.В.Михайлюк (Днепропетровск).</i> Из крестьян в нацию?: Отношение крестьян Украины к национальному вопросу в начале XX в.	213
<i>Л.Максименков (Принстон, США).</i> К истории одного неосуществленного проекта (Немецкий государственный театр в Автономной республике Немцев Поволжья, 1936 г.)	243
<i>Н.Ф.Бугай.</i> Этническое меньшинство цыган России: положение и проблемы восприятия обществом	267
Документы	
Дополнение к публикации грамот XVI века, касающихся истории ненецкого этноса. Публ. <i>М.Б.Булгакова</i>	306
Проект создания единого центра управления профессиональной жизнью советских мусульман (1946 г.). Публ. <i>Д.Ю.Арапова</i>	313

Редактор-корректор
О.А.Пруцкова

Компьютерная верстка
Н.В.Васильевой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 02.11.10. Формат 60x84/16. Заказ №
Тираж 300 экз. 00 п.л. 00,00 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.